

Содержание

Вместо предисловия	2
Беседа первая. О тигре, кобре, тактильности мира, факирах, цветочных телефонах и провидении.....	5
Беседа вторая. О Ришикеше, поселке йогинов, чакрах Индии, Солярисе сознания, об агхори, трансформирующих энергию смерти, о Майя-Лиле и семи ступенях.....	11
Беседа третья. О Западе и Востоке, о голоде художника и баньяне жизни.....	18
Беседа четвертая. О музыке, Рождестве, свободе, Саи Бабе и игле времени.....	21
Беседа пятая. Об огне, воде, мужском семени и женской крови.....	25
Беседа шестая. О раннеиндийской литературе, творческой сублимации, времени созерцания и ночных мыслях.....	32
Беседа седьмая. О спанде, мантрической природе речи и тайне русской души.....	36
Беседа восьмая. О проекте русско-индийского арт-ашрама «Мастер».....	39
Беседа девятая. О календарях, об иранском принце, кшатриях, Рамакришне и кобре, о четках времени, о донорах индустрии, о мессидже Индии.....	47
Беседа десятая. О тестостероне, исламе, разрухе национальных парампар, о женщинах на невидимом поле.....	51
Беседа одиннадцатая. О собаках и смерти, о мясе и молоке несчастья, о каналах старения и экстренных способах регенерации.....	56
Беседа двенадцатая. О путях тантры и разночтениях в ориентирах.....	60
Беседа тринадцатая. О шизофрении правды, искусстве и рынке, о диктатуре сутенера, задачах художника и карме творений.....	65
Беседа четырнадцатая. О диковинных происшествиях, о Кришнамурти и Дэвиде Боме, о кастах, Адамовом мосте, Афанасии Никитине и Индейской земле, о Лхасе и дерадунском шпионе, о Бенаресе, Ганге, паломниках и погребальных кострах, о гербе Индии и кармических превращениях, о ведических гимнах и шудрах.....	69
Беседа пятнадцатая. О соли и хлебе, о бакинском детстве, о возвращении домой – в Индию, о древе парампары и последнем прыжке.....	80
Беседа шестнадцатая. О храме Марса, Хрониках Акаши, об отношении к судьбе и языковом барьере культур.....	84
Post Scriptum. Письмо свами Амриту.....	91

Вместо предисловия

Машина спускалась по серпантину от ледников Гималаев, от первой капли Ганга. Дорога была уже ширины колес. За рулем – в мучном полотняном костюме – индус, жуёт бетель, поглядывает в зеркальце. «Одну ногу надо всегда держать на весу, – говорит он, уводя полмашины в пропасть. И, возвращая ее на дорогу, добавляет: – Иначе вязнешь». «И в радости?» – говорю, глядя на спящих на скальных уступах паломников с лицами, какие бывают только в самых счастливых снах, в детстве. «Да, – говорит, – и в любви... и в смерти». «И в Боге?» – «Да, и в жизни. – И сплевывает бетель в окно. – Иначе вязнешь».

Майя, как говорят индусы, головная боль без головы.

Едем. Гляжу в окно, думаю. Человека нет. По крайней мере, в метафизическом смысле существование его не доказано. А если не доказано в метафизическом, то все другие смыслы – косметика, прикрывающая это зияние. Человек конечен, но не окончен. Это единственная из известных нам развитых форм жизни, у которой нет ничего, кроме дара становления. Есть цель, сказал Кафка, и нет никакого пути. Путь – это наши сомненья.

Ничего, кроме этого магического кристалла. Божий дар выбора. И никакого пути. Только зеркальце обратного вида.

В облако въехали. Смена ноги, говоришь? Или обеих? Человек начинается там, где кончается отпущенная ему материя как земля под ногами. Это динамическое неравновесие меж точкой опоры и тем, что носилось над водами. Почему «у бездны на краю» человек кренился не в сторону почвы, назад, а вперед – в ничто, в пропасть? Тварь стоит на четырех и более ногах в пределах отпущенного ей жизненного пространства. Она закончена, она совершенна. В отличие от человека – вида несовершенного, длящегося, открытого к воплощениям по всему полю – от нисхождения к твари до восхождения к тому, где тонко, где рвется, к Творцу.

Ни в одной из религий Творец не наделен неведением в отношении созданного им мира. А у индусов: «Откуда это творение появилось? То ли само себя создало, то ли – нет. Приглядывающий за миром в высшем небе, – только он знает это или не знает», – Ригведа, более тысячи лет до Р.Х.

А что же было вначале? Слово? Нет, говорит Ригведа, – вначале была веревка и сила ее натяжения. А что имеет в виду современная постквантовая физика, говоря о теории струн? Не ту же веревку и не те же ли силы?

Вниз спускаемся, к Ришикешу. Шофер молчит, в зеркальце поглядывает, круглое, как ноль, который они и придумали, индусы, полторы тысячи лет назад. Этой местности, названной третьим глазом Индии, примерно столько же. Ришикеш, Волосы Мудреца. Йогини селились здесь со времен Рамааны. Века изощренной культуры, сохранившей спонтанную радость живых отношений с миром, тот певчий космос, который бывает только в счастливом детстве. И никаких религиозных догм. Тат твам аси, говорят Веды. То есть ты всегда не то, что ты есть. Ты – в другом, а другое указывает на третье и так далее до бесконечности этой круговой поруки родства и единства, охватывающей весь мир и возвращающей тебе тебя как имя и смысл творенья.

У каждого здесь свой путь, своя встреча. И чтобы эта встреча с Индией произошла, нужно быть сродни ее воздуху – не тяжелее его и не легче. А это значит – перешагнуть свой ум, опыт, память и не давать имен – оттеснить речь, открыть поры, высвободить внутреннюю акустику, то есть быть женщиной, не Адамом; быть, а не стать – чтобы ей, жизни, было куда входить. И входить такой, по сравнению с которой наша – музей жизни.

Потому и нелепа здесь мысль о памятниках культуры и прочих, так называемых, достопримечательностях. Как нелепы карты, путеводители, бинокли, камеры и блокноты. Жизнь. Живая. И вдруг чувствуешь это безудержное расширение себя с обескураживающе не наводящим ужас отсутствием предела этому расширению. Я есть Тот. И здесь, и там, и во всем. И всплывает догадка, мелькнувшая у Гераклита: наше сознание – вне нас.

Ришикеш, приехали. Подымаюсь по кривой улочке, оставляя за спиной Ганг и поселок. Дом свами Амрита окутан манговыми деревьями, на которых сидят лангуры – задумчивые обезьяны мельхиорового окраса, и замедленной рукой с тягуче-медовыми пальцами водят по небу. Из окна – в сторону джунглей – видны курящиеся зиккураты слоновьего помета.

Каждое утро свами вытряхивает из сандалий пригревшихся там скорпионов, берет посох, спускается к своей скале над гремящим Гангом и на несколько часов погружается в тантра-йогу и медитацию. Затем возвращается, занимается музыкой (большая коллекция старинных инструментов) или живописью (масло, холст). Когда спадает жара, идет в город через священную рощу, и многие индусы склоняются перед ним как перед старшим по духу.

Вот пунктир его биографии. Родился в конце сороковых в Баку, учился в Москве в школе живописи, принадлежал к так называемой «золотой молодежи», переехал в Ригу как в более свободную по тем временам интеллектуальную зону, осужден за инакомыслие, сослан в зауральские лагеря, в 1986-м три страны предложили ему политическое убежище – США, Германия и Индия, летит в Индию, годы странствует там, срастаясь с ее миром, языком, читает свою жизнь – прошлую и будущую – в списках Акаши, оседает в поселке мудрецов в верховье Ганга, строит там духовую школу живописи на тантрической основе (ученики школы – японцы, американцы, европейцы), живет один.

Стать свами в Индии не помогут ни происхождение, ни заслуги, ни дипломы, ни рекомендации. Это достижение внутреннего состояния. Которое либо принимается, то есть очевидно для окружающих, либо нет. В последнем случае ты не более чем самозванец. А очевидность эта того же рода, как для нас отличие снега от тополиного пуха.

Сильный человек, сложный. Противоречивый. Лента Мёбиуса: внешнее – внутреннее, внешнее – внутреннее, не ловится, не ухватывается. Все текуче, легко, певуче, – вода, глина, а чуть тронь – магма. Не просветленная гладь, а и холоден, и горяч, и веревка меж ними с силой натяжения. Тем и интересен.

Мы сидим в манговой роще на берегу Ганга, продолжая наши беседы, прерванные моей поездкой к истоку реки. Эта священная роща, куда забредают дикие слоны, тигры, олени, где стоит первозданная тишь, длящаяся на сотни километров до снегов Гималаев, отдана нам для воплощения нашего давнего замысла – создания русско-индийского творческого центра.

«Человек – художник, в этом его и путь, и смысл». – «Да, – говорит свами, – быть мастером своей жизни». – «Хорошее название для нашего арт-ашрама. «Мастер», творческая обитель».

Посреди рощи стоит тысячелетний баньян, ветви которого, как известно, растут по неизъяснимым траекториям: вверх, вниз, в стороны, возвращаясь, пронзая ствол, выпрастываясь, уходя в землю... А где центр этого древесного вавилона, этой лиственной тантры? Нет его. А точнее, везде и нигде. Дерево-роща.

Так движутся и наши беседы: о чакрах Индии, тантре, мужском семени и женской крови, о творческой сублимации и времени созерцания, Рамакришне и кобре, о четках времени, о донорах индустрии, Саи Бабе, о тестостероне, исламе, разрухе национальных парампар, о мессидже Индии, о женщинах на невидимом поле, о мясе и молоке несчастья, о каналах старения и экстренных способах регенерации, о шизофрении правды, о языковом барьере культур, о Западе и Востоке, о голоде художника и баньяне жизни... Движутся, казалось бы, хаотично, но всякий раз возвращаясь к незримому центру – к самым простым, первостепенным вопросам, на которые ответить по-прежнему труднее всего: о смысле жизни, об исполненности судьбы, о счастье.

Беседы эти начались в декабре 2006 года в предгорьях Гималаев и продолжились в нашем совместном путешествии через всю Индию, завершившись на юге, в храме Марса в городке Вайтишваранкоил, где, по преданию, хранятся списки людских судеб, так называемые Хроники Акаши. Месяц спустя у меня состоялась удивительная встреча с Далай-ламой. Благословив создание ашрама, он долго смотрел в лицо поверх своих черепаших очков и кивал, улыбаясь. На весу, думал я, глядя в иллюминатор самолета «Дели – Москва». На весу. «Москва – Дели».

Сергей Соловьев

Беседа первая

О тигре, кобре, тактильности мира, факирах, цветочных телефонах и Провидении

Сергей Соловьев: Начнем спонтанно.

Свами Амрит: Да, это 500 км от истока Ганга...

С.С.: ...почти у первой капли.

Нет прямых путей в Индию – все, как шелковые, да не прямые. Вчера мы вернулись из Раджаджи. Один только синий мост отделяет одну галактику от другой. Взвинченный рой святого города Харидвара... переходишь мост и окунаешься в баснословный, допотопный и удивительный мир, где сновидческие деревья бродят по лесу и ты не замечаешь их перемещений; где олени собираются, как клубень дыма, и так же бесшумно исчезают из хрусталика глаза... где у нас был один из тех опытов, которые, видимо, останутся в жизни навсегда, – встреча с тигром.

Это был послеобеденный час, четыре часа дня; мы остановились на постоялом дворе, где не было ни одного посетителя, кроме нескольких человек персонала, и в первую ночь, когда мы спали, псы беленели – просто завинчивались в двойные спирали, как ДНК, от возбуждения, страха – они были, что называется, в буквальном смысле вне себя, и не было такой силы, которая могла бы вернуть их в их очертания. Так прошла первая ночь. Это такой небольшой оазис с гест-хаузом – с павлинами (гест-хауз назывался «Маюр»), цветы, клумбы, столики, ухоженный английский газон, – и этот маленький мир огорожен колючей проволокой в полтора человеческих роста. Наутро мы поняли, почему беленели псы и почему этот оазис был огорожен: шаг за околицу – весь песок испещрен следами леопардов и тигров. Реальное ощущение раскавыченного мира, который дышит в каждую клетку твоего существования – и бытием, и небытием.

На второй день нашего существования мы пошли в джунгли (хотя это, разумеется, запрещено), пошли с голыми руками, на паре своих ног, и шли по лесной просеке, разговаривая – отошли едва ли на сто метров от постоянного двора, – ясный погожий день, пронзительно голубое небо, ни дуновения... Мы идем разговариваем, и вдруг я поднимаю голову, и на этой же просеке движется на нас... в первую секунду я понял, что это громадная кошка – но леопард это, или тигр, или видение какое-то, я не успел отчетливо определить, потому как эта просека то опускалась, то поднималась, и в этот момент, когда я его увидел, он как раз вошел в низину на просеке. Я вынул бинокль, поднес к глазам, и в то же мгновение прямо в глаза, в глазное дно, не помещаясь в бинокль вплыла... это нельзя назвать мордой... это могучее, древнее, архаичное лицо тигра. Такое впечатление, что улыбка приподнимала его усы. Он шел, чуть опустив голову. Трудно заблуждаться насчет его состояния – он не видел нас или не хотел видеть – это была погруженность в какой-то внутренний колодец. Он шел, что называется, в раздумьях – в своих ветвистых гремучих раздумьях. Мы остановились, прошло несколько мгновений, он поднял голову, взглядываясь. Этот взгляд еще и сейчас, когда мы о нем говорим, находится на дне глазных яблок. Смотрел некоторое время – к понятию времени мы еще вернемся, оно действительно здесь некоторое и большему определению не поддается, – и: он не вильнул в кусты, он не прыгнул, он не сошел с дороги, – он переместился. Я спросил у Зои, что будем делать дальше, и Зоя сказала: идем дальше. Мы прошли почти те тридцать метров, которые нас разделяли, и там был перекресток этих лесных дорог, просек. И вот в это мгновенье произошло то, что уже не вычесть из жизни. И это не поддается никакому описанию, потому что оно имело отношение не только к звуку.

С.А.: До-звук...

С.С.: Это был его рык – ни извне, изнутри моего кишечника, из-под неба. Наждачной бумагой я был вычищен от пят до волос. И этот звук – если уже переходить в так называемую реальность – в двух с половиной метрах от нас. Два метра нас отделяло от плотных рядов кустов, и где-то в полуметре находился он. Невидимый. Это было ближе собственного сердца. Мы молча начали отступление, очень медленно, не делая никаких резких движений. Мы сделали два шага назад, повернувшись к нему спиной, и вдруг я понял, что так нельзя делать, и я развернулся, а Зоя шла спиной. Таким сдвоенным валетом мы отступали по дороге. Мы прошли те тридцать метров, на которые приблизились к нему, и только тогда, через тридцать метров, был совершен первый выдох, как нам казалось. И вот когда мы выдохнули и решили, что миновало – это сближение, это неслышанное напряжение, – хотя я должен сказать, что испуга – с холодным потом или с дрожью в коленках – у нас не было, это имело отношение к чему-то совсем другому...

С.А.: Это не было, видимо, культурным страхом, и не было страхом – этому не было определения, и, видимо, не было ясно, как эта темная материя себя поведет.

С.С.: И когда мы выдохнули это состояние, в эту же секунду раздался троекратный рык – в двух метрах от нас, из кустов. Он всю дорогу следовал за нами, он выпроваживал нас из этого леса, из своих владений. И мы прошли еще пятьдесят метров, вернувшись на нашу изначальную точку, и только тогда мы увидели его вдали – свободно переходящим свою дорогу.

Это удивительная встреча. Это рисунок достоинства отношений реальных живых существ. Он не был агрессивен, он не спасался бегством, он указал нам границы существования.

Через несколько дней у Зои был день рождения, который прошел под знаком слона – от маленького слоненка Йогина, которого мы кормили хлебцами с мармеладом, до большой слонихи Арангути. С нею был удивительный час, проведенный в джунглях, – она прервала свой полуденный обед и развернулась к нам всей кожей, своими мудрыми нежными глазами и хоботом своим, и это дыхание хатхи мы почувствовали во всей полноте и глубине. Вообще, все, что здесь происходит – первая характеристика, которую мы можем дать, – это тактильность. Причем не та тактильность, которую называют в цивилизованном мире прикосновением, а какая-то изначальная тактильность, с которой начинались дни творения.

И оглядываясь, я думаю, если есть этот Страшный суд, мы, люди, на тех последних весах можем оказаться не в своей тарелке, – в той, где нелюдь. Единственное, что хоть как-то искупает беды, причиненные нами этому миру, это творческая энергия. Но даже это весьма сомнительно по отношению к тому чуду иных форм жизни, которые только сейчас мы начинаем видеть. Слишком поздно, когда от этого чуда остались одни отсветы. Тысячи лет прошли. Здесь, в Индии, не знают – чувствуют, изначальное, от рождения, – эту сращенность с миром, сращенность с огнем, водой...

С.А.: Жизнь здесь лишена весьма искусственных границ. Животные не живут только сексом или пищей, как им обычно приписывают люди. Они могут испытывать совершенное наслаждение от непрактичных вещей – от состояния, от времени, например, – можно увидеть медитирующих обезьян, особенно во время заката; они наслаждаются рекой – причем это не коллективно, так же, как и среди человеческих существ, это индивидуумы: идиоты, мудрецы, кто угодно. Эти опыты дают одно из самых главных – ощущение-переживание-воспоминание единства, не теоретического, а абсолютно тактильного, как ты сказал, абсолютно чувственного. Это абсолютно спонтанный опыт.

Один из важнейших опытов йогоинов и означает единство, возвращение. Особенно гималайских йогоинов. Это опыт единства со всей природой – не теоретического, а абсолютно биологического. Те баба, которые имели реальный опыт инициации через живую дикую природу, через опыт жизни в джунглях, все вспоминают и рассказывают об очень важном моменте принятия тебя животным. Это очень точный момент, когда ты чувствуешь, что они тебя приняли. Они обходят, осматривают тебя день и ночь, ночами их зрачки отражают свет твоего костра, и ты чувствуешь, как они наблюдают за тобой, изучая кандидата в этот лесной ашрам. И после этого спонтанная реакция – тебя принимают или нет. Если не принимают, возникает чувство беспокойства, страха, и так или иначе баба оставляет лес. Если это принятие происходит, то происходит опыт Маугли, когда тебя, божество, иницируют в такой не культурной форме через своих спонтанных адептов в виде растений, различных существ, которые отражают, кто ты такой, показывая твою способность и готовность быть частью всего. Без всяких оговорок, без всяких «но», без всяких искусственных сносок.

С.С.: С одним из таких баба я провел два дня и ночь у истока Ганга. Он сидел в пещерке уже четвертый год. Было молчаливое приятие друг друга, я подошел, сел рядом, и незаметно – времени вообще не существует, – но как-то по огню, по состоянию было видно, что уже много времени мы находимся вместе, и по хлебу, который он переворачивал, купая ладони в огне, и иногда казалось, что в огне у него шесть рук, полторы ноги, менялась эта конфигурация, и чапати эти складывались горкой рядом. Пещерка, где едва ли поместится небольшой ягненок – в ней он проводил самые студеные дни, там перепады ночные очень ощутимы. Высота около двух тысяч метров, а на полгода вообще перекрывается путь, полгода этот поселок живет вообще отрезанный от внешнего мира и есть только путь вверх. Вот в этой пещерке место, где он спал в утробном положении, и рядом – небольшая ниша, в которой он медитировал. Он рассказывал, что в прошлом году, в сезон дождей, подошел медведь, осмотрел нишу, осмотрел пещерку – и выбрал пещерку. И баба пришлось уступить. И всю студеную пору, несколько месяцев, он просидел в этой нише. И их выдохи соединялись. Так шли месяцы.

С.А.: Здесь до сих пор некоторые йогоины живут с тиграми, леопардами, медведями, которые приходят сами и остаются, получая удовольствие от этой атмосферы и неэкзальтированной любви. Причем этим существам, этим животным нужен человек. Почему все способны чувствовать радость, пусть непродолжительную, от общения с растениями и животными? От чувства парампары, единства всего со всем. Если ты настроен на эту тампуру единства – без всякого логического или специфического экологического анализа, ты это остро чувствуешь. Это находится в твоих генах, в твоей памяти. Эти животные нуждаются в счастливом человеке. Они испытывают большую непрактичную радость от чувства нахождения с продвинутым существом. Через это они трансформируют свои агрессивные инстинкты – например, тигры. Вплоть до вегетарианства, когда они добровольно перестают охотиться. Они редуцируют... Ведь один из главных показателей духовности в человеке – это умение редуцировать в себе потребительство. Вместо этого происходит обратный процесс – отдачи. Без идеологии, без каких-либо специальных программ. Ты становишься солнцем, ты становишься Шивой.

С.С.: Да, это навсегда останется, на всю жизнь. Несколько хижин, а крайняя к лесу – его, Махаммед-хана, погонщика слона. Семьдесят лет ему, и Арангути, слонихе его, ровно семьдесят, так и живут, с детства не расставаясь. Он – на пороге лачуги сидит, дремлет, и она, напротив него, стоит, раскачивается, перебирает хоботом ветви у ног, и когда он роняет голову, она кидает ветку – навесом – к его ногам, он вздрагивает, открывая глаза, кричит ей: «Грха, грха!..», и еще вдогон эти горсти согласных, этот горячий щебень речи. А она смеется своей тихой руиной рта, смеется, опустив голову, перебирая у ног ветки,

будто это и не она вовсе. Был у нее муж, из диких, ходил из джунглей, когда была молода, – умер. И жена умерла – у Махаммед-хана. Двоих сыновей оставила, хижина вся, как цветущим плющом, обвита внуками, правнуками. Растут, а напротив, в простенке, она стоит, раскачивается, улыбаясь с этим горьким дымом в глазах слезящихся. И потом, около двух пополудни, они спускаются к Гангу, и он садится на камень у воды, тот же камень, что и двадцать, и пятьдесят лет назад, а она входит в реку и валится на бок, и ее несет потоком, так, что только хобот виден над бурунами. Две женщины, две великих реки входят друг в друга, становясь единым. И ты, стоящий на берегу, – меж ними. И потом, когда она, выходя, выметывает воду из хобота, окатывая тебя, Махаммед-хана, сидящего на камне, и валится с боку на бок в раскаленную пыль, и подходит к тебе, и, наклонившись, смотрит тебе в глаза, и ты отражаешься в них, в этих маленьких, чуть воспаленных, лучащихся, окруженных иссохшими берегами, глазах, которые помнят и землю, и бога ее, еще в колыбели. И ты обнимаешь ее хобот, и она переносит тебя через голову, через небо, и сажает на спину, голого, в такой же чистой грязи и пыли, как и она, и вы плывете не спеша по выжженной траве, и чувство такое, что роднее и нет ничего на свете. Роднее этой земли под тобой, этого парного, молочно-медового света, роднее ее ушей, на просвет, с этой детской ворсой, нежно-розовых, с веточками капилляров, как цветущие папоротники, роднее этой теплой плывущей горы под тобой. Если вычесть из человека весь этот свет, это сердцекруженье родства, что останется? Червь, книги...

Мы заговорили о животных, и я вспомнил, как позавчера ты рассказал удивительный случай – удивительный для нашего уха, а здесь это такая же рядовая часть мира, как и все другое, – об укусе кобры и связи через цветок. Я хотел бы, чтобы ты ее повторил. И одновременно – о связи с чакрами. Слон – дыхание. Змея – нижняя чakra, базовая энергия, в ее предельном, ярко выраженном проявлении.

С.А.: Поэтому в Индии отношение к змее совершенно особое.

Змея почти абсолютно представляет собою уникальную пластичность, синхронность, способность следовать структуре энергии, которая имеет форму синусоида или спирали – раскручивающейся или закручивающейся. Змея одна из форм жизни, которая посвящена этой энергии.

Люди с этой памятью о своем змеином прошлом, о части своей змеиной природы пробуют активизировать эту память, живую память, через учение. Например, факиры, заговорщики змей – это очень древняя профессия, древняя практика, которая связана с ритуалами активизации кундалини. Эти люди – особая каста, то, чем они занимаются, это их удел, их ритуал, их садхан. Через эти садханы они осуществляют то, что происходит с эрегированной змеей, и по идее, то же самое должно произойти не только у самого факира, но и у зрителя.

Обычно змея ловится в определенном месте, у нее просят прощения за то, что она поймана, змея не может держаться более 90 дней, через 90 дней ее относят в то же место, где она была найдена, перед этим ее королевски угощают, просят прощения и благодарят змею за урок и за доброту.

Также вы до сих пор можете увидеть йогинов, которые носят на себе змей – не с целью аттракциона и собирания монет, а с целью приобретения этой змеиной силы.

Змея учит нас, как быть предельно, практически до метафизического уровня, пассивным – следовать, вместо борьбы, следовать структуре космической энергии. Змея в этом смысле великий учитель, по крайней мере, на уровне известных биологических форм жизни. Она не является ни злой и ни доброй, она является рефлектором, проекцией, зеркалом того, что с нами происходит, а также нерациональным инструментом высшей силы.

В Индии считается, что укус кобры – это, без сомнения, провиденческое событие, чисто кармическая акция, и в принципе, если человек умирает от укуса кобры, к этому относятся не как к простой смерти.

Когда я впервые прибыл в этот район, это был октябрь – месяц, когда сезон дождей заканчивается и змеи могут быть раздражены. Сестра жены знакомого что-то забыла в саду и вышла забрать уже после захода солнца. Наступила, по всей видимости, на кобру, которая мгновенно укусила ее за ногу. Она скончалась на месте. Удивительна была реакция окружения – они не скорбели по ней не потому, что она была скверный человек; но сами обстоятельства, метафизика события определяла отношение к этой смерти. Следующий драматический эпизод также связан с коброй и строительством известного тебе пятизвездочного комплекса, почти при завершении которого случилось это драматическое событие. Несколько рабочих продолжали заключительные работы, часть из них были местные люди, спустившиеся из близлежащих горных районов. В одну из ночей случилась эта драма – в семье одного из рабочих, куда ночью вползла кобра...

С.С.: А перед этим скажи, что «Тапован» означает...

С.А.: «Тапован» означает «лес тапаси». Тапаси – это специальный вид аскетизма, вырабатывающий независимость от внешних обстоятельств, способность трансформировать энергию опасную в энергию свободы, и в том числе опасность окружающей жизни – в том числе ядовитых животных: здесь по-прежнему очень много змей, скорпионов...

С.С.: Йогины уходили в этот лесной амфитеатр, начинающийся за околицей...

С.А.: Здесь даже не нужно никуда уходить, это существа к тебе придут и тебя найдут, если судьба. Я был свидетелем случая с ловцами змей, с факирами, когда были пойманы пара кобр – дело это семейное, и много поколений этим занимаются, – кобры были принесены домой, где много женщин, ты даже не знаешь, кто чья жена, сестра, мать, кто чей ребенок, – они просто высыпали из мешка этих кобр, как груши, огурцы, – и самый младший ребенок был еще некрепко стоящий на ногах голый малыш, который незамедлительно – гены сказываются – схватил одну из кобр, а она шипела, извивалась, но не кусала. И шокированные свидетели спросили: ты, отец, не боишься? – Нет, – ответил он. – Мы знаем, когда дата смерти ребенка – не время. Кобра никогда не укусит, если не время. И, естественно, ничего не случилось.

Здесь у определенных людей есть способность устанавливать связь с этой формой жизни – есть люди, которые могут заговаривать змеиные укусы.

Среди этих рабочих был также человек, кто знал заговор, мантру против укуса кобры. Кобра вползла ночью в дом рабочего, в спальню, забралась в постель и укусила беременную на седьмом месяце жену рабочего, которая была отправлена в Ришикеш, в нормальный аллопатический госпиталь. Присутствовать там могли только очень близкие родственники, поэтому рабочий, который знал эту мантру, перед тем как мужу отправиться в госпиталь, вручил ему цветок, другой, точно такой же, оставил у себя и договорился о телефонном разговоре через цветок на расстоянии семи километров.

С.С.: Это особый цветок?

С.А.: Я у него не спрашивал, нужен ли любой цветок или особый, но это был цветок, по форме напоминающий граммофон.

И в присутствии почти двадцати рабочих они переговаривались через этот цветок. Он просил мужа, чтобы не позволяли делать жене инъекцию. Но естественно, аллопатические доктора были другого мнения относительно исцеления, и ей была сделана инъекция, после чего жена немедленно умерла, о чем сразу же узнали все рабочие, поскольку это было сообщено через цветочную связь.

Главная проблема может быть непонятна нормальному, цивилизованному, воспитанному в более или менее демократических условиях человеку. Проблемой была не сама смерть – проблемой было, что делать с нерожденным ребенком – хоронить ли его вместе с матерью или как самостоятельную личность. Детей и святых обычно не кремируют. Нет нужды лишать связи, привязанности духа к телу. И была эта проблема – отдельно его хоронить или вместе с матерью.

С.С.: Что значит отдельно – вскрывать мать и вынимать плод?

С.А.: Да. Если есть решение, что это уже самостоятельная личность и имеет свою самостоятельную судьбу, тогда и все ритуалы и события индивидуальны. А то, что она умерла при этих обстоятельствах, не было причиной трагедии. Наоборот, это было поводом чувствовать, что это было освобождение, которое пришло в такой форме. Это было разрешение.

Змея сенситивна. Она ведет себя в соответствии с ситуацией, часто совершая поступки, не имеющие никакой звериной логики, пищевой или сексуальной.

С.С.: Укусы змеей других животных крайне редки.

С.А.: Кусают. Здесь змея, как и многое, если не всё, является священным животным. Она не является объектом ненависти, охоты.

С.С.: Я имел в виду отношения между змеей и другими животными.

С.А.: Да-да, они могут, они кусают. Лошадь, если она наступила...

С.С.: Ну, лошадь наполовину уже утратила связь с дикой природой.

С.А.: Может и слона остановить. Хотя слона довольно сложно...

С.С.: ...пронять...

Мы сидим сейчас на правом берегу Ганга, 23 декабря, 20 с лишним градусов тепла, зима, яркое теплое солнце, ни души вокруг...

С.А.: Нет, душ очень много – воплощенных иначе.

Беседа вторая

О Ришикеше, поселке йогов, чакрах Индии, Солярисе сознания, об агхори, трансформирующих энергии смерти, о Майя-Лиле и семи ступенях

С.С.: Тысяча и одна ночь нужна, чтобы сказать о Ришикеше, и дней не меньше, чтоб умолчать меж ними. Невысокие горы, сплошь заросшие джунглями, меж ними петливый Ганг шириной с Клязьму. Течение кажется спокойным, но глубже колен не войти – сносит. Вода смуглая, до метисовой на солнце. Городок двумя-тремя ступенчатыми улицами вытянут вдоль нее с обеих сторон километров на пять, окуная ступени ашрамов в ее ледяной поток. Порой, проворачиваясь в этом потоке, сквозь город проносится слон, свалившись в него или съехав по осыпи в крутобережье верховья. В сезон дождей это дело обычное. На исходе этой зимы слон запутался в высоковольтных проводах и, протрясшись несколько часов, завалился, увлекая на себя крестовину вышки, прожигаемый электрическими разрядами – та еще дефибрилляция. А потом сутки еще лежал во тьме под грозовым дождем – как Лермонтов на Машуке.

Этот городок-утопия, шагнувший из несбыточных фантазий в реальность, укоренился в ней на правах третьего глаза.

Лакшман-Джула – место, куда изо всей Индии стекаются небожители – аскеты, отшельники, йоги, джайны, саньясины, садху, баба – несть им числа и имен, и оседают в нем, и роятся, и выплываются на годы безмолвия в Гималаи и вплетаются вновь.

По левой стороне Лакшман-Джулы можно видеть ежедневные следы слонов, которые приходят, спускаясь с этого холма, с этой горы, и, как ты рассказывал о них, они выкручивают суставы рекламных щитов, и – большая радость и забава: они не трогают ничего, кроме этих рекламных щитов, которые вызывают у них заслуженную ярость и ненависть. Они валят и корежат чугунные щиты и так же на рассвете уходят.

Как давно существует это селение – Лакшман-Джула?

С.А.: Да, эти названия: Рам-Джула, Лакшман-Джула, висячие мосты... Они существуют примерно со времен Рамааны – это примерно восемь тысяч лет назад, это минимум. Эти места знамениты своей энергетической природой тысячи лет. Рама и Лакшман, готовясь к битве с десятиголовым демоном, двенадцать лет провели здесь, подготавливая себя здесь, в Таповане, физически и духовно.

С другой стороны, как и всё, индийская жизнь имеет несколько картин, несколько уровней реальности – буквальный, метафорический, аллегорический... Любой миф, любая история также имеет несколько этих уровней. История Рамы – это коллизия в рамках одного существа, одной персоны – человек ли это или космический пуриш. «Рам» означает «душа», «Сита» – это энергия и тело, «Лакшман» означает ум. Вот этот фрик странный, полубог обезьяний... На самом деле, это символ праны, жизненной энергии, без которой невозможно осуществить то, что символически выражено в истории Рамааны, – победа над десятиголовым демоном. Десять основных негативных паттернов, и воссоединение, единство тела и души. И в конце концов, возвращение («Дивали» значит «праздник огня, света», или «просветление», – это празднуется в день, который считается днем возвращения Рамы на свою родину). Это и есть на космическом уровне возвращение к Истоку. Как бы там ни было, возможно, это событие происходило и на этом, историческом, уровне. На каком уровне переживать эту историю, каждый выбирает на свой вкус. Поэтому в храмах Рамы они всегда вместе, все четыре: Рама, Сита, Лакшман и Хануман. Потому что все они представляют одну сущность.

С.С.: Ришикеш – трезвенник и вегетарианец. Ни мяса, ни рыбы, ни пива, ни водки. Рыжие обезьяны и поджарые, безработные коровы, с присохшим выменем – бродят по поселку вперемежку с ангелами и людьми.

Можно долго говорить о преимуществах пути Запада и Востока, а можно все толковища унять разом – достаточно взглянуть в их лица. Даже одежды на них – не наш плебейский плагиат тела, – штука легкого пламени, белого ветра в медленном танце достоинства и свободы течет по плоти. И во всем, в каждом жесте их – не машинальная скороговорка, а всякий раз сызнова проживаемый мир. Мир, которого миг назад еще не было. В том, как они погружают пальцы в еду, пчелы пальцев в цветочные средостенья, как ворожат ими там и, как музыку, духотворяют, и подносят к губам на ладони – уже не чужбину еды, а свое продолжение жизни, свое – плоть от плоти. В том, как они на рассвете входят в Ганг, как стоят в нем – в одеждах и без, как принимают первый солнечный луч и опускают лицо к воде и говорят с нею, и, беря в ладони, не торопятся пить, дают и себе, и ей время прочувствовать этот миг присутствия другого, развернуться друг другу – и назвать по имени. Потому что эта, в ладони, вода единственная и такой больше нет – в этой форме, с этой душой, судьбой, именем. И так во всем: нет огня вообще – как вообще человека нет – есть этот, тот...

Итак, названо это место – Лакшман-Джула, и Ришикеш...

С.А.: «Ришикеш» – это «волосы мудреца». Длинные волосы были одним из атрибутов йогинов – главным образом, по энергетической, а не символической причине (хотя и по символической тоже). Волосы имеют колоссальное значение в стимуляции мозга, это буквально антенны. Так же, как на уровне бытовой техники размер антенны определяет восприимчивость, качество и длина волос определяют энергетическую связь с мозгом. А с другой стороны, это символ свободы, спонтанности. Считается, что волосы в нашем, человеческом микрокосмосе играют такую же роль, как лес и растения – в планетарном.

С.С.: Что же тогда означает лысая голова – например, у буддистов?

С.А.: А это путь аскетический, это путь самонаказания, известный и в христианском, и в мусульманском мире, – он основан на культе отказа, самонаказания. И ты можешь это видеть в Индии. Здесь, как правило, два типа йогинов: одни длинноволосые, другие – бритоголовые. В принципе, бритоголовость означала инициацию. Волосы также хранят – навечно, если можно так сказать, – полную базовую информацию личности, они живут тысячи лет после ее смерти. Любой анализ – радиоуглеродный, эзотерический, если угодно, – может считать информацию. Отрезая, сбривая волосы, ты тем самым отрезаешь прошлое. Включая болезни. Это также терапевтический ритуал.

Но это был только момент инициации. Дальше они опять растили волосы. Как правило, мощная йогическая практика связана с принятием жизни, со спонтанностью, с максимальной естественностью, и потому, естественно, внешний вид – вплоть до ношения одежды; волосы растут так долго, так много, сколько они могут и хотят, и являются символом внутренней восполненности.

Что, кстати, не рекомендовалось женщинам. Женщины с распущенными длинными волосами в Индии – это были высшего ранга йогини – настолько свободные, настолько мастера своей жизни, что им не нужна была дисциплина. Обрезание волос – это кастрация на энергетическом уровне. Женщины-жрицы не носили распущенные волосы, они собирали волосы в узел в том месте, которое стимулирует внутреннюю точку. У женщин самое слабое место – это волевой центр, третий глаз. Поэтому традиционно женщины стимулируют это место через ношение узла на затылке. Волосы распускают (что и означает распущенность) только в интимной ситуации – это подобно сниманию женщиной одежд. Это сдача. Поэтому это не было частью публичной жизни. И хотя не

было никаких запретов, это не поощрялось, за исключением йогинь-мастериц, которые находились в другом измерении.

С.С.: В Ришикеше нет ни буддистов, ни христиан, ни мусульман, ни иудеев, во всяком случае, в привычном нам смысле. Хотя, говорят, здесь наливался и зрел Будда, рос Христос и, снятый с креста, проповедовал в этих краях до глубокой старости; склеп, где он упокоен, чуть севернее от Ришикеша, в Кашмире, – в двух шагах от волос Магомета, хранящихся неподалеку от могилы Моисея и девы Марии.

Что касается индуизма, то это не религия, а – как сказал бы любой индус – “это наше всё”: религия, которая для них не есть нечто отдельное от культуры; культура, которая у них слита с бытом, с воздухом, которым дышат. Потому они и вышли сухими из черной тяжелой воды буддизма и ислама.

Если Вы спросите их о вере, они просто не поймут – о чем Вы. Это, как угол в доме с любимыми книгами и игрушками у ребенка; мир их так же реален для него, как и комната, в которой они находятся. И ежегодные паломничества для них – во многом – как воскресные выезды за город для нас.

Но вернемся к месту, в котором мы находимся. Метрах в двухстах от нас, за мысом, находится мост Лакшман-Джула. Чуть дальше – мост Рам-Джула. Далее – Ришикеш. В западном мире большим вниманием пользуется ашрам, облюбованный группой «Битлз», который сейчас стоит заброшенным...

С.А.: Почему заброшенным? Обезьяны, слоны...

С.С.: Не ашрам, а заросший, вымерший город на дремучем отлоге горы. Руины. Одноместные ступы для отшельников. Редкие огоньки нищих – неприкасаемых – теплящиеся среди развалин. Слоновый помет повсюду. До, и особенно после приезда «Битлз», это был один из самых преуспевающих ашрамов. После – сюда тронулся люд со всего света. Разило тельцом. Был подан проект по расширению ашрама плюс парк вертолетов. Город дельцам отказал. Те снялись с насеста, исчезли. С тех пор сюда мало кто ходит. Казалось бы – вот, всё готово, бери – кто хочет. Не брали. И не возьмут. Махариши, прикупивший эту землю, находится далеко в Голландии, с ним прервана связь, и государственные чиновники находятся в растерянности...

А ниже Ришикеша находится Харидвар, святой город.

С.А.: «Харидвар» означает «Божественные Ворота», вход в Гималаи.

С.С.: И если воспринимать Индию как тело, Харидвар и эти места соотносятся с горловой чакрой.

С.А.: Нет, горловая чakra – это Бенарес. А здесь Агья, или Аджна, – это третий глаз. Верхняя чakra – это Кайлас. Откуда берут начало семь основных архетипических рек, они все начинаются из одного региона – Кайлас.

С.С.: И доступ к этому озеру сейчас затруднен – из-за правительства Китая.

С.А.: Затруднен психологически и экономически. Экономически – потому что это безумно дорого, психологически – потому что это утрачивает адекватность из-за бюрократизма со стороны коммунистических китайских властей.

Сам этот ареал свободен от присутствия китайцев. Китайские власти пытались ввести туда пограничные войска, но после того как тысячи и тысячи солдат погибли...

С.С.: А Кайлас – это своего рода Солярис сознания...

С.А.: Это и есть сознание Земли. Сознание имеет природу зеркала. Сознание само по себе не создает реальность, оно рефлегирует. Оно рефлегирует в данном случае Кайлас. И в Кали-югу это некогда единое озеро раскололось. Оно сейчас разделено перешейком. Что замечательно символически. Это показывает дуализм современной эпохи, в том числе расщепление сознания на доброе и злое...

С.С.: Или на левое и правое...

С.А.: И так далее...

С.С.: Вот если опускаться по чакрам ниже: Кайлас, потом – где мы сейчас находимся...

С.А.: Мы сейчас находимся в третьем глазе. Если будем двигаться, следуя этой энергетической географии тела Индии, далее будет горловая чakra – Бенарес, сердечная чakra – Мадхья-Прадеш, традиционный центр бхакти-йоги, в том числе знаменитый центр любви. Это сердце, центральная энергия.

Следуя на юг, мы погружаемся в базисную энергию нижних чакр, в мощную ритуальную культуру, чья главная забота – сохранение вневременных форм. Совершая это путешествие, мы приобретаем уникальный энергетический опыт прохождения архетипической радуги.

С.С.: Йогини обычно движутся с юга на север...

С.А.: Да, но в то же время наоборот. Но реже. Потому что тенденция и спонтанное движение – всегда вверх.

С.С.: Но есть кармические узлы, которые способны изменить эту траекторию.

С.А.: Не только. Еще – когда есть сознание необходимости проживания полного круга: нисхождение – погружение – восхождение.

С.С.: Почему Бенарес соотносится с горловой чакрой?

С.А.: Это очищение.

С.С.: Это великий шамшан и огонь...

С.А.: Да, и также центральный храм в Бенаресе, основанный на аспекте Шивы. Шива – это и есть космическая манифестация йогина, способности трансформироваться, трансформировать яд существования в бессмертие. И Бенарес как раз это место, которое многих может шокировать, – неизбежностью процесса трансформации, смертью. Бенарес провоцирует, помогает быть инициированным в йогическую алхимию трансформации: страха – в свободу, ограниченности – в безмерность... Поэтому основная медитация, бытовая для Бенареса, – медитация на шамшане.

С.С.: И здесь, конечно, первые – агхори...

С.А.: Агхори, чья основная практика – преодоление всех форм ограничений, всех форм страхов. Гхори – смерть; а – против, посредством, сквозь. Тот, кто работает напрямую с энергией смерти.

С.С.: И вся полнота этого опыта сосредоточена в этой точке перехода – трансформации жизни в так называемую смерть жизни.

Я помню, как увидел его впервые. Это было у истока Ганга, в Гималаях. Он сидел на корточках на шатком камне у бурного переката, и брызги заливали его поднятое к небу лицо. Голубино-фиолетовый с каким-то витражным отсветом тюрбан и такой же халат, подпоясанный черным поясом и подоткнутый под босые пятки. Ладони – на уровне груди – открыты, будто держит незримую книгу. И – голос, перекрывающий поток, на нечеловеческой ноте, на умонепостижимом запасе дыхания, направленный в одну точку над пиками гор.

Темнело, мы возвращались, он все еще сидел у реки на камне, запрокинув голову, пуская ввысь трассирующие мантры, этот птичий вой, срывающийся на клекот.

Это и был агхори. Помнишь, ты рассказывал, как был свидетелем ухода из жизни одного из них. Он полностью – на глазах – дематериализовывался, сжимаясь в пульсирующую огненную каплю – она растягивалась и рвалась на две: одна – дугой уносилась в небо, другая – с шипением гасла в траве.

С.А.: Еще одна история, приключившаяся с известным тебе Прамодом, учителем йоги, современным, джинсовым, разъезжающим на мотоцикле «Honda» с надписью «Yogi». Несколько недель назад Прамод со своим другом (тоже очень современным, обутом в серебряного цвета кроссовки, вместо глаз солнечные очки, с жевательной резинкой во рту), партнером по игре в крикет, возвращались на мотоцикле домой с театра крикетных событий в нескольких километрах от Ришикеша. По дороге они увидели голого капалика-агхори, увешанного гирляндой из человеческих костей и несущего человеческий череп, откуда принимается пища, питье и не только это. Агхори остановил Прамода с другом и попросил 50 пайса (цена половины коробки спичек). У крикетистов таких мелких денег не оказалось, и они подали несколько рупий и спросили, чем еще могут служить. Агхори сказал, что у них ничего нет, что им ничего не принадлежит. На что друг Прамода ответил, что он хозяин своей жизни. Агхори рассмеялся и сказал: «Тебе не принадлежит даже твое тело». Крикетист ответил, что принадлежит. Тогда садху сказал: «Хочу мяса, дай мне кусок твоего мяса».

Тут молодые люди почувствовали, что всё по-настоящему, что это не обычная светская, ни к чему не обязывающая беседа. Увидев замешательство настроенных на нормальное воскресенье парней, агхори взял их правые руки, соединил вместе, положил поверх их ладоней свою руку, наклонился к ней и вырвал зубами большой кусок собственного мяса, выплюнул его на обочину дороги, засмеялся и сказал, что ничего личного, «моего», нет, есть только Бог.

Рана была большая и глубокая, но без капли крови. В испуге, смешанном с почтением, Прамод с другом склонились перед агхори и спросили, что они могут сделать для него. Он ответил: «Мне нужны одиннадцать килограммов топленого масла». У спортсменов, естественно, не было столько топленого масла, и они дали все деньги, какие у них были, на приобретение этого масла, попрощались с агхори, отъехали на несколько метров, остановились, оглянулись назад, но на дороге и всем обозримом пространстве никого не было.

Вся драма жизни – это драма и процесс трансформации. Нисходящего – восходящего. Или – процесс дробления, расщепления цельного на множественное, что символически называется Майя, энергия Майи, которую некоторые называют иллюзией. На самом деле, это не иллюзия, это космическая творческая сила, которая творит миры и лица.

С.С.: Это Лила...

С.А.: Лила – игра, вот почему дети играют, вот почему ты и я занимаемся творчеством – не по каким-то культурным или экономическим причинам, а по причинам генетически заложенной космической потребности играть. Сначала может быть расщепление, а потом необходимость трансформации, и возвращение, через синтез, к изначальному единству. Йога и есть этот сознательный путь алхимии, трансформации множественного, как бы изолированного (потому что на самом деле ничего не изолировано, все, как минимум, объединено пространством)...

С.С.: Потому любое усилие, даже так называемое творческое, становится поперек этого божественного процесса, и имеет смысл только на какой-то начальной стадии, пока не достигается слияние и тактильное ощущение себя в единстве. И тогда снимаются все ограничения. И, как ты говоришь, гениальность – это снятие всех ограничений.

С.А.: Да, и искусство – не доброе и не злое. Это универсальный процесс, который одновременно может вести к расщеплению, депрессиям, неврозам, и наоборот – процесс возвращения к истоку, приносящий глубокое удовлетворение и дающий опыт высшего экстаза, для объединения, возвращения домой – почти как в библейской истории о возвращении блудного сына.

Поэтому индийское искусство традиционно, оно не является сточной канавой для различных эстетических упражнений неких индивидуумов. Оно является частью этой сознательной алхимии, трансформации жизни, с опытом инициации во все основные ключевые техники, положения, принципы, механизмы и сознательного участия. Художник сознательно делает себя частью этого процесса, используя при этом тантра-йогические силы и инструменты. «Тантра» ведь можно перевести и как «основа», «инструмент», «учение». Практически все виды искусства, начиная с архитектуры пространства и кончая медициной, включая изящные искусства, – это всё манифестация и выражение глубокого тантра-йогического опыта. В основе всех этих универсальных знаний стоят просветленные существа, подарившие человеку эти уникальные инструменты, ставшие ядом, проклятьем для многих поколений – в любом случае, эти же самые инструменты и эти же самые пути ведут к наслаждению и радости.

Путь к свободе лежит через упражнения, через определенный ритм. Упражнение делает мастера. Дисциплина есть ритм, ритм процесса. Последние сто лет многие, особенно одаренные люди, ненавидят понятие дисциплины, потому что это ассоциируется с рабством и пр., пр. Это глубокое недопонимание и абсолютно невежественное восприятие самого принципа. Дисциплина – это путь ритма, приводящий к свободе. Музыкант на определенном уровне перестает считать, перестает зависеть от партитуры и т.д., и совершенно свободен в этом полете, в этом пространстве звука – и это есть во многом результат того, что он преодолел невежество. Благодаря этим упражнениям ты настраиваешься, приводишь к определенному единству свои эмоции, свое сознание. Так достигается чувство спонтанности, цельности, свободы выражения.

С.С.: Хорошая иллюстрация с этим немцем, о котором ты рассказывал вчера, который давал свободу залу – такого спонтанного крика, и вся эта вакханалия звуков за несколько минут находила точку единения, совершенно необъяснимую логически – в зале находились сотни, тысячи людей, и они сливались в звуке в этой точке резонанса и единства.

С.А.: Он объяснял это тем, что Бог везде, а Бог выражает себя в цвете и звуке, Он здесь, Он в вас. Автоматически, если ты перестаешь заикливаться на ограниченном образе со специфическими программами, представлениями и т.д., как вся эта предельно эгоцентричная публика, которая, как правило, посещает подобные мероприятия и концерты. И вдруг они оказались коллективом.

С.С.: И были сброшены жесткие границы очертаний индивидуальности.

С.А.: На несколько минут они забыли, кто они такие, и вдруг они оказались в потоке, который показал им доминанту...

С.С.: Есть ли оборотная сторона у этого единства – ведь у всего, видимо, есть верх и низ...

С.А.: На нижнем уровне нет единства. Это конкуренция. То, что мы называем животным уровнем, это, как правило, та или иная форма агрессии и разных форм голода. Любая форма голода – это открытая манифестация отделенности, недостаточности. Через это – любая форма голода: физического, психического, сексуального, – по причине осознанной недостаточности. Вот и всё. У животных это доминирует. У них одна чакра, максимум две. Человек же проходит семь ступеней. Как правило, нормальный человек проходит только три ступени. Каждая из ступеней – семилетний цикл развития. Вот почему во многих странах двадцать один год – это возраст совершеннолетия. И ведь многие так и застревают в этом возрасте, на этой ступени.

Первые семь лет – это, как правило, наращивание, наращивание биологическое, работа максимально примитивных инстинктов. Я не беру сейчас в расчет вневременную кармическую память, которая передается из поколения в поколение. На следующей, второй ступени, происходит развитие эмоций. Эта работа происходит до четырнадцати лет. С четырнадцати до двадцати одного года – самый кошмарный период – программирования в социальном обществе, когда тебя нашпиговывают определенными догмами. И к двадцати одному году ты готов. Это конец истории нормального гражданина.

Духовное существо – это тот, кто продолжает путешествие. Четвертый уровень – это предчувствие трансцендентности. Открытие того, что некоторые могут назвать парапсихологией и т.п. Пятый уровень – это уровень дисциплины, когда это сырое предчувствие многомерности жизни начинает приобретать определенный ритм. Это победа над эго или эго трансформация. Дальше происходят опыты неиндивидуальные, опыты переживания идентичности твоей как бы индивидуальной сущности с сущностью всего. Вот, вкратце, это путешествие. И в общем, если все идет так четко, организовано, в ритме, тогда к сорока девяти годам человек может достичь просветления. Он достигает уровня чакры, где обитает это невыразимое Ничто.

С.С.: У некоторых это происходит с некоторым ускорением...

С.А.: Да, или неритмично. Например, моя история. Лучшие периоды моей жизни – это до школы, затем не совсем интересный социально-сюрреалистический период – до двадцати семи лет. Почти двадцать лет разных форм самоубийства – оболванивание, отравление себя и пр., пр. А с двадцати семи лет начинается период самореализации – через дисциплину, к которой я не был никогда склонен. Я был ужасом для своих родителей. Но потом, когда этот внутренний огонь стал приобретать определенную ритмичность, ясность и янтрическую структуру, тогда стало приходить и чувство удовлетворения. Тогда всё изменилось.

Это небольшой пример отсутствия механического ритма. Иногда период, на который требуется семь лет, проскакиваешь за кратчайший срок...

Беседа третья

О Западе и Востоке, о голоде художника и баньяне жизни

С.С.: Как сказал Киплинг: Запад есть запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись...

С.А.: Это связано с астрофизическим парадоксом жизни, когда энергия движется одновременно центробежно и центростремительно. Это движение определяет характер любого феномена в нашей Вселенной, включая, естественно, человеческую психику, и то, что мы условно можем назвать западным или восточным менталитетом.

Западная культура более или менее отчетливо ориентирована на центробежное движение. Это процесс расщепления целого на множества, которые можно назвать индивидуумами. Нации существуют, загипнотизированные идеей абсолютной ценности индивидуальности как высшей формы человеческого существования.

Тогда как Восток – наоборот, процесс центростремительный, возвращение к Истоку. То, что Запад называет будущим, на самом деле является прошлым. Восток – это трансчеловеческий опыт возвращения к истоку и осознание принципов этой игры, осознание, что нет нужды проходить через все колесо сансары, через все 8 млн 400 тыс. форм жизни (отсюда 84 основные йогические техники), когда возможно завершение этой игры сейчас, в течение одной духовной человеческой жизни. Речь идет о естественном стремлении к тому, что можно абстрактно назвать счастьем. Это то чувство, эрзац которого можно испытать даже при онанизме, – чувство оргазма. Момент движения энергии к центру. А это лишь микроскопический шаг, призрак того не ограниченного ни пространством, ни временем блаженства, которое испытывает тот, кто возвращается к цельности, к цели этого путешествия – к Истоку. Который, потом выясняется, находится не где-то географически-пространственно, и в этом парадокс...

С.С.: Давай уточним – мы говорим не о Нирване, не о Мокше, не о прекращении существования, а о высшем состоянии психики, которое возможно в этой реальной жизни.

С.А.: Это понятно. Нирвана означает прекращение вибрации, прекращение дуализма, точку, где сворачивается время и пространство. И этот момент вызывает необыкновенное, непередаваемое (буквально – непередаваемое; не существует дуализма, а значит, не существует языка для передачи... для передачи – кому? передать – что? исчезают все значения). Это высшая точка, являющаяся эссенцией любого феномена. Любой феномен имеет эту нирваническую точку, где нет фриквенций, пульсации, вибрации, т.е. – нет времени и пространства. Это процесс возвращения – не создания этой точки, – а возвращения к ней.

Мы «стремимся» потому, что испытываем голод. Отсюда этот архетипический тезис, что художник должен быть голодным, т.е. неудовлетворенным, тогда он будет творить.

Азиатское искусство – это искусство, мотивированное не голодом самоутверждения, а искусством, мотивированное милосердием. Это форма щедрости.

С.С.: Возврата того, что тебе было даровано. Так растет это священное в Индии древо – баньян, эта древесная тантра, где верх и низ постоянно переплетаются друг в друга, где не ясно, какая ветвь вырастает в какую, пронзает ее, выплетается в небо, возвращается в землю, и древо, как жизнь, не отражается в себе вчерашнем.

С.А.: Центральная часть остается – он множит подобья.

С.С.: Танцует циклы своих приращений. Ветки превращаются в стволы, которые превращаются в корни, которые опять дают ростки, и т.д.

С.А.: Но центр существует.

В нас самих – не надо ходить далеко в лес – существует подобная система. Например, наша нервная система абсолютно вегетативна, скомпонована по принципу растительной жизни, по принципу энергетической карты Вселенной: корень, ствол, ветки, которые растут подобно баньяну...

С.С.: Вращающийся эллипс. Каждый миг исхлестан событиями. Событие «лес», событие «зеркало», событие «огонь», «рука», «вера», «темно-оранжевый», «пить», «пепел», «но»... И все они говорят на разных языках и на одном – одновременно. И все они – драма рая. Волдырчатая от шпилек дождя река. И все это движется с той скоростью, которую мы называем: жизнь.

И вот что удивительно: когда человек прорывается к той скорости, с которой движется жизнь, то есть к той сверхплотности событий, кроящих время внахлест, – скорость света оборачивается едва ли не неподвижностью, равновесьем пространства. Чем незримей – тем ближе Бог, чем прозрачней – тем выше плотность.

С.А.: И в этом баньяне жизни, в этом энергетическом эллипсе человек никогда и нигде, куда бы ни занесла его судьба, не одинок, если он чувствует единство с этим деревом, если он и есть это дерево. И в этом также одно из отличий Востока – живая память об этом родстве и единстве. И тогда нет нужды создавать мир заново, высасывать его из пальца своей жизни, своего «я», инсталлировать его и защищать от таких же самозванных призраков.

И тогда ты чувствуешь, как миры Кандинского, например, не держатся, падают, в них нет этого энергетического центра, этой памяти об истоке, нет посвященности ни в огонь, ни в воздух, ни в воду, ни в землю. Крашенные, они падают.

И это проблема. Знание законов симметрии, композиции и пр. не порождает жизнь.

С.С.: Мир вкладывается в тебя в той мере, в какой ты в него вкладываешься. Мера за меру. Есть уровень превращения энергии. Это когда ты выходишь за порог человека, вкладывающего почти все, что имеет, но оставляющего за собой неприкосновенный запас. За этим порогом начинается художник. Но есть и более высокий уровень – преображения. Когда не оставляешь за собой и тех семи граммов, которые весит отлетающая душа.

Мы предложили на российском канале «Культура» программу баньяна, говорящего дерева, но столкнулись с этим западным, перенесенным на русскую почву и тем самым усиленным до уродства, восприятием мира как формата, форматирования мира, что здесь, в Индии, совершенно немыслимо. Здесь, как ты говоришь, индус ставит две доски и называет это магазином, домом или космической лабораторией...

С.А.: И это работает. Основной тантрический опыт – это глубокий опыт отсутствия иллюзии. Иллюзии нет, всё реально. Абсолютно всё – реально. Драма европейского сознания начинается с ограничений, с критериев. По поводу реального – нереального, главного – несущественного. И миллионы людей травмированы этими критериями, миллионы не реализуют себя, потому что их сущность названа нереальной...

С.С.: Парадокс западного мышления: они называют восточное мышление иллюзией, а здесь все реально...

С.А.: Индия – результат абсолютного доверия к существованию – всех форм. С другой стороны, главные принципы существования этой культуры – минимальны. Задача

человека не имитировать бога, а быть достойным учеником. Осознавать, понимать, быть в резонансе с уже существующими глубинными принципами жизни. И никто не чувствует себя в одиночестве. Здесь нет домов для престарелых, большинство людей не думают о страховке... Страховка от кого, от чего? Индийская жизнь – это жизнь без презерватива. Не по причине глупости или бедности, а по причине абсолютного доверия.

Посмотрите на этих людей – даже нищих. Их глаза намного счастливее, чем у богатых европейцев. Они не одиноки. Не только потому, естественно, что у них есть мать и другие родственники, – боги их здесь. Это не идеология, это реальность, повседневная. Нет никаких сомнений в том, что они здесь, рядом, вон под тем деревом. И животные здесь.

С.С.: Баба, которые засыпают с коровами на острых камнях, здесь на каждом шагу, и спят сном младенцев, с той внутренней улыбкой, напрочь забытой нами. Не бессмысленная улыбка ребенка и не ритуальная маска, а едва заметное свечение в глазах. И просыпаются они, подымаясь из пыли и грязи, в пронзительно-лучистых, светящихся одеждах. Необъяснимая чистота. Откуда? Откуда, непонятно, эта чистота, когда здесь нет ни урн, ни дворников, ни этих армий машин, скребущих западные города... Улицы уходят в ночь, по горло в грязи, а наутро чисты, как ангелы. Кто их вычистил – коровы, обезьяны?

С.А.: Феномен психики. Нет концепции мусора. Что для немца – грязь, для индуса – мать-земля. И всё.

Беседа четвертая

О музыке, Рождестве, свободе, Саи Бабе и игле времени

С.С.: На рассвете сегодня, спим, снится, глаза открыты, тихая флейта поет, уже не в раю, но еще не в изгнание, будто дверь подрагивает между ними, то откроется, то затворится, и ни души в обе стороны, какая-то сладкая горечь, тахикардия счастья. Там, наверно, за жизнью, где души, как пух тополиный, летят, оттуда эта мелодия... Помнишь, в псалмах Соломона: но и они проходят; и мы летим...

И вдруг – будильник, Зоя завела его на пять утра. Вышли, как две сомнамбулы, во внутренний дворик, река шумит внизу за решеткой, обезьяны на дереве потягиваются. А он сидит у решетки, мы не сразу его заметили, пока глаза привыкали. Немец, сосед. Такой же немец себе он, как небу облако, было – сплыло, другое будет. В каждом из нас сухостой, мхи, камни, много мертвого, углы, тяжесть. А в нем – нет. Не то чтобы нет, но и не скажешь: меньше. Тихие отблески, как от огня, света; легкие полутени.

Он обернулся. Я говорю ему: что за музыка дивная, слышал ли он, – там, за рекой, минут двадцать тому. Улыбается, глядя во тьму. – Вы? – вдруг доходит до нас. – Это Вы играли? Здесь, за дверью? А музыка чья? Ваша? – Кивает, не оборачиваясь.

Ладони светлые и большие, как дальние страны, как книги в детстве. Он ищет певчий бамбук, режет флейты. Приезжает сюда все реже, сидит у реки, в тиши, за излучиной, играет. На два голоса. Там, в Германии, у него дом в лесу, на границе с Чехией, книги, флейты, несколько учеников из ближайшей деревни.

У него был гуру – в Японии, вместе сушили бамбук, играли. Несколько лет назад пепел учителя он перевез сюда. Маленькая урна стояла на тумбочке у кровати, в той же комнате, где он сейчас, напротив нашей. Потом с настоятелем ашрама они развеяли пепел над Гангом. Поначалу риши отказывался. Они сидели во дворе ашрама, здесь, за углом, на песке, в тени дерева. Риши взял у него эту вазу и, высыпав в ладонь несколько крупиц праха, как бы взвесил их, вглядываясь сквозь большие очки в золоченой оправе. И, помолчав, сказал: «Святой человек. Мы сделаем это. Пойдемте». И на рассвете они совершили пуджу над Гангом и развеяли прах.

С.А.: Индия, как ты знаешь, как раз та алхимическая машина судьбы и освобождения, вернее, трансформации, возвращения всего Домой, в Священное Ничто, которая работает безостановочно, помогая блудным детям людским (и не только людским) выбраться из истории о попе и его собаке, которую он так любил... Но есть истории и поинтересней – например, о превращении куска мяса в собаку, собаки – в попу, и попу – в Автора всех историй.

С.С.: Сегодня канун католического Рождества, 24 декабря. На вопрос, что есть истина, Он ответил: я есть истина. Т.е. сразу указал на неправильно заданный вопрос – не что, а кто. И это было воспринято как шок, как откровение, хотя здесь, в Индии, это просто норма поведения сознания. А поскольку «кто», речь идет о живом, изменчивом явлении, и сегодня оно здесь, а завтра там, оно постоянно находится в режиме трансформации.

С.А.: С другой стороны, тат твам аси. Индия – это родина тат твам аси. Т.е. ты и есть бог, только реализуй это.

С.С.: И еще это указание на то, что ты не всегда там, где ты есть.

С.А.: Да, не в месте точки сборки.

С.С.: Она всегда подвижна. Стало быть, и истина всегда подвижна.

С.А.: Она везде. Но она в самом центре этого везде.

С.С.: Да, это скандхи, которые постоянно переконфигурируются. И вчера такую довольно отчаянную комбинацию скандх мы встретили, когда солнце село и к нам подошла некая тень, услышавшая русскую речь, и назвалась...

С.А.: Человеком из Казахстана.

С.С.: Человеком из Казахстана, или тенью Саи Бабы. Это было удивительное создание, которое одновременно сморкалось, кашляло, смеялось, пело гимны, говорило дурным, чужим и прекрасным голосом, и указало на флейтиста-индуса, который ночевал у Ганга под распяленным над ним куском ткани – рубашкой на двух палках, и этот казах ночевал вместе с этим флейтистом, а поскольку он не говорил ни на одном из языков, кроме русского, то можно себе представить их взаимодействия и отношения. И потом, расставшись с этим казахом, мы еще поговорили немного о, к сожалению, плачевной участи многих и многих, ручьями и реками текущих в Индию людей, с профанным представлением о том, что они могут здесь обрести, и попадающие в подобные дома или ситуации, как Саи Баба или нынешние дома Ошо. Которые, как и дом Христа, превратились в обители, претендующие на хранилище тех сокровищ, к которым они не имеют никакого отношения. И, ободренные и высосанные, эти толпы паломников сбрасываются, сплевываются, как шелуха, подобными магами типа Саи Бабы или этими наместниками Ошо. Отчаянность их положения еще и в том, что они помнят, как ты верно сказал, этот пир или кажущееся возвышенным состояние, приподнятое над собой, и вдруг как будто вынули из-под них этот пласт воздуха и они упали ниже той отметки, на которой возможно дыхание. И они озираются по сторонам и не находят той опоры, которая вчера еще была. И эта экзальтация не дает им покоя, как некий мираж и химера над их головами.

Кстати, надо сказать, что две трети тех людей, которые едут в Индию из России, для того чтобы упростить процедуру получения виз, пишут: к Саи Бабе; из этих двух третей треть или половина едут действительно к Саи Бабе, и это, конечно, путь по наклонной вниз, потому что они едут получить истину на стороне, которой истина не принадлежит, и потому они утрачивают и то немногое, что имеют. И ты верно его спросил: а что принадлежит тебе?

С.А.: Да, это Саи Баба творит чудеса, а что есть у тебя? Ведь в этом достоинство ашрама, процесса «ученик – учитель». Не нужно знать учителя, взгляни на ученика, и тебе будет ясно, что происходит. Подлинная духовность – не путь создания очередной армии попугаев и доноров.

Ты обязан реализовать, кто же ты, наконец, и никто не свободен от этого долга. В этом драма многих ищущих, которые по слабости снимают ответственность с себя и перекладывают ее на мнимые авторитеты. Опьянение пройдет, наступит похмелье. И выяснится, что этот свет был не твой. Эта мудрость была не твоя. Сила – не твоя. Приятно находиться в лучах или в их тени, но это не твой опыт. Это как кредитная карточка, которая не есть ты. Сила, заключенная в номере твоей карточки, не является твоей силой.

С.С.: И когда этот бедолага продал квартиру и отдал деньги Саи Бабе – ведь это не единичная история, повсеместная. Продал квартиру и отдал деньги тем...

С.А.: ...кто на самом деле не нуждается. А сам побирается. Это классический пример – когда люди, оказавшись в экстремальной ситуации, когда вернуться в прошлое, назад

они не могут, а с другой стороны, полностью дезориентированы по поводу т.н. будущего, вынуждены прорываться. Это провокативная точка вынужденной трансформации. Либо-либо.

С.С.: Они же испытывают что-то вроде наркотической зависимости от этих сакральных знаний, которые якобы демонстрируют эти прохиндеи.

С.А.: Любая зависимость – это проявление психологии раба. Но зависимость – это совершенно нормальное сегодня состояние человека. Просто есть разные типы зависимости. Большинство людей – джанки, сидящие на игле политэкономической, которую по ироническим причинам назвали легальной, реальной, – и называют меньшую группу джанки фриками или богемой и т.д. Это ирония политики наркотической. Марихуана объявлена страшным наркотиком, а бизнес процветает на алкоголе и табаке. А ведь марихуана неизмеримо безобиднее с точки зрения здоровья. А где собака зарыта? В деньгах, в политэкономии. Табак и алкоголь приносят государству огромные доходы, поэтому они объявлены легальными, независимо от того, какой ущерб – физиологический и психологический – они наносят. Поскольку от травы таких доходов нет, например, это объявлено нелегальным. То же самое касается других форм рабства, которые названы свободами. Тенденции общие. Причина одинакова – от чего бы личность ни зависела: от банковской ситуации, от сток-маркетов, от иглы или от сверхучителя, который делает из этой личности попугая. Разница лишь техническая, в упаковке. Содержание – рабство, неспособность взять ответственность на себя и поиски этой точки приложения.

С.С.: Возвращаясь к сегодняшнему дню, 24 декабря, и вспоминая о Его Рождестве...

С.А.: ...которое, скорее всего, было в начале ноября, судя по фактам астрономическим, – во время соединения Сатурна с Юпитером – не две тысячи семь лет назад, а две тысячи пять лет назад. Это соединение произошло в октябре-ноябре.

С.С.: По знаку...

С.А.: ...Он был Скорпион. И вся история – это типичная история Скорпиона, с сильными садомазохистскими элементами. Что касается этого Рождества, это просто украденные Церковью египетские мистерии Осириса и Исиды, которые насильственно христианизировались и не имеют никакого отношения к историческому Иисусу.

С.С.: Который не умер на кресте, а к концу своей жизни...

С.А.: Вот это факты неудобные – оставлять его в живых. Проще умертвить его и затем манипулировать...

С.С.: Иначе теряется ортодоксальное напряжение в этой истории.

С.А.: И с точки зрения амбиций и плана Церкви она может приобрести слишком гуманное, слишком человеческое измерение и, к сожалению, может дать практический материал – человеческая история Христа может оказаться практическим примером для миллионов людей. И тогда Церковь как организация перестанет быть абсолютным авторитетом. Поэтому эти факты были убраны на известном Никейском Соборе.

То, что он не умер на кресте, и вернулся в Индию, к истокам своей инициации. Первые христиане, особенно в районе его ранних опытов с тринадцати до двадцати восьми, в регионе Кашмира, знали о его садомазохистской символике и практике. Для них Иисус был мастером бхакти- и карма-йоги...

С.С.: Мы говорим о том, что период с тринадцати до двадцати восьми, описание которого не вошло в ортодоксальный свод текстов, он провел на севере Индии, в Ладаке и Кашмире.

С.А.: Это были важнейшие годы его инициации, становления. После чего он оказался способным реально учить. И после всей этой истории, драмы с распятием, он вернулся обратно и скончался в возрасте восьмидесяти двух лет в Кашмире, в обществе своих любимых учеников Иоанна и Фомы, чьи могилы находятся там.

С.С.: И там же находится могила его матери.

С.А.: Да. И древнейшая христианская община оказалась формально исламизированной – это суфийская община, для которых главный мастер – это Юс Асаф, Иса...

Беседа пятая

Об огне, воде, мужском семени и женской крови

С.С.: Сегодня, когда мы шли вверх по течению Ганга, навстречу нам шли два баба. У одного из них в руке был чугунный котелок – для пищи и других необходимых действий, его можно по-разному использовать. Это совершенно удивительная, допотопная и прекрасная... утварь. Или, скорей, существо. Видимо, передававшаяся по наследству, от учителя к ученику. Обычно они ходят с простыми никелированными баклажками. Или латунными, производства ашрамов или магазинными. Этот, конечно, выделялся. И ты сказал, что эта емкость могла быть также использована для перенесения личного огня, который на санскрите называется... дхуни. Расскажи об огне. Семь огней, семь характеров, семь разновидностей, семь цветов огня, семь природ.

С.А.: Прежде всего, важно видеть главное общее значение огня. Вся жизнь – это процесс трансформации, включая и человеческую жизнь. Главная сила этой трансформации – огонь, который использовался во всех видах алхимии – и внешней, и внутренней. И поэтому образ огня, его присутствие, его правильное использование – живого огня, тонкого огня и т.д., является ключевым, важнейшим. В том числе и в той парампаре, к которой я принадлежу. Которая основана не на эскапизме, избегании определенных сторон жизни, а на способности, иногда героической, к трансформации. Трансформации при помощи силы огня. Этот внутренний огонь может культивироваться и расти с помощью внешнего огня. Внешнего личного огня, который буквально как домашнее животное, как твой пес. Есть определенные практики, и есть определенные знаки, когда этот огонь понимает тебя. Один из этих знаков – когда этот огонь перестает тебя жечь. Буквально. Когда этот огонь и ты вступили в интимные, любовные, братские отношения, – и ты кладешь свою руку в огонь, и не обжигаяешься. С этого момента у тебя свой личный огонь – дхуни.

Также это играет роль в обряде инициации. Один из самых впечатляющих неофита обрядов посвящения – когда сжигается его биография, его история, написанная на бумаге, сжигается на глазах, вместе с одеждой, в которой он пришел. Сжигаются его волосы, которые сострижены в этот момент – вместе с его генетической историей, со всеми программами, которые были отложены в волосах. С этого момента он получает новое имя, новую одежду. После этого – ощущение реальных перемен, в том числе очень тактильных, физических. Когда на твоих глазах горит твоя восковая кукла, ты чувствуешь, как сгорает часть твоего альтер эго. И все это берет на себя огонь.

Потом, на тонких уровнях садханов, этим занимается внутренний огонь, который возжигается в районе солнечного сплетения – манипуры, а затем сублимируется. <...> Проблема и драма тибетского буддизма заключается в том, что этот процесс сублимации был нарушен, деформирован. Главная мантра тибетского тантризма – «Ом мане падме хум» – мощнейшая стимуляция солнечного сплетения. Но при этом была утрачена способность и техники сублимации этой энергии. И в результате пищеварительный огонь оказывался чрезмерным, что отразилось на их пищевых предпочтениях – мясо. Потому что когда сильный внутренний огонь не сублимирован, ты не можешь насытиться легкой вегетарианской пищей. Тем самым они систематически переступали основные заповеди буддизма – принципы ненасилия. В результате они сами, по причине сознательного принятия на себя этих принципов и неследования им, оказались жертвой варварского насилия со стороны китайцев. В этом можно видеть кармическую закономерность.

Сюда, по ступенькам. Вот эта манговая роща. Чем пахнет этот цветок, понюхай.

С.С.: Кашей гречневой, как в детстве.

С.А.: Да, да, я все не мог вспомнить, на что похож этот запах. Кашей. Детской, с молоком. Змеи его любят. Кобры, когда просыпаются, нежатся тут. Ну, вот здесь посуше. Присядем.

С.С.: О буддистах, о внутреннем огне.

Спящая деревушка. Два стола на земле, сдвинуты, лампа над ними покачивается. Навес, кухня. Угли в жаровне тлеют. Уже закрывают. За столом двое. Монах и женщина. Перед ней кувшин с вином и вода, перед ним заварочный чайник. Присели. Едим что осталось – какой-то острый суп с пельменями. Тибетская кухня. Разговорились.

Она французенка. Под Марселем. Снимает комнаты у священника. Нет, просто недорого и тихо. Холмы, лошади, виноградники. Впервые здесь. Приехала на неделю. Неделя прошла уж полгода как. Путешествует. Когда обратно? Пока не думает. Когда-нибудь. Мечта была: Монголия. Сесть на лошадь и листать горизонты. А оказалась здесь. Может, будет еще. Простое открытое лицо. Родное даже. Ей пошли бы веснушки. Может, они и есть. Лампа покачивается. Милая смесь английского с французским, которым не то чтобы сконфуженно перебегаешь меж островками английского, а как-то по-детски протанцовывает. И запивает глотком, розовым, лепестковым. Шаль на плечах. Встала, стучит по кувшину: еще немного. Лет тридцать пять – сорок. Легкое тело, неяркое, полевое. Наверно, и запах такой.

Монах кивает, он еще там, на той фразе ее, о Монголии. Будет еще. Кивает. Свекла и тыква. Два цвета на нем перепоясанных – свекла и тыква. Тибетская униформа. Руки голые, с этими тыквенными шлейками, перетягивающими ключицы – крест-накрест к поясу, и свекла до пят. Улыбка с лица не сходит. Не улыбка даже – так, легким мелком. Лицо моложавое. Как у сердечников. Почему у сердечников? У них румянец. Бог его знает, почему. Брит. Худ. Легкая кость. Тих, внимателен, сероглаз. Ни холоден, ни горяч. И ангелу Лаодикийской церкви напиши, потому что ни холоден он, ни горяч, а тепл. Нет, не тепл, а какая-то легкая дымка в нем. Как, бывает, висит на скалах: снизу смотреть – вершины не видно, сверху – дна. Только скалы нет, неоткуда смотреть, и неясно, на чем висит. Под шестьдесят, наверно. Семьдесят три, говорит. Шел с Гималаев, из Ладака, три месяца, Ламу увидеть. Высовывает из-под стола ногу, приподнимает подол, показывает ботинок. Хорошее качество. Видите, какая подошва? И шнурки крепкие. Альпинисты оставили, англичане. Монастырь его – три семьсот над уровнем. Маленькая пятерня, в скалу вгрызшаяся. В расселине. Орлы парят далеко внизу, когда ясно. А так – облака. Хорошо если ниже. Чаше ни земли, ни неба. Снег, лед, морось. В келиях – как в бутылках из-под кефира. Девять монахов осталось. Было больше. Трудно. Зимой – минус пятьдесят. Вот, все что есть, на мне. Ну, еще куртка теплая, от англичан, прислали. А наши вещи – дрянь качество. Только вид. Как для детей делают. Наденешь, а к вечеру уже нет ее на тебе, снашивается. Как прислали? Почтой. Есть в деревне. Только доставка – три недели в году, козья тропа, летом. Потом нет дороги – весь год. Да, корешки, травка, отвары. Смотрит на мою обувь. Русская? Нет, говорю, немецкая. Кивает, поцокивает. Очень хорошая, практичная. А подошва какая? Каучук? Здесь благодать – в долине. Еда, люди... Там тяжело. Все изнашивается, так быстро. Здесь бы на год хватило, а там – к вечеру сядешь с иголкой: что шить, что латать? Нечего. Вот куртка у англичан, месяц носил, спал в ней. Потом через день. Беречь стал. Крепкая, еще жива, хотя надеваю редко, когда лед со стен оббиваем. Сколько стоят? Что? – спрашиваю. На обувь мою показывает. Не помню, давно покупал. Вот-вот, говорит. Давно. А здесь и одежды такой нет, чтоб сказать: давно. А эта – чтоб сны смотреть, да и то – не ворочаясь. Вот эти ботинки мои, говорит, стоят... Задумывается, шевелит губами. Лет десять монастыря, всех денег вместе. Понимаете? Очень трудно.

Мари, французенка: ви, ви, – вздыхает. Будто он не свою, а ее рассказывает историю.

Ну, так, может, и оставались бы здесь, говорю, или спустились пониже бы. Не три шестьсот, а пониже, в свою меру. Чтобы немного солнца, немного ботинок, немного монастыря. Вас ведь никто не держит.

Зоя под столом жмет мне на ногу. А он кивает, чуть подрагивая этим мелком улыбки. Черт меня дернул.

Ви, ви, – говорит француженка, – больше солнца...

Нет, – покачивает головой, – никто не держит.

Расплатились. Идем по деревне. Отель, ступа, отель, ступа. Всё в огоньках бегущих...

Стыд. Жгучий. Кто дал мне право? Путь, говорю, не мы, выбирает себе ботинки. Сукин сын. Переспи там ночь, во льду, на коленях, а потом говори. Что говори? Хоть на всю жизнь там воткни себя – разве это дает право? Нет права, ни у кого, ни на что. На свою даже жизнь нет права. Что ж ты бьешь его по руке, когда он приложил ее к сердцу. Подойди к нему. Подошел, отстали. Проводил. Шарф подарил, прощаясь. Он. Мне. Теплый, тибетский, с огненно-синим орнаментом. Упирался, как мог. Нет, говорит, Вы не поняли, нельзя отказываться, это из монастыря. И, опустив голову: у меня еще один есть, для Ламы.

С.А.: Прыжок льва. У женщин это несколько иной процесс – Бросок змеи. Это главным образом использование водяной стихии, энергии воды, энергии океана. Женщина и есть океан, она даже пахнет океаном. По недоразумению люди называют этот запах рыбным, но рыба пахнет океаном. Зарождаюсь, девять месяцев мы находимся в ней в океане. Потому что женщина – модель Вселенной. Это другая энергетическая композиция, где огонь нужен, но играет меньшую роль. И отсюда у мужчины доминирует аспект силы воли и т.д., связанный со стихией энергии огня.

С.С.: Вначале была женщина. Вот ты говорил об этой изначальной женщине, которая рождала только своих сестер, и лишь впоследствии...

С.А.: ...началась мутация. Уровень тестостерона стал подниматься, и начались трансформации гениталий и т.д.

А с другой стороны, качество матки определяет качество женщины. Полностью. Духовные качества. Без хорошей матки не будет духовной женщины, несмотря на те же интеллигентность и информированность, у нее не будет силы, энергии для восхождения. Ее сила заключается в матке. Современный образ жизни, превращение женщины в бесполого гражданина и т.д., лишает ее этой силы, в том числе лишая таких функций матки, как инстинкт и интуиция. Женщина лишается на всех уровнях – от самого грубого, примитивного до самого тонкого плана – своих естественных сил и возможностей, становясь самым страдающим из существ. Во многом и потому еще, что живет в мире, устроенном в основном мужчиной. А хочет лишь быть счастливой.

С.С.: И с другой стороны, она, как ты говоришь, встраивает в себя мужчин, – возвращаясь к разговору получасовой давности. Каждая капля спермы... Или давай чуть позже, потому что это отдельная тема...

С.А.: Нет, но это связано с огнем. Следующий вопрос, который может естественно возникнуть, это природа внутреннего огня. Это не абстрактный огонь, это огонь грубый – наша кислотная среда, это и есть процесс горения, и чрезмерно грубый огонь также означает повышенную кислотность, со всеми связанными с этим эмоциональными, ментальными и другими проблемами, включая язву желудка, геморрой и пр. Тонкий внутренний огонь является квинтэссенцией семени мужчин, это тепловая сущность семени, которая при помощи йогической практики сублимируется из грубого материала семени. И из этого огненного, теплового элемента сублимируется тончайшая жидкостная

эссенция семени, называемая оджис. Этот пот, выделяемый жаром, – с точки зрения профанной кажется абсурдным, что вода порождена огнем, но это факт физической вселенной. И этот внутренний жар при сублимации переходит в качество тончайшей влаги, влажного агента, который поэтически назван каплями сомы, которые ответственны за высшие психические опыты. И в конце концов, за опыт просветления и самореализации, что географически связано с раскрытием верхних чакр. Что совершенно невозможно без присутствия оджиса. Но оджис невозможен без присутствия тоджиса – внутреннего сублимированного огня. Вот и вся история духовности, самореализации.

С.С.: И капля спермы содержит тоджис и оджис.

С.А.: Да. Поэтому это преступление – выбрасывать. То, что делает эта порнографическая индустрия, которая является частью официального истеблишмента, – она заставляет мужчин эякулировать, и тем самым делает их слабыми. Нормальное общество заинтересовано в рабах. Нормальный истеблишмент не заинтересован в свободных и сильных существах. Поэтому, в том числе, и этот нонсенс эротической культуры, порнографической культуры – всеми силами заставить мужчин эякулировать.

С.С.: И каждая капля спермы, в этом соединении тоджиса и оджиса, настолько является частью нас самих, что эта капля способна узнавать нас.

С.А.: Это факт. Сперма узнает нас на расстоянии нескольких метров, при приближении она узнает своего хозяина, своего мастера.

С.С.: И, попадая в тело женщины...

С.А.: Это десант, который запускает глубинную информацию – химическую, психологическую и т.п., которой в данный момент этот мужчина владеет. И если есть несовместимость на всех этих уровнях, то тогда возникает реальный психохимический конфликт, и женщина оказывается полем этого конфликта, со всеми неосознанными проблемами, возникающими на всех уровнях – от здоровья до психической неуравновешенности. И это также причина проблем со следующими мужчинами, которые неосознанно узнают присутствие в теле даже любимой женщины чужой энергии, кармической энергии предшествующего посетителя. Если женщина слаба, она не может очищаться. У женщин память тела потрясающая, несравнимая с мужской.

С.С.: И то, что нам кажется некими трениями психологического свойства или неким неузнаванием, недосовместимостью, может иметь в своей основе именно эту природу?

С.А.: Безусловно. Поэтому у многих культур, не по причине мужского шовинизма, чувства собственности, были эти естественные ожидания и требования определенной чистоты женщины. Если не чистоты, то, по крайней мере, присутствия в теле этой женщины химии, агента возвышенного. Поэтому в Индии в некоторых регионах была традиция, когда девственницу отдавали йогинам, это считалось наиболее благоприятной инициацией. Точно так же происходило и наоборот – сыновья из благородных семей проходили посвящение у йогинь. Через Китай это искусство попало в Японию и превратилось в светское искусство гейш, которое, правда, во многом потеряло свою тонкую эзотерическую сущность.

С.С.: Есть и другой путь. В христианской традиции, это так называемые грешницы...

С.А.: Да, но там есть способы очищения. Это способы очищения опять огнем, – мы возвращаемся, совершив цикл, к огню. Психоочищение огнем – в Индии это в самый жаркий период – май-июнь, – когда человек в целях очищения на всех уровнях проводит часы или дни в круге или квадрате огня, топливом к которому служит коровий помет. В полдень, под открытым небом. А некоторые йогины ставят на голову сосуд с огнем. И это потрясающее очищение. Это одна из ультимативных форм тапаса. Это, плюс менструация – осознанная менструация, когда женщина чувствует себя очищающейся в течение этих дней, когда она помогает этому психологически, – тогда есть шанс освобождения, стирания программ.

С.С.: Но одновременно менструация – это не совсем то, или, вернее, совсем не то, что говорит нам так называемая регламентированная культура поведения, особенно культура западной цивилизации.

С.А.: Это основано на недоразумениях или суевериях, заложенных намного раньше, по крайней мере, в упаднический период патриархата, и во многом связано со страхом перед природой женщины. И неизвестные, непонятные силы природы женщины табуировались, и табуировалась менструация. По простой причине, что в этот момент женщина обладает уникальной силой. Уникальной силой как минимум шаманского характера. Что выражается в более или менее истерических тенденциях, что является просто результатом неканализированной, некультурной формы, нефокусированной формы этой энергии, которая пробуждается в эти дни. В тантре есть особые техники, исключительно для этих дней, помогающие женщинам, вплоть до просветления, испытать этот уникальный опыт, когда открывается дверь в особое пространство. И мужчины медитируют на женщине с ее помощью – в эти дни она проводник. Она помогает им приобрести этот опыт, который по биологическим причинам недоступен мужчинам. И эта кровь является сильнейшим алхимическим агентом, который слабого человека может просто убить или сильно травмировать.

То же самое с мужским семенем. Для многих это грязь, поэтому это называется поллюцией, загрязнением. Тогда как на самом деле это ценнейший продукт, который создан всей системой – от тончайших психических уровней и до самого грубого, химического уровня нашего существования, – всё участвует в создании этого уникального субстрата, этой уникальной эссенции, в которой заключена вся мистерия жизни. И это сознательно используется. С одной стороны, сознательно сублимируясь при помощи йогических практик, с другой стороны, она используется в определенных ритуалах для сознательного инициирования или стимулирования различных важнейших точек акупунктуры, нервных центров, чакр и т.д. Особенно в смеси с менструальной кровью первых двух дней. Менструальная кровь – это уникальное пожертвование. Это всегда, с древности использовалось – до патриархата. В переводе с санскрита эта кровь называется «красным цветком». Мистическим цветком, которой символизирует космические мистерии Дэви – женской энергии. И пренебрегать этим – просто кощунство. Пренебрегать женщиной в эти дни – равносильно пренебрежению природой. Женщина более сложная и завершенная система, чем мужчина. Мужчина физически намного более прост. Мужчина обладает одним главным и важным достоинством, если развил это достоинство, – это способность к концентрации, способность к реализации центров, к кристаллизации сознания и т.д. Что в определенной степени слабо у женщин и в чем она нуждается. Она нуждается в этой оси, этом центре. И для нее намного естественнее иметь этот глубокий необходимый опыт через мужчину. Большая редкость, когда женщина может полностью реализовать себя самостоятельно, будучи отшельницей и т.п.

С.С.: И когда задачей становится зачатие, меж мужчиной и женщиной в Индии существует особая культура, и особая техника в том числе.

С.А.: Прежде чем говорить об этом, важно коснуться общей темы. Общую же тему можно выразить простой индийской поговоркой: если женщина несчастлива – семья несчастлива, если семья несчастлива – нация несчастлива, если нация несчастлива – человечество несчастливо. Почему женщина несчастлива? По простой причине – у нее нет достойного мужчины. Современные отношения – это более или менее политэкономическая игра плюс поверхностный секс, не имеющий ничего общего с мистерией отношений.

И если вы помните историю зарождения современной парадигмы западной психологии, она связана с феноменом истерии, начавшимся в девятнадцатом веке. Этот феномен появился как результат другого феномена – индустрии, сделавшей в течение короткого времени миллионы мужчин рабами, отдающими свою энергию, время на фабриках, в офисе, в бизнесе и т.д. В результате – ни энергии, ни времени на женщин. И возникла массовая истерия. Не случайно и появление Фрейда в разгар этой эпидемии. Женская истерия – это результат, а не проблема. Проблема – слабый мужчина. Слабый эякулирующий раб. Раб политэкономии и невежества. Ни сил, ни знаний. Любой голод – это результат неудовлетворенности, половинчатости, отсутствия чего-то. Но что именно отсутствует, ясного осознания нет.

Последние две – две с половиной тысячи лет женщине навязывалась роль дьявольского существа, истока соблазнов, зла и пр. В результате мир плодил ущербных людей, рожденных в страхе, с чувством вины и т.д. Реальное тактильное счастье превратилось в поле стыда, в нелепую попытку втиснуть солнце в штаны, и в результате новые поколения рождались без дара счастья, без этого опыта, переданного от родителей, – счастья, доверия, опыта единства. Современные отношения между мужчиной и женщиной – это политэкономический нонсенс, который во многом основан на игре силы: кто кого? кто важнее? кто главнее? – расписывания ролей и пр. И естественно, что получает в наследство ребенок, – весь этот конфликтный мусор. Сейчас редко можно увидеть детей, которых классическая романтическая литература называла «детьми любви». Посмотрите на лица людей на улице. Где дети любви?

С.С.: Смотри: стоят два быка, опустив головы, затылок к затылку, даже не лбом ко лбу, а соприкоснувшись затылками, поперек дороги. Не бодаются.

С.А.: Это была замечательная картина, когда этот огромный белый бык боролся с черным. Это были Инь – Ян.

С.С.: Смотри, разошлись – без всякой борьбы. Это даже не быки, это яки?

С.А.: Нет, это быки горной породы. Местные коровы и быки маленькие.

С.С.: Нет, борются.

С.А.: Сними их, хороший свет.

С.С.: Вчера меня поразило, как они ели бумагу.

С.А.: Да, это какой-то их наркотик: клей, бумага, я не знаю, что. А вообще они едят, то, что им дают, – местные рестораны их кормят. А, этот довольно агрессивный. Это самец молодой. А вот это гуал – индийский красный цветок, который приносится на алтарь Дэви.

С.С.: Давай вернемся к семи разновидностям, семи характерам огня.

С.А.: Различаются многие нюансы – от черного огня до белого, и каждый из них имеет свою природу, роль, функции и пр. И поэтому по характеру огня, например, который возжигается, можно узнать, что происходит, какие процессы. В том числе имеются в виду и внутренние огни. При медитации ты продолжаешь их видеть, и продолжаешь видеть различное свечение, которое возможно без присутствия внутреннего огня. Цвет свечения показывает, с одной стороны, какая чакра, какой элемент активны. И в соответствии с этим, какой тип огня, какой тип цвета. Все элементы могут быть сублимированы в различные формы. И земля может быть сублимирована в огонь, и вода.

С.С.: Эти семь огней соотнесены с чакрами?

С.А.: Естественно.

С.С.: Черный огонь – нижняя чакра, и далее по восходящей, да?

С.А.: Да. Это важная часть творческого знания, знания реальной сущности элементов. И мастер должен осознавать их. Осознавать и становиться мастером своей жизни, которая и есть главное произведение.

С.С.: Холодновато.

С.А.: Да-да, я сам сижу на одной ноге, и тебе не советую. Сейчас такое время двусмысленное...

Беседа шестая

О раннеиндийской литературе, творческой сублимации, времени созерцания и ночных мыслях

С.С.: Вот, например, Бану, автор восьмого, кажется, века. Он пишет о ланях, медленно отрывавших глаза под порывами холодного утреннего ветерка, и глаза их были затуманены обрывками сновидений, а ресницы оставались слипшимися словно бы от потекшей туши...

С.А.: Дыхание, разлитое по телу, – это речь. Поэтому речь произносят, не вдыхая и не выдыхая.

С.С.: Или другой автор, Субандху, пишет о звездах, например, что они сродни нулям, начертанным мелким месяцем на черной шкуре антилопы тьмы и знаменующим ничтожество круговорота жизни. Или о глубине чувства: эта скорбь может быть описана лишь за несколько тысяч калп, и то лишь тогда, когда небо станет свитком, океан – чернильницей, Брахма – писцом, а змей Шеша с тысячью его языков рассказчиком. Или вот это: сезон дождей играет в шахматы желтыми и зелеными лягушками. А вот еще, совершенно чудесное: она была похожа на грамматику, с ногами, покрытыми красным лаком. А буквально: со словами, написанными алыми буквами. И там же: Тело ее было похоже на книги, на мандалы.

Этот «мастер гнутой речи», описывая берег океана, сцепляет до тридцати, а иногда и до ста слов в одно. Словище! С тяжелой гривой, метущей побережье. А другой автор – Дандин – пишет двадцатистраничную главу без губных согласных, по той причине, что у героя-рассказчика с ночи искусаны губы его страстной супругой.

А история про попугая? Попугай, принесенный во дворец дочерью царя Синхавикрама, рассказывает историю своей жизни. Родился он на дереве в окрестностях Гималаев, возможно, где-то здесь, чуть выше по течению. Мать гибнет при родах, выкармливает его престарелый отец, которого давит в ладони некий, влезший на дерево, горец с красными, как сгустки крови, глазами из-под рыжих бровей. Чудом спасшееся дитя, единственное со всего попугайного древа, подбирает аскет и передает его мудрецу Пуластья, который рассказывает отшельникам историю былых рождений этого попугая. Начинается книга историй – любовей, страстей, воплощений – и недо и пере. В заключение Пуластья объявляет, что этот попугай и есть царь Синхавикрама, проклявший перед смертью свою дочь за недостойный выбор жениха. Услышав собственную историю, попугай выпархивает из ладони и, пройдя через вереницу историй, оказывается в ладони той самой принцессы, входящей во дворец.

С.А.: Творчество само по себе уже является сублимацией, но если оно еще и поддержано сублимацией мастера на всех уровнях – от физического до тонкого, – тогда это естественно отражается и на качестве его личной жизни, и на жизни произведения. Эта традиция до сих пор сохранена в Индии. Путь художника нередко проходит через ашрам, где он развивает свой дар, приводя к гармонии разноголосье внешнего и внутреннего, восходя к опыту цельности и единства. Прежде чем создавать нечто, необходим опыт личного счастья, личный тактильный опыт родства всего со всем, – тогда и в творении твоём будет жить счастье. Даже в трагедии или драме.

Причем есть два пути сублимации: один аскетический, который кажется самым простым, – избегать женщины. Что, например, регулярно делал Шопен, избегая Жорж Санд, когда он чувствовал необходимость написать новое произведение. Его семья было нужно ему для музыки. А есть другой путь – не избегать, а сублимировать, путь

сознательного контроля. Речь о восходящем процессе, когда нет никаких застойных явлений и подавлений – ни психологических, ни физических. Происходит восхождение, сублимация, возгонка, алхимический процесс, когда твое семя стимулирует тебя же самого. Так происходит энергетическое восхождение. А не сброс энергии. За каждым таким «плевком» стоит три недели невероятной, тончайшей работы всего организма. Сбрасывать эту энергию чаще, чем раз в три недели, – самоубийство. Хотя у разных людей этот срок варьируется, в зависимости от конституции.

Есть угольная энергия, электрическая, атомная и т.д. Так же и в нас самих. Если человек неспособен сублимировать эту внутреннюю энергию, то он, практически, живет на угольной энергии.

Теоретически человек духовен. Но духовность – это не абстрактная материя. Точно так же как духовность имеет совершенно ясное выражение. В звуке, например, это связано с появлением и очищением обертонов. С процессом утончения, восхождения, сублимации. Поэтому когда, например, Тина Тернер или Шарон Стоун утверждают, что они буддисты, трудно этому поверить, если ты видишь их искусство, в котором отсутствуют обертона.

С.С.: Да, скорее поверишь лангуру, который сидит на ветке и медитирует на заходящее солнце... Недавно у меня была беседа с актуальным – сейчас модно это слово – русским философом Валерием Подорогой, который находится в достаточно активном диалоге с французской новейшей философской школой, так вот он говорил о катастрофическом убывании в человеке созерцательного аспекта времени. И с этим связывал драму сегодняшнего человеческого существования. Глядя на лангуров, я вспомнил об этой беседе. Этот созерцательный аспект в небольшой обезьяне сохранен в своей чистоте и силе.

С.А.: Поскольку она следует спонтанной естественности. Сейчас, например, начинается заход солнца. Вместе с ним начинается спонтанная медитация природы в этой местности. Когда мир находится в любовном балансе «день – ночь», «свет – тень»... Посмотри сейчас на эти деревья. У них начинается медитация. Посмотри на эту буйволицу – ее движения меняются. Через некоторое время она замрет и перестанет двигаться и будет без всякой философии переживать спонтанно счастье этого баланса. И в то же время посмотри на людей. Ответ нормального человека: я слишком занят для того, чтобы медитировать, нет времени. Этот ответ меня всегда поражал.

С.С.: Нет времени – это приговор. Значит – нет человека.

С.А.: Я никогда не понимал, что они имеют в виду.

С.С.: Вначале было одинокое Ся (Self, Самость) с неморгающим взглядом, – так они начинают мир, индусы. Когда-то я вольно перевел Йейтса, переведшего эту главу упанишад.

И вот Он думал: не создать ли Мне территории?

И сотворил: область первичной воды, затем света, земли и еще раз воды.

И снова задумался: вот стихии, позволь Мне сотворить для них правила, и вознес яйцо из вод. И согрел его своими ладонями.

И от тепла ладоней Его возникли губы в прорехе треснувшей скорлупы. И губы эти были Его губами – по сути и форме своей. И от губ родилась речь, а от речи – огонь.

Затем проявился нос; от ноздрей пошло дыханье, от дыханья возник воздух.

Проявились глаза; из глаз излучилось зрение, из зрения родилось солнце.

Уши возникли; от них – слух, от слуха – стороны света.

Затем – кожа; от кожи – волосистой покров, и от него – флора.

Затем – сердце; от сердца – сознание, от сознания – луна.

Пуп возник; от пупа – Апана, нижнее дыхание, от Апаны – родилась смерть.
Половое отличие проявилось; от него – семя, от семени – хлябь.
И когда божества эти были созданы, они возвратились в воду.
И Он наполнил их жаждой и голодом. И они обратились к Нему: дай нам место, где бы мы могли существовать.
И вывел Он быка из воды.
Нет, сказали они, это неубедительно.
Он сотворил лошадь.
Нет, сказали они, этого недостаточно.
И тогда Он создал человека.
Да, сказали они, хорошо сработано!
Огонь – как речь – вошел в рот; воздух – в нос; солнце – как зренье – вошло в зрачок; стороны света – как слух – в уши; растительность – в кожу; луна – как сознание – в сердце; смерть – как Апана – в пуп; воды – как семя – в чресла.
Жажда и голод спросили: а наша где часть?
В каждом из них, Он ответил.
И подумал Он: вот территории, и вот их правила. Создам харч. Он медитировал на воде, и от жара медитации возник образ. Образ тот – суть харч.
И бежал харч от человека, и пытался чел. поймать его речью, и не мог, но говорить о нем было приятно вполне. И пытался... – и так далее, до нижнего дыха Апаны; ей одной удалось его сцапать, – на том и стоит.
Он подумал: могут ли они жить без Меня? Могут. Но без Меня. Как же войти в тело?
И вскрыл темя, и вошел сквозь Воротца Радости. И нашел для Себя три места, где Он мог бы жить, три состояния, которые Он мог бы приводить в движение: ходьба, греза, сон.
Он огляделся в названных трех, и был поражен, что никого, кроме Него, там нет.
С тех пор Он известен под именем Индра – Тот, который видит.

С.А.: А потом Индра с одним бродягой-неучем приходит к отшельнику, не зная, что тот – Праджapati. Они хотят постичь, что такое Self, то есть что лежит в основе Всего. И отшельник их водит за нос, обоих. Шудра с ним и остается. А Индра всякий раз, отойдя на некоторое расстояние, вдруг понимает, что его надули, и возвращается к мудрецу на следующий срок, и тот наставляет его, и вновь Индра идет в мир – счастливый и вразумленный, и, отойдя на полсвета, снова хлопает себя по лбу и возвращается. И так сто один день.

С.С.: Не спалось сегодня. На веранде сидел, на реку смотрел, думал. Никогда человек не был с миром. И в мире не был. Он стоит, как за тем стеклом, затемненным, где видимость односторонняя – от него к нам. Что мы знаем о нем, в нем, что мы видим, кроме себя в этой комнате с ламповым светом в лицо?

И спроси я себя напрямик, или-или: дерево или книга, человек или зверь? Да, еще несколько лет назад – человек, книга. Теперь – не знаю. Чем мы лучше? Ничем. Любовь? Любовь слизней на три неба над нами. Они взбираются на ветку дерева, бесполое, они проходят весь путь, прорастая от детства к нежности, наливаясь страстью женщины и мужчины. Становясь, каждый, двуполым. И начинается то, перед чем отступает наше воображение, задувая, как свечи, Эхшила, Данте... И вот они валяются, перекусив нить, эти слизи, светящиеся, преображенные, вниз, туда, где стоят наши маленькие одышливые кровати...

Набело, думал, все они набело созданы – звери, деревья, птицы, только мы здесь – черновики. Не новость. Как любая мысль, чувство, стоит им шевельнуться. Самый короткий путь к смерти, пугалу – шевельнуться. Время созерцания кончилось, говорит, свернуто. Чуть. Будто мы знали его. Помнишь тех обезьян на краю леса? Они сидели вполоборота друг к другу. Рукой, заведенной за спину, он держал мизинец ее ноги, как и

она, не замечая этого. И в течение часа, пока солнце не село, они ни разу не шелохнулись, не опустили взгляд на нас, стоящих под ними, совсем рядом. Созерцание, говорит... Для этого мы слишком люди. Есть такая запись, древняя, у индейцев. Начинается хорошо: «И сел человек поодаль». Никто, нерожденный, нищий. И каждая тварь, проходя, давала ему часть себя. Кто зренье, кто слух, как подают мелочь. Теперь он имеет всё, теперь он больше нас, сказали они, глядя. Нет, ответили сверху, с ветки. Меньше, чем был, и будет все меньше. Потому что мало ему, что бы ни было в нем, – неутолимо мало, вот и имя его – голод.

Вот мир, быть может, впервые так близко и говорит с тобой, а ты их связать не можешь, эти простые слова в одну фразу. Я понять тебя хочу. Взять, утолить, иметь, насытить. Смысла я в тебе ищу. Да, тот голод. Из остатков мы слеплены, из отбросов творенья, из культей, из всего понемногу. Как в хорошем хозяйстве: не выбрасывать же, да и куда? Оттого эти боли фантомные – почувств, полуслов, полумыслей. Что ни шаг – то стена или край.

Вот об этом я, понимаешь? О том, к чему человека не подпускают. Ведут стороной, по краю, лицом к стене, на которой мир – нарисован, живой. И как-то вдруг, ни за что, по какому-то недосмотру, ты стоишь, и нет у тебя ни чувств, ни сил, ни опыта с этим быть. Вот, например, этот цвет или свет открытый. У всего – воды, песка, неба... Нет его в опыте, и в слове нет. Видишь то, чего нет, что не можешь видеть. Небо. То, что мы называем самой пронзительной синью, – муть, если мазнуть рядом. Это до слов, до того, как их начали смешивать – краски, чувства, слова. До опыта, и еще не просохли. До Бога. Еще не просохли ни воля, ни время...

Беседа седьмая

О спанде, мантрической природе речи и тайне русской души

С.С.: Звезда, под которой мы живем, одна из самых унылых звезд во Вселенной. Унылых в постоянстве своего равновесия. И эта «привычка» ее свыше нам дана – как жизнь. Но каждые одиннадцать лет и она входит в экстатическое состояние, в полосу риска, избыточности, танца температур, в некий период космогонических регулов. То, что мы называем годом активного Солнца. И в этом, к счастью, тоже ее постоянство. Есть магма языка, и есть ее языки: есть ровный свет поэзии, и есть ее солнечный ветер. Без этой энергетической возгонки, как и без инерции, язык не светит.

С.А.: Несколько лет назад, во время официальной беседы в Дели, мне был задан вопрос: «Какой Ваш родной язык?» Я ответил: «Mauna (silence, молчание)». Это было воспринято как совершенно естественный ответ, а один чиновник негромко произнес: «Да, это наш общий язык...»

Обычно разговор о языке начинается через голову, минуя путь к нему, через семя – корни – ствол, сразу приступая к культурным ветвям и листьям, т.е. без попытки проследить цикл погружения – восхождения, привычно оставаясь на уровне Vaikhari и Madhyama, т.е. «грубой» речи и обусловленного мышления.

С.С.: Любопытно наблюдение, о котором напомнил мне мой киевский друг Варел Лозовой – о разнице между набатом и благовестом: при благовесте звонарь тянет колокол за язык, сам являясь его частью и продолжением. А при набате звонарь раскачивает не язык, а колокол, пока тот не ударит в безвольно висящий язык. Первая традиция – греческая, и далее – православная. Вторая – западноевропейская, католическая. Это к слову об эллинистической природе нашего языка, о которой говорил Мандельштам, о «тайне свободного воплощения», о «звучащей и говорящей плоти».

С.А.: Один из отцов компьютерной эры создал для личного, некоммерческого пользования компьютер, способный трансформировать электромагнитные сигналы в человеческую речь и наоборот. Для первого опыта он выбрал абрикосовое дерево, растущее прямо перед окном его ателье. Он присоединил датчики к дереву и... жизнь инженера полностью изменилась. Абрикосовое дерево начало говорить с ним. И не просто говорить, но ведическими шлоками. В присутствии ТВ дерево и человек разговаривали при помощи... спанды, универсальной вибрации, трансформированной компьютером в человеческую речь и обратно. Единственной проблемой была ограниченность, узость человеческого мышления для того, чтобы воспринять образы и логику «нечеловеческого» сознания. Около 60% образов оказываются не освоенными человеческим умом. (Я имею в виду «нормального», «цивилизованного», т.е. определенным образом ограниченного человека, одной из главных проблем которого является человеческий шовинизм, высокомерие и потребительское мироощущение.)

С.С.: Давай вернемся к нашему вчерашнему разговору – о спанде, о мантрической природе речи. И если успеем до заката – о парампаре, одном из важнейших понятий индийской философии и мироощущения.

С.А.: Природа, основа речи не смысловая, не интеллектуальная, но чисто вибрационная (Spanda), и различные обертона и тона расширяющейся пульсации порождают различные формы, в т.ч. смысловые, и элементы, вплоть до тверди. Речь, даже в форме письменности, имеет мантрическую природу, и без реального опыта

погружения в спанду – первичную пульсацию, с последующим восхождением в Parapshyanti, Paramdhyama и т.д. до Sahasrara Chakram, речь – мысль – образ остаются ограниченными без завершения полного цикла жизни и возвращения в Исток.

С точки зрения тантра-йогического опыта полный цикл речи включает в себя семь основных ступеней «погружения-восхождения»: Vaikhari – слышимая, «грубая» речь, ассоциирующаяся с Vishuddha Chakram, горловым центром и обычным бодрствующим состоянием; Madhayama – мысль, чувство, выраженное в мысли и «внутренней» речи, ассоциируется с Anahata Chakram, сердечным центром и сновидческим состоянием; Pashyanti – архетипическое Слово, Свет, как результат глубокого медитативного опыта видения универсального в любом, частном объекте и событии, ассоциируется с Manipura Chakram, солнечным сплетением и телепатическим состоянием; Para – трансцендентный, основанный на молчании опыт погружения в Muladhara Chakram, резиденцию кундалини в основании позвоночника, откуда начинается восходящее движение речи, мантры, протозвука по центральному каналу сушумны и порождающее следующие три состояния речи: Parapashyanti – трансперсональной мудрости, где трансцендентная речь или молчание приобретает образ, готовый для восприятия; Paramadhyama – трансцендентный образ приобретает форму мысли, готовой к выражению; Paravaikhari – высший уровень выражения мыслеобраза, когда человеческое слово, речь выявляет трансцендентность. Это уровень риши и других реализованных существ, прародителей искусств, поэзии и литературы и одновременно проводников и учителей тех, кто готов пройти полный цикл погружения-восхождения и в свою очередь разделить этот опыт со следующими и т.д.

Есть возможность восстановления этой прерванной парампары, позволяющей трансформировать эту сырую, но несвежую, усталую и ограниченную энергию талантливого эгоцентричного цивилизованного невротика в энергию святого безумца – свободной, счастливой души.

С.С.: Каков язык человека – такова его и судьба. Это же относится и к народу. К русскому – в особенности. В начале нашей азбуки – аз, затем буки. То есть: я – буквы. И лишь затем, и потому – ведать слово. И не то слово, до которого еще плыть и плыть – до середины реки азбуки, а глагол, то есть речь, течь, говорение, то есть слово живое, изустное, отворяющее уста. У индусов в «Алмазной сутре» – формула человека: «я, человек, существо, небожитель». У нас: «я – буквы – ведаю – говорю». Я – часть азбуки мира. Не буква его, а буквы. Какая часть, сколько? Нет ответа. Вопрос есть, чувство есть – части целого, потому «говорю».

В этом смысле я хотел бы, чтобы ты рассказал от этом звуке «ха», точнее, об одной из его тональностей, отсутствующей или утраченной многими, по преимуществу европейскими, языками. И о тех последствиях, к которым могут вести подобные утраты.

С.А.: Каждый звук-буква является выразителем определенных элементов, качеств и процессов на всех уровнях – от астрофизического до метафизического. Ни одна специфическая вибрация-буква космического алфавита не существует отдельно в отрыве от других. Потому одно из санскритских названий алфавита – гирлянда звуков-букв. Например, недостаточно иметь в вокабуляре, в алфавите активную «ha», важна ее связь с предыдущей и последующей мантрой или матрикой. Так, почти все европейские языки имеют матрику «ha», но она практически неживая, так как не имеет поддержки от Anahata Chakram, сердечной чакры, самой слабой и деформированной чакры западной цивилизации.

«Ha» – это ключевая мантра Vishuddha Chakram, горлового центра, ассоциирующегося с бездонным глубоко-синим небом, с формой круга, с белым слоном, с Shakini Shakti, с пятиликим Шивой и чьи качества есть пространство, звук, слух. Звук, завершающий творение, вокальное выражение энергии мысли, чистота, вернее, очищение, дыхание, правдивость, независимость, коммуникабельность, самосознание, способность к

концентрации и учебе, глубокое чувство музыки, адекватное восприятие и самовыражение. Признаки недоразвитой, деформированной Vishuddha Chakram – косноязычие, неадекватность восприятия и выражения, ложь, хамство, сквернословие, нетерпимость, чрезмерный (особенно словесный) интеллектуализм, чрезмерная стеснительность, склонность к замешательству, страх одиночества, неспособность к самовыражению. На физическом плане это проблемы горла, шеи, щитовидной железы, воспаление миндалин, проблемы шейных позвонков, слуха.

Все порождено пространством, все находится в пространстве и все завершается в пространстве. Это опыт мудрости Vishuddha Chakram, внутреннего пространства, высвобождения энергии, эта чakra связана с эзотерическим смехом, который есть мантра «ha» в интенсивной форме «ha, ha, ha...».

Все звуки-буквы алфавита (в особенности наиболее завершеного – санскрита) являются прямым выражением основных этапов эволюции и инволюции от первого звука – буквы «а» до заключительного «ha» (в контексте санскритского алфавита).

Эта драма творения, сохранения, разрушения и освобождения постоянно выражается в речи, во взаимоотношениях гласных и согласных, женского и мужского, приобретающих то форму враждебного отчуждения, то форму любовного единения. Потому, естественно, принцип звука-образа, мантры-янтры речи является основным в искусстве и практике тантра-йоги.

Этот опыт имеет некий терапевтический характер в виде реанимации одного из важнейших утраченных русским языком звуков – «ha», который выражает энергетическую сущность горлового центра Vishuddha Chakram – творческой чакры, являющейся одновременно энергетическим фильтром и медиумом между «умом» и «сердцем».

Звук и буква «ха» не способен заменить функцию «ha» и, более того, имеет ярко выраженную конфликтную природу. Отсутствие в языке этой звуковой мантры ограничивает энергетическую природу языка и национального менталитета.

С.С.: Верую, ибо абсурдно. Но по сути, речь идет о путях энергетической настройки языка, то есть то же, что, скажем, делает йога с запущенным остеохондрозным телом. Мысль не так уж необитаема. Для Хлебникова, например, эти вещи – быт ума. По отношению к «реальности» так называемое «поэтическое безумие» и «здравомыслие» меняются местами. Реалисты – автор Праджняпарамита-сутры, Будда, Гераклит, Платон, евангелист Иоанн, Лейбниц, Сведенборг, Андерсен, Циолковский, Введенский...

В чем загадка русской души? Смотри синтаксис. Умом Россию не понять? Смотри грамматику.

Беседа восьмая

О проекте русско-индийского арт-ашрама «Мастер»

С.С.: Давай поговорим о проекте нашего арт-ашрама. Как мы себе это представляем. Это программа восстановления корневой системы человеческой жизни, связи с ее основой, во многом утраченной. Одно из центральных понятий индийского опыта – парампара, тончайшая взаимосвязь всех вещей. Осознание и восстановление этой парампары для России – тема первостепенная. Энергетический потенциал и человека, сколь бы ни был он одарен, и нации в целом не работают, если нарушена, ослаблена, прервана эта связь, в особенности с изначальными, корневыми слоями.

С.А.: Ветер дует, и отрываются, улетают листья.

Одна из общих культурных проблем – раздробленность. Нет объединяющего камертона. Отсюда голод, разные виды голода. Развитие индивидуальности необходимо, но этот период рано или поздно заканчивается, и тот, кто заикливается на этом, впадают в различные неврозы, депрессии, типичные для мыслящего человека. Чем является такая депрессия? Это сигнал об определенном паттерне, о перекрестной точке, которую нужно перешагнуть.

Индия – это как раз та культура, которая основывается на колоссальном коллективном опыте трансформации ограниченного индивидуального в универсальное.

То есть выхода к вневременному состоянию мастера – мастера жизни, который одновременно и мудрец, и шаман, и йогин, и ребенок. И человек, который, проживая это фантастическое путешествие, делится им с другим.

С.С.: Два вопроса: почему именно Индия, а не, скажем, Иран, Иерусалим или Кения?

С.А.: Здесь несколько причин...

С.С.: Я хотел бы вернуть тебя к вчерашнему разговору, когда ты сказал о некоем пороге, на котором остановилось мусульманство и христианство. Мы говорили о демонах, о страхах, которые мы проецируем, и о связанных с этим табу. О том, что эти идолы играют в Индии совершенно не ту роль, которая представлялась, например, Афанасию Никитину, о котором у нас вчера был разговор. Когда он хватался за голову и ежевечерне молил Господа спасти его от этой нечисти, от этого кошмара, от этих семипалых и пятиголовых монстров, которые окружали его.

С.А.: Страх – эмоциональная имитация сильной гравитации. Гравитация и есть страх. Закрепощение энергии. Форма диктатуры, ведущая к несвободе. Творческая метафизика заключается в высвобождении энергии. Страх показывает – где ты есть в твоём путешествии. Вспомните историю о пяти слонах и слепце. Мастер, то есть видящий, способен трансформировать энергию рабства, гравитации в энергию вакуума, свободы. Демоны – это провокативные феномены психики. Пугая, они, как красные лампочки, сигналият о наших паттернах, о застое, о необходимости преодоления, трансформации. Такова суть богини Кали, меняющей свои обличья. Человек – это живая мандала, движущаяся и говорящая тантра Вселенной.

С.С.: Об освобождении гравитации от чего мы говорим? От эго?

С.А.: Самая тяжелая форма эгоизма – коллективная. В советском обществе учили, что эгоизм – явление индивидуальное. На самом деле, он был заменен монстром коллективного эгоизма. Это тяжелейшая форма, потому что нет осознания эго.

С.С.: Скажем шире: любой формы коллективный эгоизм, будь то демократия, аристократия или любая ...кратия. И делая шаг дальше, как это кошунственно для европейского сознания бы ни звучало, любые культурные формы зависимости, которые носят уже характер гравитационных форм.

С.А.: Не только. Например, западная культурная ситуация выглядит примерно так: гротескно-откровенный, голый вампиризм, и искусство давно превратилось в мясо, обслуживающее рынок. И давно, по крайней мере лет семьдесят, контролируется рынком, свободным от чувства прекрасного.

С.С.: Тогда для рядового сознания возникает вопрос: когда происходит такой тотальный процесс освобождения от какого бы то ни было рода зависимости, или гравитации, тогда человек либо превращается в варвара и передоверяет себя тотальной анархии, хаосу, что вряд ли так, мы ведь не об этом говорим? Должен быть некий стержень или некая точка отсчета, которые бы все-таки регулировали...

С.А.: Внутренний центр. Проблема не в том, что нет центра, проблема в том, что этот центр не сознается, не проживается. Возникает процесс распада, депрессия, ощущение бессмысленности существования.

С.С.: Говоря в категориях стихий, нет огня...

С.А.: ...необходимого для трансформации. Огонь – творческая стихия. Поэтому на мифологическом уровне в западной цивилизации он ассоциируется с Прометеем.

С.С.: О каких основах, возвращаясь к проекту ашрама, о каких первоочередных восстановительных работах идет речь?

С.А.: Во-первых, для творческого человека, особенно для творческого человека из городских катакомб или имеющего связи с природой на уровне дачи в Подмосковье, очень важно наконец покинуть известное поле и отправиться в это путешествие наружу-внутри. Которое, с одной стороны, практически покажет, где ты на самом деле, что ты на самом деле знаешь, что ты на самом деле умеешь без этого привычного искусственного антуража, привычных взаимосвязей. А с другой стороны, получить реальную подпитку со стороны этого мощного культурного поля, ауры, поля, которое, не делая из него опереточного индуса, реально помогает любому человеку пройти его собственный путь, стать мастером и быть способным делиться с миром, не выплевывая личные проблемы или личные представления о тысячах вещей, но, будучи инициированным океаническим, универсальным уровнем существования, помочь тем, кто еще в пути, на подходе.

С.С.: Это поле ощутимо по всей Индии, но есть точки его крайней интенсивности. Место, выбранное для создания арт-ашрама, находится, если говорить фигурально, в третьем глазе Индии, в предгорьях Гималаев, буквально в двухстах метрах от поселения йогинев Лакшман-Джула, за которым уже простираются джунгли и Гималаи вплоть до первой капли Ганга, до его истока.

С.А.: По другую сторону – Непал. И Китай.

С.С.: Место ашрама – на левом берегу Ганга, буквально в двадцати-тридцати метрах от реки. Земля заповедника Раджаджи. Павлины, змеи, слоны, леопарды, медведи – такая же будничная для взгляда жизнь, как и деревья, трава, цветы... С другой стороны, в пяти минутах – базар. И совершенно другая, бурная, термитная жизнь. Ты делаешь пятьдесят шагов от этого термитника – и попадаешь в мир абсолютной тишины и медитации. Эту землю взял в аренду для ашрама человек, о котором я хотел бы, чтоб ты сказал несколько слов.

С.А.: Доктор Вишнудас. По происхождению он из Кералы. Индия – это невероятный конгломерат, этнический, языковой... Доктор Вишнудас имел этот спонтанный импульс пройти по позвоночнику Индии к ее макушке, движение он начал снизу, из Кералы. Он родился в семье богатого, чрезвычайно меркантильного доктора, мастера Аюрведы, имеющего огромную клинику в Керале. У доктора Вишнудаса была ностальгия по Гималаям, еще и по причине его глубокой вовлеченности в целительский процесс Аюрведы, – это была одна из мотиваций, почему он оказался здесь. Оказавшись в этом исконном краю духовного странничества, простирающемся от Харидвара до границ Китая, в краю свободных поселений садху и баба, где основная форма коллективной жизни – это ашрам, обитель, он начал думать о создании некоего аюрведического ашрама. С определенным строем, аурой, с определенными садханами, йогическими практиками. То есть создание многомерного пространства, куда входило бы в том числе и обучение внешним искусствам – Васту – индийского фэн-шуй, искусства музыки, танца, искусства концентрации и единства субъекта-объекта. Доктор очень открытый человек, готовый к любому творческому участию...

С.С.: В свое время он учился в Москве. Теперь его ученики в Канаде, Африке, по всему свету. В нем нет тщеславной экспансии, он охотно делится всем, что имеет, этой землей, например, у Ганга, если дело и люди ему созвучны и стоят на пути творческих приращений. Как это было с нашей идеей арт-ашрама. Он тут же предложил нам и землю, и помощь. Безвозмездно.

С.А.: Этот участок земли достаточно обширен, около 30 акров.

С.С.: Да, вплоть до водопада, к которому мы ходили, нетронутые, девственные джунгли, и вот на том лоскуте земли, где мы сидели и разговаривали, прилегающем к Гангу, – манговый сад, террасами сходящий к реке, – вот там он хотел создать некое поселение, которое своими строительными составляющими не нарушало бы природный баланс.

С.А.: Никакого пластика, никакого бетона, – природные материалы, древесина, в глину добавляются аюрведические смеси трав, которые очищают и оказывают целебное воздействие. Источник света – природный. Солнечные батареи.

С.С.: И это не только экология отношений человека и природы, но и прохождение этого опыта прозрачности и гармонии, и целебное воздействие на человека из городской среды, который селится на этот период в этой местности. И восстановление изначальных взаимосвязей с теми первоэлементами – с огнем, со священной водой Ганга...

С.А.: Ты вовлечен в изначальный процесс проживания природных циклов, ты становишься его частью, прикасаясь к самым элементарным, вневременным, архетипическим процессам.

С.С.: В центре будет выстроен некий медитативный холл, центральное здание ашрама, где будут происходить встречи и занятия. Давай попробуем немного коснуться этого момента.

С.А.: Со стороны доктора может быть создана здоровая среда, затем, независимо от интересов, некая общая программа, приобщающая к медитативному опыту, и опыту происходящего. В том числе аюрведическая оценка состояния тела, психики, которые доктор определяет по пульсу – вы сами свидетели, насколько быстро с помощью простых средств можно получить довольно глубокую картину внутренней ситуации человека.

С.С.: Да, на собственном опыте. В течение полуминуты, взяв в руки запястье, им была считана и озвучена карта не только физического состояния, но и сделан психофизический портрет, поразительно точный, – не только неких искривлений и аномалий, а...

С.А.: ...архетипический тип личности. Это может быть открыто и доступно опыту любого принявшего участие. С другой стороны, открыто пространство для собственных специфических программ.

С.С.: С третьей стороны, есть некие фундаментальные вещи, необходимые так же, как утренняя гигиена, только в отношении культуры, – это ведические основы, это йога, это прогулки по джунглям, это музыкальные встречи, причем доктор настроен не на поверхностное музицирование, а на изучение природы музыки, сакральные основы.

С.А.: Которые исцеляют и которыми можно убить.

Это и визуальные практики – на глубинном уровне: как работают структура и цвет, на всех уровнях, от грубой физики до тончайших психологических ступеней.

Плюс здесь поле для различных дополнительных экспериментов. Это могут быть особые опыты натуры, культуры, встречи с баба, поездки в уникальные регионы и т.д.

С.С.: Да, по отношению к тем формам творческих сообществ, которые мы знаем, все это дальше Марса и ближе сердца.

Но помимо среды обитания, есть еще и некая программа, в которой я вижу тебя в роли некого проводника... Собственно, твоя жизнь, твой опыт и есть этот путь: от России – через Западную Европу – в Индию. И не переход, как ты говоришь, не смена ноги, а возвращение к Истоку.

С.А.: Исход-возвращение, возвращение в цикл. Индия и есть этот исток, возвращение к цели путешествия, начало его и конец. Особенно Гималаи. Не абстрактная, а реальная, живущая в памяти наших клеток колыбель нашей истории, жизни. Если ты оказался здесь не как тикетированный турист или как оболваненный оккультист, ты чувствуешь это возвращение домой.

С.С.: Уже перечисленное с лихвой погружает в мощное энергетическое поле. Среда единения этого дробно мерцающего существа, называемого человеком, в единое свечение. Но есть и специальная программа, которая, как мне представляется, будет иметь две ветви, или две ступени: одна, вероятно, общего, метафизического свойства, развернутая к внутреннему единству человека, к бытийным его основам, и другая – художническая. Хотя это довольно искусственное разделение.

С.А.: Искусство – это форма. Форма восприятия и выражения. На самом деле это не параллельная жизнь. Это форма передачи трансмиссии прозрения, просветления, трансформации. Поэтому многие художники заняты инструментом, забыв, для чего он

существует, в чем же задача этого инструмента, что он обслуживает. Поэтому очень важно вспомнить и восстановить целостность существования искусства как формы, языка.

С.С.: Как бы это жестко ни прозвучало, тем не менее, в большинстве случаев сколь бы талантлив ни был художник, зачастую в очень существенной мере он обращается с материалом на уровне невежественном, вероломном. Вероломном, потому что нужно войти в некое изначальное единство с этим материалом. Есть такая гностическая версия сотворения мира, где каждая сущность могла произвести по любви и только по любви, по взаимной вибрации, подобную себе сущность и тем самым расширить пространство Вселенной. И если этот закон нарушался, рождался выблядок. И вот таким выблядком, по одной из гностических версий, является наша Земля. София, не войдя в эту изначальную вибрацию любви, понимания и единства, породила мир. И этот мир, уже ущербный изначальности, порождал в дальнейшем, по нисходящей, в еще большей степени ущербные миры. И смыслом человеческой жизни и сущностей, обитающих на Земле, является восстановление этой связи, восхождение по цепочке, восстановление звеньев, а «гармония» с греческого – это и есть «скреп», ты скрепляешь звенья цепи, а чем ты скрепляешь? – собой.

И у художника не только с материалом – это просто иллюстративно-зримо: с краской, с цветом, со звуком, – нет того глубинного изначального единства, понимания, и испрашивания – сродни молитве – разрешения у материала... Старые мастера шли за тридевять – рыть пигмент, вынашивать краску – свою, в своей ладони, растить, как дитя, духотворить ее, прежде чем наносить на холст. Дух не «материал» Бога. Каждое слово должно быть этим «своим дитя», по образу и подобию, а не взятым из общей ямы и встроенным в вереницу таких же серийных клише. Об этом даже говорить стыдно как о достоинстве. Но кто так видит? Глаз ребенка, пока не заплыл от езды на телеге. Жизнь так пишет, но это сознанием не удержать, не сойдя с ума, не лишившись чувств.

С.А.: Самая большая профанация происходит на поле слова.

С.С.: Мы используем материал через голову и поверх того пути, внутреннего, не пройденного нами, – отсюда и результат, который внешне может быть эффектным, привлекательным, но внутренняя его червоточина глеет, как торф.

С.А.: Отсюда нет реального, глубокого удовлетворения, с одной стороны, а с другой – эти вещи обречены. Эти вещи обречены на самом грубом, физическом плане. Яркий тому пример – визуальное искусство. Нынешний, в особенности, западный художник лишен опыта инициации в мистику материала, в его алхимию, и материал мстит. Современные реставраторы в основном заняты живописью, начиная с импрессионистов – т.е. с того времени, когда люди были заняты идеологией. Или материал литературы – слово. Многие ли посвящены – в звук, в мантру, в глубинную жизнь языка?

Время возвращения искусства домой, к своим корням, после блужданий по рынкам времени. Во время этих блужданий художник проходит три основных стадии: *pashu* – социальное животное, наполненное туманом, инерцией и ограниченное личными и коллективными привычками; *vira* – герой, *sadhak*, ученик, ставший на путь трансформации яда существования в блаженство существования; *divya* – гаттвическое, спонтанное, свободное от двойственностей и усилий существо, обретшее *Satyam* – *Shivam* – *Sundaram* (*Satyam* – истина, реальность; *Shivam* – абсолютная самодостаточность и милосердие, т.е. *Shiva* – the Great Giver, тот, кто не потребляет, но дает, т.е. Бог; *Sundaram* – красота как тело, и свидетельство опыта целостности, истины).

Любой человек находится на той или иной стадии своего жизненного путешествия в виде *pashu*, *vira*, *divya*. Или между ними. Или, подобно *mahapashu*, еще до них. Но эти стадии касаются в основном более простой мужской натуры. Что касается женщин,

существ более сложных, то для описания их смущающего разум путешествия требуются образы десяти махавидий (от Кали до Лакшми) и непрерывно сотворяющих, разрушающих и освобождающих эти и другие миры шестидесяти четырех йогинь (64 поля шахмат – эквивалента «Книги Перемен», также имеющей 64 гексаграммы, и т.д.).

Существует колоссальный опыт, накопленный йогической культурой. И универсальные техники раскрытия индивидуальной природы человека. Особые техники развития, углубления, утончения восприятия и выражения. Это было бы уникальной возможностью – пройти эти опыты, эти этапы погружения в мистирию элементов...

С.С.: ... в раствор мира, в этот изначальный замес. Это могли бы быть отдельные дисциплины работы с цветом, светом, звуком...

С.А.: Катастрофически слабое видение звука. Звук, даже талантливый, – половинчат, лишен поддержки мощи образа. С другой стороны, я знаю художников, у которых атрофирована способность слышания образа.

С.С.: Где у цвета нога, а где у него ухо.

С.А.: Да, и какой звук у этого цвета.

С.С.: Иначе эта связь односторонняя, т.е. вероломная. Художника по отношению к творенью, творенья – к читателю/зрителю. Собственно, человека – к жизни.

Есть французская поговорка «Без семи домашних». Если у человека нет этих первых семи лет прорастания из дома в мир, их уже не восполнишь; ветвь с надломленной связью с деревом – либо сук, либо долгий болезненный путь воскрешенья. Без семи может быть и народ, и культура.

Возвращаясь к разговору о дхуни, об огне, – каждый цвет, звук и их взаимоотношения носят характер такого личного огня – личного не в том плане, что он присвоен, а в смысле обратной связи: он тебя узнает.

С.А.: Он проводник. Он тебе помогает развить внутренний трансформационный огонь, который и является основным уникальным инструментом, или путем, алхимической трансформации. Это также могло бы быть отдельным семинаром.

С.С.: Также стрельба из лука...

С.А.: Это колоссальное значение имеет для писателей, т.е. людей, связанных с материей слова. Осмысливанием является мантра, живая вибрация, заключенная – в самом прямом, почти юридическом смысле – в написанном слове, которое является клеткой, тюрьмой, рамкой, ухватывающей эту подвижную энергию, вибрацию мантры. Мы магическим образом переносим, фиксируем при помощи символов на бумаге, переводя это в знак. Но природа этого слова – в данном случае, уже напечатанного, записанного на бумаге и т.д. – природа его остается мантрической, т.е. вибрационной. И литератор должен быть в это посвящен – если он вообще претендует быть мастером данной мистерии – слова.

Он должен быть инициирован в магию вибрации, в мантру. Иначе это просто более или менее талантливая игра-манипуляция с формами и с полупонятыми, полуинстинктивными значениями слов и т.д. Они очень далеки от переживания мантры, они ориентированы сразу на смысл. Во многом современная литература носит даже не смысловой, а символический характер. Происходит полная кастрация подлинной природы слова.

С.С.: А кроме того, материал по преимуществу серийный, прирученный, готовый и иллюстративный.

С.А.: Да-да-да, т.е. принцип тот же, каким пользуются, например, современные диск-жокеи, которые не иницированы звуком, не производят, не переживают его – они оперируют готовыми матрицами. То же самое делает современная литература. Она оперирует готовыми формами, слегка по-разному их выстраивая. Без малейшей инициации, без малейшего проникновения, чувства материала и т.д.

С.С.: Ни сюжет, ни содержание не существенны, писали полторы тысячи лет назад индусы. Не идея и не сюжет (идеи сочтены, сюжеты известны), – а стиль, работа со словом, собственно письмо. Большинство хрестоматийных романов оставлены неоконченными с точки зрения содержания именно по той причине, что содержание второстепенно. Вещь кончается там, где завершается ее форма, где исчерпывается письмо. То есть то, к чему мы пришли в понимании задач и смысла искусства лишь вчера, там было разумеющимся и непреложным изначально.

С.А.: Это вещи, которым творческие люди должны, преодолев высокомерие, учиться почти с азав. Этим вневременным универсальным прописным истинам творчества. И попытаться быть иницированными – т.е. реально получить эту интимную связь с элементами, с вибрацией материи.

С.С.: Это как пару дней назад я узнал новость, которая меня очень обрадовала и поддержала: в Индии, оказывается, запрещено покупать и продавать диких животных. Если ты хочешь получить опыт встречи – вот первозданные джунгли, и вот ты, голый, наедине с таким же голым миром. В этом смысле то, о чем ты говоришь, – об опытах с цветом, звуком, речью, – это такой же первозданный опыт. Нет зоопарка слов и прирученных звуков.

Мало владеть языком. Если язык не владеет тобой, лучшее, на что можно рассчитывать, – произвол. Об этом знали гностики, описывая космогонию начала мира. Филология это прежде всего *любовь* к слову. Любовь, а не знание. Точнее, потому и знание, что в основе его любовь. И любовь не умозрительная, а охваченная эросом, тактильная, термотактильная, – так змея видит не глазом, а брюхом, кожей.

И стрельба из лука, которая звучит для нашего уха несколько экзотично, – но тем не менее, это не такие простые и безобидные вещи. Встреча с диким цветом или звуком, как и встреча с диким слоном в джунглях, – не такая уж безобидная и безопасная вещь. Или, скажем, упражнение в стрельбе из лука...

С.А.: Стрельба из лука дает не абстрактный, а физический, чувственный опыт настройки на объект, на цель, воспитание способности к концентрации, к фокусу. Это преодоление искусственной, воображаемой дуальности и переживание оргазмического опыта единства цели и средств. Ведущая к чувству счастья – безо всякой причины, просто потому, что преодолена эта вызывающая голод разорванность, отделенность.

С.С.: «Ведь и Атман бессилен перед причиной счастья», – говорят Упанишады. Того счастья, которое, как ты говорил, так трудно дается западному сознанию, – счастья, которое является чувством высочайшего наслаждения и свободы, не имеющим своим последствием похмелье.

С.А.: Единственное, чем мы платим за эту свободу, – собственная ограниченность, собственное невежество и различные формы эго. Это единственная плата, и это не совсем справедливо. Мы платим дерьмом за рай.

С.С.: Этот парадокс я испытал три года назад, когда Прамот давал мне первичные уроки йоги. На первом уроке дыхания он говорил: вдыхаем Бога, выдыхаем эго. Это противоречие не давало мне покоя. Да напротив, все лучшее, что есть во мне, если оно есть, нужно отдать, дать в выдохе.

С.А.: Это произойдет тоже. Есть свои логические этапы. А чем делиться, если ты не обладаешь счастьем? Чем может поделиться один голодный с другим голодным? Ты должен иметь нечто, чтобы делиться. И поэтому на одном этапе дыхательная техника может иметь эту форму, на следующем – будет мантра, стимулирующая единство. Мы не осознаем наше дыхание. То есть жизнь. Поэтому одна из простейших древнейших техник – это медитация на звуке дыхания, на этой врожденной мантре.

Беседа девятая

О календарях, об иранском принце, кшатриях, Рамакришне и кобре, о четках времени, о донорах индустрии, о мессидже Индии

С.А.: Они не идут до конца. Проблема в том, что они создают нелепые календари, объявляя некую весьма относительную дату началом – времени, истины, тем самым отрезая себя, от баньяна реальной энергетической вселенной.

С.С.: Сегодня первое января, мы сидим в поезде Харидвар – Ченнаи (Мадрас), и вокруг совершенно спокойная жизнь, нет той новогодней одержимости – завершенности некоего цикла и начала следующего, нет Нового года с упованиями на него, потому что времени нет в Индии, или их много – времен: либо нет календаря, либо их по меньшей мере пять. И в этом заключается какая-то совершенно детская истина и правда, потому что отсчитывать время от чего бы то ни было – это значит заканчивать свое собственное существование.

С.А.: Поэтому индийский календарь основывается не на фиксированных отрезках времени, скажем, Рождество Христово и т.д. – это связано с ритмами, с циклами, которые продолжаются и продолжают, у них нет начала. Индийский календарь является неким музыкальным камертоном, который помогает не утрачивать людям связь с Землей, Луной, Солнцем, планетарными и галактическими циклами.

С.С.: Индусы писали число вероятных миров во Вселенной вереницей нолей: 4 млн 456 тыс. и сколько-то там еще нулей – согласно законам Ману. Ноль по-арабски – сифр. Отсюда – «цифра». Арабы сжулили ноль у индусов, которые придумали его около 1,5 тыс. лет назад. Зачем придумали? И почему индусы? Пришли арабы с семипалым счетом, видят – сидят индусы в лотосе, во рту – соломинки, и, наученные Верджунной, выдувают мыльные нолики миров.

Вчера мы встретили с тобой совершенно удивительную, статную, уходящую за два метра куда-то глубоко вверх и в синеву фигуру, которую, казалось, если не опустить взгляд книзу, везли народы на каком-то постаменте и котурнах, изысканно заплетенная на голове чалма, и взмывший, как утренний жаворонок в небо, позвоночник, и царственная походка, и одежды, – но взгляд медленно опускался книзу и находил завершение этой царственной особы – обычные пятидолларовые матерчатые кроссовки. Этот принц – мы не исключаем, что он династических кровей, – вынужден был по социальным причинам оставить Иран, и сейчас преподает на границе с Пакистаном в Пенджабе в привилегированном колледже для иностранцев – и вот тут надо сделать небольшую паузу, совершенная неожиданность, – футбол. И когда мы разговорились с ним в кафе и впоследствии зашли к тебе на чай, оказалось, что этот же принц-футболист, иранец, – с жадностью переводит Хлебникова. С какого на какой? С английского на фарси. Вот такой удивительный фьюжн, который, конечно, можно встретить где угодно, но здесь, в Индии, в Лакшман-Джуле, это в порядке вещей.

Перед тем как разносили обед, ты начал говорить, что эпос Махабхарата возник в эпоху глубокой деградации арийского сообщества, в эпоху сдвига ее парампары в сторону асурийской культуры...

С.А.: Да, – это продукт уже военной культуры. Правда, образовалось и другое воинство, как реакция на эту экспансию. Это брахманическое воинство, которое защищало от амбиций, агрессии, эгоизма арийское поле, основанное на мирном сосуществовании всех форм жизни.

С.С.: Но и они были вынуждены вступить в конфликт...

С.А.: Поскольку ты не можешь воевать, если в тебе нет гнева. Кшатрии могли употреблять мясо – потому что это главный источник конфликта, агрессии. Сикхи по сей день едят куриное мясо. К примеру, одной из главных причин завоевания исламом Индии является то, что ислам появляется в момент расцвета буддизма – когда огромная часть мужского населения в Индии оказалась монахами, не прикасавшимися ни к женщинам, ни к оружию. И общество не способно было себя защитить от вторжения, оно оказалось беспомощным. Это нормальный парадокс жизни.

Точно так же, как парадокс Махатмы Ганди – одной и той же политикой он добился колоссального успеха в игре с британцами, и эта же самая политика спровоцировала мусульман на индийский геноцид. Политика ненасилия спровоцировала еще большее насилие. Потому что важен баланс. Баланс между «да» и «нет», баланс между поцелуем и пощечиной. Как в истории Рамакришны, который, совершая паломничество, проходил через одну деревню, и жители этой деревни его предупреждали: не иди через то поле, там живет агрессивная, страшная королевская кобра, которая перекусила многих людей. Садху как бы и не слышал этого предупреждения, именно через это поле он и направился. И на самом деле, он наткнулся на змею, она стала на его пути в угрожающей позе. Не моргнув глазом, садху сказал: ты кто такая? кто тебе дал право отнимать жизнь? разве ты давала кому-нибудь жизнь? ты не знаешь, какой страшный грех ты совершаешь, тебе придется за него расплачиваться. Кобра оказалась настолько шокирована таким простым откровением истины, что тут же попросила прощения у садху, у Творца, за то, что она делала по своему невежеству.

С.С.: Это была продвинутая кобра.

С.А.: Да, способная слышать... Своей природе она, правда, не изменила – она не превратилась мгновенно в бабочку... Садху не остановился, он был занят своей историей, своим путешествием. Через некоторое время он проходил по этому же полю и увидел людей, которые молотили нечто в траве. Подойдя ближе, он увидел там эту кобру – еле живую. Люди разбежались, увидев садху, и он спросил у нее: что с тобой случилось? как ты себя довела до этого состояния? как ты это допустила? Она сказала: учитель, я глубоко восприняла твоё учение, после того дня я перестала трогать людей, и они потеряли не только страх, но и уважение ко мне, теперь они мстят мне, и лучше бы они меня убили, чем они меня так мучат... Садху сказал: но ты права, ты права, что поняла учение как положено – я тебе сказал: не убивай, не отнимай жизнь, – но разве я говорил тебе: не шипи?

С.С.: Давай вернемся к началу разговора. Допустим, есть некая парампара Китая, Ирана, России, Индии и т.д. Как есть левая рука с предначертанным тебе, и есть правая с проступающей судьбой. И все эти линии отдельных парампар, допустим, составляют некий единый узор – парампары Земли.

Ты говоришь о естественном пути к формированию индивидуальности, и затем о преодолении эго на пути к единому, универсальному. Допустим, то же применимо и к парампарам сообществ. И тогда опыт западной культуры можно представить как драгоценный опыт роста индивидуации, личности, частной жизни. В этом смысле, у Индии такого опыта, как, скажем, у Швеции, нет.

С.А.: Но нужен ли он?

С.С.: Это вопрос.

С.А.: Ориент – это по-русски исток, ист, движение к истоку. Европейцы ориентированы на будущее. Хотя это довольно иронично, потому что будущее – это прошлое. Это долгое путешествие к той точке, которая условно названа прошлым. Это не прошлое, это центр. На самом деле речь идет о возвращении, в буквальном смысле библейской притчи о блудном сыне. Смысл всей драмы энергии: покинуть дом – и вернуться домой. Потерять – и найти. Даже если вещь не потеряна, а условились, что она потеряна. Но дети, заигрываясь, забывают о том, что они условились. Там настоящие слезы, настоящие драмы и т.д. Точно так же жизненные цели – этот жизненный голод обуславливается недоразумением, тем, что дети забыли о том, что на самом деле ничего не потеряно.

На самом деле ничего не потеряно. Это всегда с тобой. Это ты.

В этом тоже особенность Индии. Зачем менять? они и так происходят. Зачем пытаться быть современным? Текст о Гильгамеше будет *сейчас*. В этом мессидж Индии: всё есть сейчас. Жизнь – это невероятные четки из моментов *сейчас*. Но это сейчас состоит из предыдущих сейчас.

С.С.: Западная традиция – произведение неких новых...

С.А.: Что может произвести невежественный человек, который не знает смысла и задач существования?..

С.С.: Хорошо, не будем брать крайности. Возьмем вежественного человека, Вермеера, например, Джотто...

С.А.: Не-не-не, я имею в виду науку, я имею в виду индустрию, которая производит, производит и производит. Человек убывает прямо пропорционально этому росту. Изобрел электричество, а посмотри на жалчайшее энергетическое состояние, в котором он находится. Человек стал донором этого молоха индустрии. Потеря внутренних сил, потеря самостоятельности. В индийской культуре высший хай-тек – йога. Посмотри в глаза индийца, живущего на берегу Ганга, и посмотри в глаза гамбургского миллионера. В Европе днем с огнем уже найти признаки человека. Тотальная атрофия жизни. От Запада остается лишь блестящая упаковка. В которой роятся голодные дворняги из Восточной Европы...

С.С.: Ты рассказывал, что когда к тебе приехала дочь и ей нужно было после элитарной школы в Гамбурге продолжить учиться в средней школе здесь, почти в деревне. Разница в уровнях образования оказалась... в три класса. То есть из шестого класса гамбургской школы она перешла в третий индийской. В этом смысле вульгарная, школьная интерпретация развития истории человечества от каменных джунглей до нашего высокого неба с точностью до наоборот переворачивается.

С.А.: Неандерталец существовал в параллельной истории, это не наш предок... Я помню с детства, где-то в «Крокодиле» прочитал забавный анекдот, как бы французский: на уроке богословия, на котором учитель рассказывает о сотворении мира, поднимается ученик и говорит: а мои папа и мама говорят, что мы произошли от обезьяны. Учитель отвечает: это очень любопытно, но в данном случае нас не интересует история вашей семьи. Уровень существования любого феномена транслогичен, метафизичен. Здесь нормально действующая логика не то что беспомощна, она не нужна.

С.С.: Казалось бы, такие простые вещи – дай только уму независимо и ясно взглянуть на то, что уже как дважды два. Но почему-то четверку мало кто видит. Впечатление, будто семиголовые интеллектуалы сидят в одном классе и прилежно списывают друг у друга.

Мало быть просто талантливым или эрудированным человеком. Чтобы лупой прожечь точку – нужно еще найти точное расстояние от источника света до предмета. Внутренняя калибровка, которой лишены многие интеллектуалы...

С.А.: С одной стороны, отсутствие опыта концентрации ясного сознания на предмете, с другой – некая несчастная тенденция быть фальшиво настроенным. Нет тюнинга.

С.С.: Сегодня, кажется, уже и Сальери невозможен. Он хоть способен был разглядеть Моцарта. А в наши дни каждый воткнул в себя, как топор в доску.

С.А.: Индия в этом смысле всегда была источником альтернативы – что и вызывает определенное неудобство со стороны мирового истеблишмента. Индия в сегодняшнем мире – своего рода садху, напоминающий: эй! не забудь, кто ты. Ты даже не человек, ты – свободный дух. Ты свободно путешествующий дух, который по ходу своего паломничества посетил эту планету.

Беседа десятая

О тестостероне, исламе, разрухе национальных парампар, о внутренней силе и женщинах на невидимом поле

С.А.: Продолжим иранскую тему, потому что в этом есть и своя историческая логика – этапов развития общеевропейского культурного процесса.

С.С.: Зороастризм – это Иран, Ирак...

С.А.: Маздья, оригинальное название – «Маздья», «Мазда». Русское слово «мзда», добро. «Ахура», или «Асура», означает «мощный».

С.С.: Имеет ли это отношение к тому, о чем ты начал говорить, – что направление движения и формирование иранской культуры, имевшее своей точкой становления асурскую цивилизацию, и в этом смысле некоторый дисбаланс...

С.А.: Это солнце эго, жгучее. Активное солнечное сплетение, амбиции власти. У любого политика всегда очень сильное солнечное сплетение. Драма Ирана в переориентации от органичного источника энергии, который изначально был связан с востоком, причем с востоком не в плане политэкономической географии, а как реальным истоком праны, этой тончайшей жизненной энергии, транспортируемой воздухом и атмосферой Земли, потоком космического ветра. Восток – исток праны. Так вращается Земля. И так движется прана – с востока на запад и с севера на юг. Иран был ориентирован на восток. Но в результате разворота внимания к Средиземноморью многое изменилось и в плане энергетической ориентации. Особенно с приходом ислама. Этот молодой голодный пассионарный ислам завершил переориентацию целого региона с востока – энергетически – на Иерусалим. То есть вся психофизика региона вместе с его корневой системой, мифологией и пр. была вывернута в сторону этого нового энергетического центра. Кто владеет Иерусалимом, владеет миром.

И Иран оказался вовлеченным в эту свару за контроль над Иерусалимом. Это схватка между тремя известными мировыми религиями, садомазохистское семейное безобразие, свара более чем братьев. В основе которой лежит слепая ревность, слепая жажда реванша и зависть. Различия между арабами и евреями сильно преувеличены. Во всяком случае на ранней стадии формирования этносов. Мухаммед рос в мире ветхозаветных и раннехристианских историй, и, будучи инициирован в их мир своими друзьями иудеями и христианами, однажды испытал тот мистический прорыв, когда, как известно, перевернув котел с кипящей водой, успел в эти секунды совершить свое путешествие до Аллаха и обратно. И став пророком, Мухаммед наивно обратился к иудейской купеческой общине с просьбой помочь его мессианской деятельности. И повторилась та же история, что с Иисусом. Иудейская община отказалась признать его мессией, и отказалась помочь ему экономически. Всё. Начало конфликта, который тянется по сей день, едва ли помня свое начало. Плюс борьба за Иерусалим. Город мира. И Иран оказался вовлеченным в эту игру, и будучи вегетарианской культурой – зороастрийское пространство оказалось вовлечено в чуждые ему культы иудаистско-христианско-исламского круга, с кровавыми жертвоприношениями животных и т.д., в результате полностью изменилась национальная химия. Национальная агрессия стала расти как на дрожжах. В итоге мы видим ярко выраженный садомазохистский характер иранского менталитета.

С.С.: Что отразилось и на демографии.

С.А.: Безусловно. Память практически стерта, вырвана, сожжена. А это значит, что она не работает. Самое важное – основа энергетически-космической парампары, оказалась уничтоженной, ампутированной.

С.С.: Если ствол вынут, – ветки валяются...

С.А.: Как исчезли империи – без следа. И одной из причин была ампутация, отделенность от дерева жизни, баньяна.

С.С.: И Иран оказался в плену ложного представления о собственной парампаре, развернувшись на 180 градусов...

С.А.: Не просто ложного – Иран утратил его и отождествил себя с новой игрой, с новыми ценностями, которые не плохи и не хороши – они просто неорганичны для этого этноса. И отсюда это ощущение срыва, дисгармонии, что порождает агрессию.

С.С.: Повышенная агрессия, в свою очередь повышая тестостерон, порождает этот чудовищный перекос...

С.А.: Демографический, в том числе, – рождается все больше мальчиков. Ислам был принят регионом с повышенным уровнем тестостерона. По причине чисто гормональной ситуации. Естественно, когда присутствует этот демографический дисбаланс между мужским и женским, это автоматически порождает агрессию, попытку компенсации этого дисбаланса путем захвата. Захвата женщин, захвата другой страны, захвата власти. Посмотрите на все эти движения – например, монголо-татарского захвата – они были маскулинными. Сотни тысяч мужчин двинулись на запад. Завоевая территории женщин, создавая новые этносы, создавая этот гормональный тигль. Во многих регионах просто не хватает женщин. Миллионы молодых мужчин не имеют шанса на подругу, на жену. Естественно, это порождает колоссальный стресс, колоссальное напряжение. А если нет культуры сублимации, это, естественно, вырывается в форме агрессии.

Индия обладает этим мастерством – сублимировать различные виды энергии. В том числе, энергии отклонения. Например, гомосексуальная культура в Индии давно приобрела культовый статус и имеет свое религиозное движение, символы, ценности и т.д. И вместо известной напряженной игры на Западе, здесь это одна из норм жизни. Не норма, а одна из норм. В Индии нет никаких догм, единственного пути для всех. Несмотря на отсутствие этих догм, единство существует без всякой религиозной демагогии и пропаганды, насильного унифицирования и т.д. – это единство изнутри.

С.С.: Да, по поводу норм. Кажется, этих норм здесь больше, чем слов, способных их описать. Вот из недавних.

Входим мы с Зоей в поезд, это в Бихаре было, не из самых благополучных штатов. Плацкарта, обычный вагон, женщины, семьи, дети, разноцветных табор – еды, вещей, голосов, ветер в открытые окна.

В нашем купе четверо: двое напротив и двое на боковой, за проходом. Напротив меня, у окна, увалень: брюки, рубаха навыпуск, голова обвязана шарфом, лицо – звериная женоподобная мощь. Странновато звучит. Но так. Бос. Белые носки. Держится свободно, хозяин. Чуть тесновато ему в этой клетке. Взгляд прямой, в упор. Неважно, в глаза ли, в стол, в окно. Запястье правой руки в наручнике, завинченном болтами. Цепь от наручника – тяжелая, слоночья, блуждает по полке кольцами, петлями, ползет, конца не видно, уходит за спину того, второго.

Второй – напротив Зои, у прохода. Молодой, subtilный, в офицерской форме. Сидит, опершись на ружье, подремывает, руки соскальзывают вниз по дулу. Встряхивается,

озирается с чуть виноватой улыбкой. *Хозяин* что-то ему бросает кратко через плечо. Тот расплывается благодарно. А-чча, – говорит, покачивая головой, посмеиваясь в расстегнутый ворот. Лицо энтээровца пятидесятих годов. Взгляд в будущее, близорукое. Доверчивая открытость. Легкая, длинная кость. Переросток. Склонность к туберкулезу. Волосы, чуть вьющиеся, назад зачесаны.

Запястья свободны. Где же конец цепи? Может, второй наручник к стене прищелкнут? Нет. Странно. Едем. Те двое, за проходом, на нижней полке сидят, по сторонам ее, лицом друг к другу, скрестив под собой ноги. Еда меж ними, берут рис горстями, вымакивают в подливах, мнут пальцами, отправляют в рот. Молча. Ни крошки, ни капли не падает. В окно поглядывают или в рот глядят, хорошо пережевывают. Одно ружье лежит у окна, за ними, другое на полу, вдоль полки. На одном брюки с лампасами, на другом майка. На одном фуражка, на другом косынка. Будто была у них одна форма военная, другая штатская, смешали и разделили. К прикладу ружья, которое на полу, приставлены белые вьетнамки с голубыми шлейками, а на дуле стоит высокий офицерский ботинок, один, другого не видно.

Поели. Разносчик несет корзину. Остановили, роются, вынули два кулечка. Пан, легкий наркотик. Хотя смотря сколько. Высыпали на ладонь, сплюнули, растирают, мнут, скатывают в шарик. Переговариваются с *Хозяином*, смеются. Тот отвечает кратко, не глядя в их сторону, будто хлебную корку бросает им, а они вспархивают, клюют, смеются. Наконец разламывают шарик на два, половину протягивают ему, а вторую между собой делят. Берет, рассматривает внимательно, поддевает ногтем какую-то крошку, стравливает.

Задерживается взглядом на мне, прямым, в упор, долго глядим, мирно, но тяжело. Скашиваю глаза в окно. Поля, солнечный дым, карьер, земля красная, как обгоревшая кожа. Лег, подтянув цепь, заложил руки за голову, жует, полотенцем глаза прикрыл. А мы с Зоей расставляем шахматы, переговариваемся. «Как ты думаешь, – говорю, – он преступник? Или хозяин, глава конвоя?»

Он садится, просовывает руку под полку, вытаскивает мешок, из него меньший, полиэтиленовый, помидоры, килограмма три. Разглядывает, ощупывает, с той стороны, с этой. Как ветеринар лошадь. Лег.

Зоя говорит: «Может, они как раз за преступником и едут, а он руководит этим, главный застрельщик, скрутят, к себе пристегнет как к самому сильному». «Ну да, – отвечаю, – будь он преступник, второй наручник не валялся бы на полке, а пристегнули б к окну, например. Или вон к тому, покрепче, третьему. Или оба надели б. Он если б встал, да еще и с этой цепью, как спички рассыпал бы этот конвой. Просто переступил и вышел. Но даже не в этом дело. Их отношения. Дружба, семья. Он батя, они дети. Он присматривает за ними, скрывая нежность, немного с юмором. От тепла, от силы. С другой стороны...»

Идут по вагону, с ружьями, пятеро. За ними еще двое. Кивают этим. Идут дальше. А Зоя: «С другой стороны, все это как-то плохо клеится. А ты спроси». «Его? Как я его спрошу. Во-первых, они не говорят по-английски. Во-вторых, что? Прости, ты убийца? Или начальник? Так?» А он поворачивает голову, смотрит. Будто что-то сказать хочет. «Ловят?» – показываю ему рукой в сторону тех, с ружьями, в конце вагона. Сел. Кивает. Жду. Он и не собирается разжимать рот. Как медведь сидит, разлапясь, в упор смотрит. То ли ждет, то ли думает напряженно. Не загнанный, не разбуженный, с чуть замедленной лапой, не замечая этой тянущейся вослед цепи. Чешет ухо. «Убили?» – спрашиваю двусмысленно. Мол, мало ли кто. В зависимости от ответа. Поднимает к лицу кулак с выставленным указательным, направляет в окно, не глядя. «Kill», – говорит, не сводя глаз, бесстрастно. И стряхивает кулак. «Кто?» – спрашиваю, помолчав. «Кто?» – повторяет. Смотрит. Не понимает?

«Хороший снимок, – Зоя говорит. – Сними их в паре с охранником». «Можно?» – показываю им на камеру. Никакой реакции. «Ближе, – показываю им ладонями, – сядьте

ближе». Садятся. Смотрю в объектив. Офицер обнял его за плечо, улыбается, чуть наклонив голову к его щеке. Тот тоже обнял его, без улыбки. Поезд притормаживает. Скользнул по окну взглядом. Сматывает цепь на руку, бросает тем: мол, подъем, на выход. Те кивают, суетно собираются, спиной к нему. Ждет, достает мешок, ни одного лишнего жеста, даже поворот головы, даже смаргивает – медленно и осознанно.

Поезд дернулся. Тот, нагнувшийся за ружьем, лбом в пол ткнулся. Смеются. Собираю шахматы, рассыпанные на полу. Этот, сверху, смотрит на мой затылок. Короля не хватает, черного. «King», – говорит, вставая, ставит на шахматную доску, идет к выходу. Те за ним. Не торопятся. «Да, – Зоя говорит. – Точно. Идут за преступником. Ловчий и эти трое, соколы». «Да, похоже», – отвечаю.

Поезд тронулся. Смотрим в окно. Идут от станции, по проселочной. Человек сорок, с ружьями. Скученной, бурной толпой. А впереди – он, не оглядываясь, на расстоянье цепи, подергивая ее, ведет их.

С.А.: Весь этот выглядящий хаотическим базар жизни имеет глубокую внутреннюю настройку, тампуру этой энергетической нити, связи с космической парампарой, которая не забыта, не предана, которая продолжает объединять различные формы, нанизывая их, как жемчуг, на эту нитку вечной связи.

С.С.: Сейчас мы едем в поезде с двумя гостившими у тебя японками, одна из которых появилась в Лакшман-Джуле четыре года назад, и сейчас уже вышла на тот уровень, когда может помогать своим соотечественницам. Продолжая этот геополитический экскурс, любопытна роль Японии, которая по отношению к цивилизованному миру Запада...

С.А.: У меня уже несколько лет этот специфический опыт с японцами. С одной стороны, глубокий кризис, пронзивший эту нацию до полной потери идентификации. С другой стороны, усиленная этим кризисом гениальная способность к эмпатии и восприимчивому следованию. Все, что известно как образцы уникальной японской культуры, на деле является замечательным образцом интерпретации, дизайна привнесенных элементов – из Китая, из Индии, послевоенный диснейленд с его индустрией... Японцы с большим энтузиазмом и глубоким уважением к оригиналу, истоку принимают этот мессидж и занимаются его совершенствованием. Но без того, чтобы реализовать собственную натуру. Занимаясь гениальной шлифовкой, доведением до совершенства оригинала, который во многом утрачивает свою спонтанную, живую природу, превращаясь в утонченный дизайн. Например, японский буддизм.

Многие японцы чувствуют этот колоссальный разрыв, провал, утрату. И пытаются компенсировать это. Одни охвачены паранойей по поводу будущего (оно, естественно, электронное), ориентируясь на Америку. Другие движутся в сторону Индии, пытаются восстановить утраченную связь со своим спонтанным «я». В Японии спонтанная йогическая духовная культура была официально подавлена и уничтожена уже в восемнадцатом веке. Благодаря симбиозу ортодоксов буддизма с властями, которые просто запретили существование спонтанных духовных традиций, школ и т.д. Япония по причине этой отсутствующей или напрочь потерянной парампары является чемпионом мира по самоубийствам. До 30 тыс. самоубийств каждый год. Спокойные, на поверхности как бы исполненные самоконтроля люди кончают со своей жизнью, не имея или не чувствуя альтернативы.

С.С.: И за занавеской семейного счастья, предстающего европейцу, скрывается глубочайшая драма, о которой мы говорили пару часов назад...

С.А.: Все японские девушки, которые сюда приезжают на предмет йогической инициации, при прохождении аюрведического теста обнаруживают, как правило, очень

серьезный гормональный дисбаланс. Этот оползень тысячелетнего уклада и настроения женщины на семью, дом начался после Второй мировой войны, и сегодня мы видим их вовлеченными в марионеточную жизнь, наполненную всем, чем угодно, кроме смысла – быть женщиной. Это проблема и для западного мира, для Японии же это трагедия.

С.С.: Настолько, что даже, как ты говорил, линия судьбы на ладонях молодых японок...

С.А.: ...нередко отсутствует. Потому что японская женщина создана для слияния, отождествления с судьбой мужчины, и это не рабство, а следование природе восточной женщины, чьей сильной стороной является отсутствие эго. Она – мать, она все принимает, у нее нет этого жесткого чувства обособленности, отдельности. У нее более сильное, чем у мужчины, чувство единства всего со всем. Поэтому женщина может целовать цветок, ягненка, скорпиона. Она чувствует себя как река, для которой океан – мужчина.

С.С.: А теперь эта река перегорожена дамбой.

С.А.: Великая драма мистерии полов сломлена цивилизацией. По статистике, сорок пять раз в год у современного японского мужчины происходит близость с женщиной. Речь не о минутах, а об отсутствии этого опыта единства. Посмотрите на европейскую аналогию Японии – Германию. Я бы назвал Японию азиатской Германией. Порядок, чувство ответственности, логичность... Германия также оказалась кастрированной после Второй мировой войны, что, естественно, выражается в катастрофическом демографическом дисбалансе. Так же как и Япония, Германия потеряла лучших мужчин. В результате естественной попытки компенсации немецкая женщина стала превращаться в мужеподобное существо, утрачивающее женские качества. В результате Германия лидирует по количеству геев на страну – по причине утраты мужских качеств. То же самое происходит в Японии, где духовная мужская культура самодостаточности, свободы, концентрации была уничтожена своими же усилиями, затем самурайская, следующая по иерархии ценностей, культурная форма, тоже была уничтожена в результате войны, и фактически нет института, нет культурной формы, стимулирующей мужественность на самом простом уровне: ответственность, сила, стабильность, ощущение центра, стержня и т.д. Что происходит и в России. Главная проблема. Все эти невероятные сюрреалистические опыты превращения собственной страны в страну рабов привели к тому, что естественная мужественность фактически была утрачена. Этот хребет постоянно обламывался. В результате практически главная сила России – это женщины. На невидимом поле.

Беседа одиннадцатая

О собаках и смерти, о мясе и молоке несчастья, о каналах старения и экстренных способах регенерации, о трех пичужках через три избушки

С.А.: Большинство собак в Индии – вегетарианцы. Поэтому они не агрессивны. Не кусают и даже редко лают.

С.С.: Одна собака здесь по ночам выводила меня из себя – я вглядывался во тьму, воображая ее кармическую цепь. Она завивалась – не заливалась, а завивалась в своем лае...

С.А.: В национальном парке?

С.С.: Нет, здесь, в Лакшман-Джуле, на той стороне реки, этот лай начинался сразу после захода солнца и не смолкал всю ночь. Что ее понуждало к этой глоссолалии безумия? Если коровы или обезьяны, то почему она молчала тогда целыми днями? Причем по характеру лая можно понять, что никакого раздражителя вокруг нет. Это явно проблемы психики...

С.А.: Приближение к смерти можно описать как приближение к темно-синему туннелю с левой стороны. Собаки очень чувствительны к этой частоте – они видят все смещения этого туннеля. И поэтому в традиции агхори, которые работают с энергией смерти, одним из важнейших элементов их садхана является партнерство с собакой. Как правило, черной, как лучшим адептом, или медиумом, этой энергии смерти. Собаки обладают видением этих полей, отсюда их реакция, как правило, шумовая – или вой, или лай. С другой стороны, здесь это ни у кого не вызывает болезненной реакции.

С.С.: Да, похоже, ни у кого больше...

С.А.: Утверждать наверняка, что это была реакция на Махакалу, этот тоннель смерти, трудно. Это могла быть и обычная паранойя – у собак, как и у людей, собственные видения или собственная травма могут вызвать такую реакцию.

С.С.: За этим мостом можно увидеть черную собаку небольшого роста, она выгуливает стадо коров. Она выводит их далеко вверх по течению Ганга, оставляет их в выбранном ею месте, где хорошая трава, выстраивает их необходимым образом и сверху, с обрыва, смотрит, обернувшись, последним взглядом, как бы дает добро и возвращается в поселок. А к вечеру она приходит за ними, собирает и разводит по домам. Позавчера, в новогоднюю ночь, когда мы с Зоей пошли вверх по реке и пекли, как дети, картошку у костра, в тех скальных развалах, вокруг которых песок испещрен следами оленей, обезьян, леопардов, и река захлебывается валунами, пенясь в этом каменном рукаве. Возвращаясь, мы встретили эту собаку на раскачивающемся от ветра подвесном мосту – она стояла там одна, в кромешной тьме, в этом потоке праны, ниспадающем волнами с Гималаев. И вот она одна, черная, как тьма ее окружавшая, стояла на раскачивающемся в небе мосту, и когда в порыве ветра мост уходил из-под ног, она оставалась висеть – в луче моего фонаря, висеть на вдохе и опускаться, когда мост возвращался, на выдохе, и, вытянув голову – туда, поверх гор, к Гималаям, дышать этой праной...

С.А.: Это пакори, овощной хворост. Пять рупий. Возьмем, очень вкусно.

С.С.: А что до коров – здесь бродят два таких брата, Кастор и Поллукс. Иные из коров проходят под ними, как под мраморно-серебристыми радугами. Их приближение чувствуешь за три поворота – по этой утраченной миром осанке достоинства, по внутреннему гулу их могучей ветвящейся жизни. Этим братьев ты видишь порознь, реже – вместе, в самых разных местах. Причем одновременно. Такое впечатление, что их не два и даже не двадцать два. Такова акустика их мироздания, гравитация их свободы. Они сами пишут свою жизнь – перемещения, ночлеги, полуденные дремы, забредая под навесы к баба, которые лежат в этом райском морге, завернутые, как мумии, оуклившись, и эти быки стоят над ними, как тот бычок над яслями Христа... Только уже неясно, кто из них бычок, а кто сын божий. У них есть отец, белый, как кучевое облако, порой он проплывает, раздвигая верхушки деревьев – там, по ту сторону реки, в том баснословном саду, который помнит Шиву, сидевшего вон под тем баньяном. В сознании индуса Шива сидел под баньяном сегодня, в полдесятого утра, когда чайханщик еще не выкатил свою тележку. И этот белый бык, их отец...

С.А.: С подведенными сурьмой глазами.

С.С.: Да, и это не метафора – это его врожденный облик... Он прогуливается и осматривает окрестности – осмысленный взгляд природы с могучей и многомерной судьбой. Который сам ее выбирает, примеривает, не спеша перекраивает. И, думая о тех мутантах, выращенных человеком, что ж мы едим, пьем? Молоко, мясо?

С.А.: Мы пьем несчастье. Едим рабство. Помню, когда-то в Рижском зоопарке я услышал такой диалог. Мальчик лет семи спрашивал у мамы: а что делают из этого животного? А обезьяна вкусная?

С.С.: Я помню, лет двадцать тому назад, где-то в середине восьмидесятых, особо отличившимся с точки зрения тогдашней Украины творческим мытарям давалась путевка на сакральный поезд, который назывался «Комсомолец Украины» или что-то в этом роде, который ходил, как козел вокруг вбитого кола, и останавливался в отмеченных на карте местах, давая сборные концерты для колхозников, фермеров, тружеников. Из авантюрных соображений я проник в этот поезд. Одна из остановок была под Харьковом, местечко называлось Богодухов. Вышли. Куда ни глянь – богооставленный мир, ни примет жизни. Посреди степи указатель: «Мясокомбинат Богодухов». Автобус повез нас в щемящую даль. И вот на этом мясокомбинате я впервые увидел, как это происходит. Впереди коров, ведомых на убой, идет черный козел. Всякий раз он проходит эту границу, корова идет за его хвостом, он проходит под гильотиной, голова коровы отваливается, он идет дальше.

С.А.: Это еще шадящая форма. На Западе используются электрические ружья. Это конвейер, и недобитое животное цепляют за новый крюк, и эти полуживые существа движутся по конвейеру дальше. Следующая операция – вспарывание горла и брюшины. Разбрызгивается кровь, внутренности, и эта вереница, эта сюрреалистическая лента полуживых существ со все еще глядящими на вас глазами продолжает двигаться дальше. При том, что они чувствуют предстоящее задолго до этого кошмара.

С.С.: Возвращаясь к сюрреальности Богодухова... Концерт не был запланирован, но, видимо, переговорив с работниками мясокомбината, решили сделать для них небольшой праздник. Висели кровавые туши, эти анатомические атласы, с которых продолжало течь; постукивала гильотина; в проеме двери стоял этот черный козел, как Полоний за занавеской; и мы – на арене этого театра – поющие, пляшущие, читающие стихи...

С.А.: В Раджастане есть древнейшее религиозное движение – вишнуви. Они следуют двадцати пяти заповедям любовных отношений с миром. Этот регион – настоящий рай, где животные являются частью домашней жизни, эти антилопы, павлины входят в дома, играют с детьми... Деревья не рубят, используют упавшие сухие ветки, собираются только зрелые плоды, не наносится ущерб ни одной из форм жизни.

С.С.: Джайны – это другие, да? Те, кто носят марлевые повязки, чтобы случайного комара не обидеть вдохом...

С.А.: В йогической культуре со временем грубая пища почти полностью заменяется тонкой энергией праны. Дышат носом, – это важно. Известно, что участок мозга, который в йогической культуре назван «третьим глазом», продолжает процесс роста как минимум в течение 40 дней после родов. Энергетическим источником этого участка, исключительно важного для реализации трансперсонального опыта, является свет. Потому в ведической культуре было нормой не оставлять младенца сразу же после родов без природного источника света. Уже один этот фактор будет способствовать развитию его гипофиза, гипоталамуса. Что отразится на развитии его наиндивидуальной интуиции. Ведическая культура владеет искусством стимуляции или подавления определенных качеств при помощи пищевой магии.

С.С.: Ты говорил о канале старения и опыте работы с этим каналом в йогической культуре.

С.А.: Йогини способны управлять процессом метаболизма. Перекрывается гортань, и слюна прекращает поступать в желудок. Ведь что мы сплевываем? Жизнь. Т.н. естественная смерть – это просто сжигание гормонов, управляющих процессами метаболизма. Йогин переключает эти связи, этот канал, гормоны перестают сжигаться средой желудка, и происходит регенерация организма на клеточном уровне. В течение одного дня происходит омоложение на один год. Физически это происходит так – йогин должен достичь мастерства пранаямы, дыхания, и быть способным вдыхать прану не обычным путем, а через костное дыхание. Физическое дыхание полностью останавливается, пульс замедляется до одного удара в минуту, йогин входит в как бы коматозное состояние. Стоит он ногами кверху, с головой, зарытой в песок. До сорока дней. Выход из этого состояния невозможен без помощи учеников, которые в оговоренное время раскручивают его язык, свернутый в гортани, в рот вливается топленое масло, массируются определенные точки тела, возвращая его к сознанию.

С.С.: А этот ритуал в круге горящего коровьего помета и с горячей лепешкой на голове?

С.А.: Это мощный ритуал очищения при помощи огня, когда проводится не меньше трех дней в огненном круге в самый полдень в самый жаркий сезон. Некоторые добавляют глиняный сосуд, стоящий на голове, также с горящим пометом. Коровий помет обладает природными бактерицидными свойствами, поэтому жжется кизяк.

С.С.: Это чудо пометной архитектуры можно встретить на каждом шагу – из окна поезда, в котором мы едем. Всякий двор выстраивает из этого помета то вавилонские башни, то причудливые зиккураты, то напоминают фантазии Гауди. Так они сушат кизяк на задних дворах.

С.А.: Да, его используют как топливо, но коровий помет используется также и как важнейшая часть строительного материала. И, добавленный в глину, оказывает

бактерицидное действие. Затем, он используется как лекарство. Коровий помет можно наносить на свежие, открытые раны, и раны начнут затягиваться за несколько часов. Корова – символ Матери-Вселенной. В Индии корову называют «ма» – мать. А у нас или в той же Германии это чуть ли не оскорбление – «как корова», «глупый, как корова». Конечно, глупая, раз бескорыстная, да? Я помню, как несколько лет назад на европейском телевидении – как анекдот – были показаны демонстрации индусов в Дели перед посольствами Британии и Бельгии с просьбами не забивать коров в этих странах и дать им возможность умереть в коровьих ашрамах. В Индии существуют приюты для коров и быков. Маленькая плата за то, что мать-корова дала человечеству за всю историю существования этой глубокой связи.

С.С.: Битов говорит: «Летят три пичужки через три пустые избушки. Ну кому я это объясню?» Это когда о языке говорил с ним. О языке. А тут и язык – как тот пес черный, медиум, в стороне. Это мало чувствовать, еще меньше – знать. Только сейчас мы пришли к порогу полного непонимания мира, в котором живем, точнее – жили. Тысячи лет спустя нашего самозванства – к первому шагу к своей природе. А там уже никого. Летят три пичужки... Что мы знаем о них, о животных, растениях? Думаем, что мы знаем – много. А знаем что? Ничего. Собаку Павлова.

Помнишь те кадры документальные: крокодил схватил антилопу, маленькую, еще подростка. Волочит в реку. И вдруг бегемот – с другого берега, бежит, таранит воду, отогнал крокодила, а они ведь живут не сталкиваясь, разинул пасть, взял антилопу так бережно – как на руках несет, положил в траву, стал на колени, дышит в лицо ей, щекой трется, трогает, а она, бездыханная, глядит на него мокрым остановившимся глазом. А он все не уходит, все тычется в ее шею. И крокодил лежит у воды, замер, смотрит на эту сцену. А тот все стоит, то к небу взгляд, то на нее, и пятится, и скользит к ней на коленях. Лир над Корделией. Зарезали мою девочку...

Что мы знаем о них? Если дерево или птица не могут сложить табуретку или компьютер, значит, ниже нас по развитию? С той же логикой – если мы не можем воскресать из смерти, как зерна, или отращивать новые ноги вместо отсеченных, как саламандры, или менять пол органично, как рыбы, или владеть световой речью, как глубоководные существа, или перестраивать свой молекулярный уровень, переговариваясь на больших расстояниях, как акации, – то что? Наша техника в большинстве случаев – плагиат. Сальери у Моцарта.

А этот бред, которым нас пичкают еще со школы, про инстинкты. Каким инстинктом влекома пустынная эфа, ползущая десятки километров, в районную больницу, чтобы свернуться на груди умершего там мальчика, которого лишь мельком видела, свернуться и уснуть навсегда? Или та касатка, помнишь, выхватила из стада детеныша тюленя, и бросала его в небо вдали от берега, и ловила, – хищник жертву, а потом вернулась и носом подоткнула его под мать, невредимого. Или те морские львы, чей инстинкт – жить в стаде, ушли вдвоем, он и она, в маленькую скальную бухту, сильные и молодые – на весь свой век, до старости.

Лотман где-то писал, что для них мы – существа непредсказуемые, то есть безумные. Это еще мягкий взгляд.

Беседа двенадцатая

О путях тантры и различиях в ориентирах

С.А.: Есть несколько путей. Путь внезапного прыжка, спонтанного, внезапного просветления, погружения в суть этого любовного единства вещей, которые на самом деле не отделены, во Вселенной ничто отдельно не существует. Это не теория, не предположение, это астрофизический факт. Другой путь – шаг за шагом, путешествие по ступеням, чакрам, по энергетическим долинам, по элементам. Оба пути правомерны...

С.С.: И один не хуже другого.

С.А.: Не хуже. Это вопрос стиля или формы прохождения того же опыта. Тантра – процесс осознания, переживания целостности существования, включая все элементы, в том числе шокирующие и непонятные. Это осознание янтры и структуры нисходящего-восходящего процесса. И сознательное включение всех основных элементов бытия, включая все элементы тверди, земли, воды, огня, эфира, пространства и кончая тончайшими элементами сознания.

С.С.: Таким образом, можно ли сказать, что эта основа тантры и эта ее наиболее существенная сторона, о которой ты говоришь, сродни симфонической настройке всего организма на максимальное число феноменов, открытых нашему восприятию?

С.А.: И это схождение множественных вибраций, колебаний волн феноменов – сознательное возвращение к своему истоку. Что и есть цель существования любого феномена этой Вселенной.

С.С.: Т.е. это не просто количественно симфоническая настройка и готовность к тонкому восприятию максимального числа феноменов, открытых нашему восприятию. Важна эта вертикаль, эта ось, которая чувствует предельно нижнюю, архаичную базу, меру, физическую базовую ноту и одновременно верхнюю, самую высокую ноту. И тогда это выстраивается в некое целое, имеющее эту ось, с которой можно считывать порядок нот этой симфонии.

С.А.: Это архетипический опыт. Человеку не обязательно переживать и иметь опыт всех феноменов Вселенной. Все бесчисленное количество феноменов создано из одних и тех же ингредиентов и их различных комбинаций. Ключ, разрешение мистерии жизни не где-то – это в тебе самом, в тебе, уникальном существе, являющем собою живую модель Вселенной.

Тантра ведет – последовательно или внезапно – все элементы, из которых мы созданы, наше тело, наше сознание, наши чувства и т.д., в сознательное путешествие возвращения домой, к истоку, который приносит это безусловное, свободное от пространственно-временных ограничений счастье.

С.С.: Что означает столь часто употребляемое тобой слово «сознательно»: сознательное путешествие, сознательное отношение? Ведь по отношению к привычному понятию вкладывается несколько иной смысл?

С.А.: Сознание как свидетельство. И немеханичность переживания любого акта: сна, бодрствования, чего угодно. Каждый момент, в любой ситуации, может оказаться

именно тем инструментом, который включит цепную реакцию и трансформирует все составные тебя в исходную точку.

Можно спонтанно и мгновенно реализовать себя в одном прыжке. Теоретически это возможно – в случае мощнейшего опыта предыдущей жизни, подготовившей тебя к этому прыжку. Но это скорее исключение. Любой организм уникален. Как минимум, необходим процесс настройки, подгонки, синхронизации нового тела с безвременным, мудрым, опытным сознанием.

С.С.: Т.е. мы играем на фальшивых инструментах, есть этот настройщик, мудрый старый настройщик, который вневременен...

С.А.: Который все знает. Все заражено духовностью, этой нематериальной спандой, докварковой протовибрацией, которая породила всё, от галактик до кончиков ногтей. Вселенная движется к этому миллиарды и миллиарды лет. Йогин – человек, который способен пережить это в течение одного жизненного срока и помочь другим пережить этот опыт. Это и есть главная задача тантрического искусства – помочь, спровоцировать, дать карту путешественнику.

С.С.: Для художника стремление к завершению путешествия как цели пути неприемлемо, чужеродно. Это всегда окно, открытость...

С.А.: А это и есть открытость. У тебя завершенность ассоциируется с закрытой дверью. Тогда как на самом деле завершенность – это когда нет никаких дверей, нет никаких рамок.

С.С.: Тогда нет никакого звука, нет никакого цвета...

С.А.: Да.

С.С.: Тогда нет никакой вибрации.

С.А.: Это теория – то, о чем ты говоришь. Если бы ты пережил это состояние, были бы сняты всякие интеллектуальные ограничения и потребность и необходимость фантазировать или воображать, что бы это могло быть. Я говорю не с точки зрения теоретической обоснованности...

С.С.: Я готов тебе поверить, это вопрос доверия.

С.А.: Это вопрос опыта.

С.С.: В данном случае, поскольку у меня нет этого опыта завершенности, я оставлю его на поле доверия к... допустим, твоему опыту. Значит, в твоём представлении, здесь, в этой точке, не расходятся пути художника и... саньясина?

С.А.: Вся жизнь, во всех проявлениях, по своей сути творчество, искусство. Нет никакого раздвоения между жизнью и искусством.

С.С.: Согласен. Разделение не между ними, а между дорогами, которые выбирают.

С.А.: Два жизненных пути, два архетипических пути. Один путь – это путь раздробления, это путь центробежный: создание и увеличение эха, отражений, их множенье. Другой путь – это собирание. Собирание, уже достигшее крайнего,

предельного, эволюционного лимита, и процесс возвращения всех этих капель, молекул воды в океан. Концентрация этих паров, собирание их в форме реки и определенное движение в сторону океана и сознательное возвращение – это завершение игры. Это высший оргазм, который не повторяется, потому что происходит ультимативное удовлетворение. Повтор связан с феноменом времени и пространства. А ты оказываешься в точке, где нет времени и пространства, нет самой идеи повтора, начала и конца.

Завершение цикла может иметь практически любое явление. Это зависит не столько от качества самой вещи, сколько от смотрящего, от его подготовленности, от глубины его взгляда на любую, самую банальную вещь. Это может оказаться ключом или дверью к откровению. В тантрических текстах даются техники медитаций – на чакрах, на звуках каналов и пр., в том числе таким упражнением может быть шлок, помогающий сконцентрироваться на пище, сне, движении во время прогулки или во время поездки тележки. Взгляд в пустое небо может оказаться ключом и поводом переживания сатори, этого божественного Ничто, не имеющего ни причины, ни следствия. Это и есть тантра.

С.С.: Но можно ли с этими критериями, с этим представлением рассматривать также и произведение искусства? Как йогин на своем поле, так и художник на своем вкладывает опыт своих отношений с миром, погружения и взаимодействия, и проходит все эти ступени, согласно форме того вида искусства, с которым он имеет дело, будь то живопись, или слово, или музыка, и создает некое произведение, которое в своей последней точке завершает этот цикл.

С.А.: Произведение не ставит точку. Последняя точка, как правило, дает этот шанс самому путешественнику. Конец путешествия – это точка, в которой нет ни начала, ни конца, ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, где останавливается процесс вибрации, который порождает все эти феномены. Это момент задержки жизненного дыхания. Естественной задержки, не насильственной. Когда ты оказываешься ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу. Когда ты оказываешься в этом моменте истины...

С.С.: И эта точка может не обязательно совпадать с последним вдохом человека, она может переживаться на протяжении жизни многократно?

С.А.: Последний вдох означает коллапс всех трансформационных элементов, прекращается физическое существование. Если физическое существование йогина, или мастера, продолжается, это значит, что процесс имеет волновой характер, или характер эскалатора: вверх-вниз, вверх-вниз. Когда же совершается движение без очередного возвращения, это завершение всей драмы эволюции-инволюции и прекращение физического существования. Все элементы, из которых создан этот физический феномен человека, возвращаются в свое исходное состояние небытия, но сознательного. В этом разница между инертным растворением в первичных элементах и сознательным. Сознательное дает колоссальное чувство радости завершения. Одна из основных целей тантрического искусства – провоцирование, стимулирование этого переживания, этого высшего оргазма. Поэтому в тантрическом искусстве сам процесс творения и соучастия подобен сексуальному процессу. Но отличие тантрического оргазма от обыденного заключается в том, что это восходящий процесс. Это процесс не выброса и мультипликации, а наоборот. Нисходящий процесс останавливается через определенные психофизические техники.

Само произведение остается лишь возможностью, открытой дверью – как ею воспользуются, это уже другая история. Тут уже другая парадоксальная часть духовного творческого процесса. Это творческая активность и путешествие, сделанное читателем, или зрителем, или слушателем, который в тантре далеко не пассивный потребитель. Это соучастник, это любовник, это путник, который должен либо достаточно страдать, либо

быть готовым для того, чтобы действительно оказаться в этом путешествии, действительно пройти этот путь...

С.С.: И завершить его в этой точке.

С.А.: И завершить, вместо пассивного ожидания, когда в него введут нечто прекрасное, доброе, светлое или интересное. Иначе это будет очередным актом потребительства. В тантре нет поиска. Там процесс работы с тем, что у тебя есть. Не надо искать – и ключ в тебе, и замок в тебе, и путь в тебе.

С.С.: В этом смысле дзен – это дочь тантры?

С.А.: Да, конечно. Единственный недостаток дзен в том, что это чрезмерно рафинированный и канонизированный процесс, доводящий до абсурда спонтанный процесс и приводящий его к некоторой догматической красоте и схеме. Спонтанность превращается в некий род дисциплины, в то время как дисциплина необходима до этапа спонтанности.

С.С.: Существует расхожее представление о спонтанности как о снятии...

С.А.: Любой ответственности. Из-за нетерпения постоянны попытки перепрыгнуть через естественные, совершенно необходимые ступени этого путешествия. Но никто не может обмануть эту логику жизни и связи элементов. Единственное, что необходимо, – это принять эту внутреннюю логику и попытаться прожить эту живую спираль, эту винтовую лестницу игры элементов. Определенная дисциплина и терпеливая практика приводит к освобождению от неумения, от несвободы, от ограниченности всех видов: физической, эмоциональной, ментальной. Упражнение делает мастера. Даже простое восприятие. Смотрение картины, чтение книги, слушание музыки – далеко не такой пассивный процесс, к этому нужно быть готовым.

Но есть другой путь тантры – иррациональный, мистический по своей природе. В тантрической традиции вдохновение имеет совершенно конкретное значение – это вход либо контакт с духом или духами. Есть точные знания, категории, классификации духов, их сущностей, их связей с определенными энергетическими полями и их форма работы с жизнью, с сознанием и т.д. И есть техники сознательного контакта с этими сущностями, духами. Медиум становится инструментом, через который этот дух манифестирует нечеловеческое знание, нечеловеческий опыт гармонии и красоты. Это тоже путь, в котором необходима неэгоистичная медиумическая настройка.

С.С.: Это связано с дыханием – эта настройка?

С.А.: Дыхание является транспортом, через который тонкая сущность двигается и коммуницирует с другими сущностями. Через дыхание – запахи. По запаху можно определить энергетическое поле, движение и удаление определенных энергетических сущностей. Есть различные техники призыва духов, вхождения с ними в контакт и т.д. и медиумического соучастия в этом процессе, которое непосвященная публика принимает за личные достоинства и качества данного мастера: музыканта, поэта и т.д., тогда как на самом деле может происходить чисто медиумический процесс трансляции неличного знания, неличного опыта, неличных образов и т.д. Это очень неоднозначный путь, при злоупотреблении чреватый большими тяжелыми последствиями, вплоть до серьезных психических недугов. История сознательного эзотерического искусства знает немало подобных примеров.

С.С.: Гурджиев пользовался подобными вещами?

С.А.: Да, он работал с различными эфирными сознаниями. Весь вопрос, как с этим работать. Одной из важнейших первоначальных ступеней тантрического посвящения является освобождение, или трансформация энергии и материи эго во все более и более универсальную, свободную от ограничений личность. Именно ограничения приводят к эгоизму, к желанию захвата, злоупотреблению – по причине голода, недостаточности, ограниченности. Поэтому важнейший этап – трансформация энергии существа. Когда эго умирает, неготовые люди не осознают, что происходит, они чувствуют умирание себя, умирание своей сущности. Или, например, когда люди эмигрируют – если их эго во многом связано или является продуктом коллективного сознания, социального поля, – отрыв от этого поля воспринимается как умирание. На самом деле подлинная сущность не умирает, умирает только этот фантом, умирает это лимитированное создание, подпитываемое определенными матрицами, определенными энергетическими структурами, и это причиняет определенное страдание. В художнике эго должно умереть. Иначе дорога к всеобъемлющей свободе и универсальности полностью закрыта.

С.С.: Но есть и не ложная привязанность – к какой-то местности, где человек чувствует себя...

С.А.: Привязанность, как и все остальное, парадоксальна, она имеет как минимум два конца, два направления. Есть привязанность, создающая рабство, и привязанность освобождающая, раскрывающая. Как любовь. Она может сделать эгоистом, идиотом, сумасшедшим, но она же может раскрыть в тебе пространство, она может раскрыть в тебе внутреннее сердце и снять ограничения. Весь вопрос в том, не что мы делаем, а как. В этой жизни нет ничего однозначно дурного или замечательного. Все существует в парадоксальном процессе трансформации. И от художника зависит, какие трансформации происходят. Речь идет о высвобождении энергии. Это закабаление, достижение критической точки, создание критической гравитации, а затем высвобождение из ее оков. Полноценное искусство ведет тебя через все слои, через ад и рай, но это путь не заикливания, а трансформации, бесстрашный путь до самого разрешения.

Беседа тринадцатая

О шизофрении правды, искусстве и рынке, о диктатуре сутенера, задачах художника и карме творений

С.С.: Ты говоришь, что правда – это парадокс. Она всегда парадоксальна, она ни справа, ни слева, а всегда и там, и там, не занимая этих крайних позиций. И в этом смысле, правда шизофренична. Как шизофреничен человек, – не в клиническом смысле, а в нормальном, здоровом, по образу и подобию Божьему. В смысле нормы расширения сознания, его симфоничности – от минерала до ангела, иначе – идиотизм, фиксация на одной ноте, суженье космоса до одномерной червячной последовательности – чувств, мыслей, реакций. И в этом отношении я хотел спросить тебя об искусстве тантры. Можно ли говорить, очень огрубляя и упрощая, что есть определенный опыт взаимодействия с феноменами мира, где любое дерево, лист, лужа в состоянии воздуха или света, могут стать той точкой трансформации и высвобождения, о которых ты говоришь? Освобождения от этих гравитационных... ограничителей, что ли, да? И путем определенного медитативного внимания, энергетической настройки мы входим в этот предмет внимания и расширяем этот предмет. И тем самым все поле, потому что здесь прекращаются субъектно-объектные отношения между этим «я», с которого мы начали, и тем предметом, который выступает объектом, – здесь снимается эта дихотомия, эта дуальность, это становится единым. То есть вводя эту тонкую энергию внимания, медитативного настроя на трансформацию и снятие помех, мы выводим этот феномен на следующий уровень. Таким образом, всякий раз этот луч внимания, погруженный в тот или иной пространственно-временной объект, высвобождает эту энергию? Возвращая любовный, творческий смысл вос-приятию. Ведь, собственно, речь идет о любовном настрое и о любовном взаимодействии.

С.А.: О приятии, т.е. даже не о прикосновении, а о приятии, слиянии...

С.С.: А для того чтобы ее приять, она должна дать себя, без ее воли, без воли предмета или явления, к которому обращено наше внимание, процесс восприятия не может произойти. Либо это эрзац восприятия...

С.А.: Изнасилование.

С.С.: Да, вероломное восприятие. Истинное восприятие – не только обоюдостороннее приятие движения двух сущностей, но это еще и возведение его на качественно более высокую ступень. Как в любви. Она порождает не только сближение, но и нечто третье. Плод. Та же история и с во-ображением. Образ, порожденный нами на основе вероломного восприятия, – обезображивание.

Комар устроен не проще джойсовского «Улисса». Да, задачи художника неизменны, но пути становятся уже и тоньше.

Есть порог превращения энергии. Бревна, например, в огонь. Воды – в пар. Человека – в свет. До этой поворотной точки – ни риска, ни изыска, закон сохранения известного содержания, его репродуктивных форм.

С.А.: В Гамбурге я был свидетелем курьезного скандала в музее современных искусств. Уборщица выбросила центральный арт-объект выставки. Это была инсталляция дерьма с определенной текстурой, цветом, историей и т.д., выбранной в соответствии с художественным вкусом и идеей мастера этой инсталляции. По невежеству уборщица выбросила этот объект, музей уплатил огромную неустойку. Дерьмо, которое дерьмо для

любого эстета за пределами музея, автоматически превращается в эстетический объект просто потому, что помещается в определенный контекст и снабжается псевдоинтеллектуальным описанием. Реальное искусство не нуждается в объяснении. Так же, как не нуждается в объяснении реальная любовь. Если есть объяснение, это не любовь. Это развод. Или сделка. А современное искусство полно объяснений. Без этой подачи практически не проходит ни одна презентация, ни одна выставка. Иначе видно, что король голый. Обыгрывается ложное самолюбие полумещанина, стыдящегося показать, что он не понимает, не видит, не слышит – то, чего там нет.

С.С.: Это эпоха менеджмента. Диктатура сутенера. С одной стороны, опустить художника до профанного уровня потребления, с другой – «поднять» потребителя приобщением к «высокому», весы мирятся на невысокой отметке, что позволяет тиражировать этот процесс до бесконечности.

С.А.: Любая словесность, любая литература соткана из мантр, имеющих свою универсальную природу и законы, в которые необходимо быть посвященным, без чего творчество остается лишь намерением; без этого посвящения в свет, янтру, цвет и форму, художник остается лишь ремесленником; подлинный музыкант должен иметь глубокий опыт метафизики звука и связи нот с психическими и физическими явлениями; архитектор должен быть инициирован в Vastu – знание энергетической сущности и янтры (т.е. структуры) пространства и т.д.

С.С.: Мастер начинается с ремесла. И этот путь совершенно утрачен – я сейчас не могу назвать ни одной фигуры в современном русском искусстве, и, частности, в литературе, в полной мере соответствующей этому образу мастера. Восходящего от ремесла. Ремесла в том смысле, когда проходится путь взаимопроникновения тебя с материалом, обмен языками, тактильное сращение и инициация, как ты говоришь, тебя в материал, а материала – в тебя.

С.А.: Искусство превратилось в услугу. В то время как традиционно искусство было проводником, проводником роста. И это было движение голодного к пище, а не пищи к голодному. Искусство сегодня деградирует до уровня пиццы. Создание искусственных желаний, искусственных стимулов – а затем сервис.

С.С.: Ну и возник этот международный термин: актуальное искусство. Это совершенно точно, потому что слово, как то мясо убиенной коровы, мстит. Актуальное – это ситуативно действенное. Не то действенное, которое обеспечено ответственностью, а ситуативно действенное. Это банальная одноходовка.

Одна из расхожих метафор культуры – дерево. Корень, ствол, ветви. Одним краем ветвь входит в ствол, традицию, другим касается «миров иных». Так – в обе стороны – дышит, растет, двоякодышащая. Есть нижние ветви, есть верхние. Древо растет, верхние становятся нижними, последние – первыми. Культура не древо. И не любой из тех образов, которые укладываются в нашем сознании. Без центробежной энергии движения к краю она невозможна. Ни культура, ни Бог, ни мы.

С.А.: Культуру склонили к сожительству с рынком, в результате мы видим эту цин... циннигилизацию...

С.С.: Прекрасное слово – циннигилизация... Именно. Чем более индифферентен импульс, идущий от художника, тем более он органичен сегодняшнему рыночному обмену.

Есть стрела дара и тетива позвоночника. И в этом смысле за последние пять тысяч лет ничего не изменилось. Тот же путь и те же задачи, которые стояли перед Гомером, Данте, Шекспиром, Джойсом, Набоковым, и перед нами стоят. И о какой бы смене парадигм ни писалось на заборе времени – будь то смерть Бога, закат Европы, конец искусства, дегуманизация, постмодерн, поп-арт и пр., – все эти надписи до первого дождя – нестираемы лишь позвоночник и дар. И поиск смысла человеческого существования, который по-прежнему и есть этот поиск. Иначе, не нарушая границ своих очертаний, человек по определению становится существом ограниченным, то есть конченным. Тем рядовым потребителем, в ком так нуждается Рынок, чей кесарь – Тираж, для которого индивидуальность – вне закона, и место ее – музей. Художник стоит меж небом и землей выбора. Богу богово, кесарю кесарево. С этого все и начинается. Как сказано: чистое безумие покидает нас, слишком много рациональных сумасшедших.

Литература сегодня уходит, как река под землю, на поверхности – джакузи от литературы. В стране нет ни одного издательства, ни одного периодического издания, для которого литература риска и изыска, то есть художественная, была бы родным домом. В стране нет ни одного критика с независимым развитым вкусом. В стране нет творческого достоинства, которое немислимо без иерархии ценностей, которой в свою очередь не на чем держаться в отсутствие авторитетов.

У монаха, даже во времена гонений, есть монастырь и братство. Не говоря уж о Боге. У художника, выбирающего сегодня бескомпромиссный путь творчества, нет и быть не может ни братства, ни почвы – под той ногой, которая не на весу.

С.А.: На Западе давно главная фигура не художник – менеджер, стратегия. И в этом мире нет шансов на выживание, если ты одиночка. Ты даже не можешь жить как баба, ты не имеешь права жить без прописки, без паспорта, не можешь быть в лесу без разрешения... Нет просто биологического пространства для свободной души. Два пути. Или принятие этой ситуации, назовите ее реальностью, и всех компромиссов...

С.С.: Да, и платить за это творчеством, качеством творчества...

С.А.: Безусловно. Платить за это, как платят подневольные проститутки. Платить за это психическими болезнями, депрессиями, неудовлетворением. Или...

С.С.: Отойти в сторону.

С.А.: Не в сторону – подняться над этим уровнем горизонтальной игры с имитацией вертикали. Рынок – это развитие горизонтали с переходом качества в количество. В то время как реальная метафизика счастья заключается в трансформации количества в качество. Когда горизонтальное превращается в вертикаль.

Есть такая история. Однажды Наранда Муни, будущий вестник богов, музыкант – посредник между мирами божественными и человеческими, он же ученик небесного музыканта Тампуры, у которого Наранда Муни учился несколько сот лет, решил, что он, т.е. Наранда Муни, уже мастер, прекратил учебу и стал творить собственные композиции. Скоро во Вселенной что-то случилось, возникла дисгармония. Боги заволновались и стали выяснять причину деформации и обнаружили ее: творчество Наранда Муни. Тогда страдающие боги попросили Шиву, как всегда, пребывающего в самадхи, остановить небесного артиста. Из сострадания Шива согласился и пригласил Наранда Муни на прогулку по Гималаям. Гуляя, они стали наступать на разбросанные повсюду фрагменты каких-то существ. Не только вид этих созданий был отталкивающий, но само пространство, воздух был отравлен миазмами, смрадом, исходящим от этих существ. Потрясенный Наранда Муни спросил Шиву: «Кто эти создания? Какой монстр искалечил их?» Шива, посмеиваясь (так как сам устроил эту историю), оживил некоторые фрагменты

и спросил их, кто они такие и что с ними случилось. На что они ответили: «Мы раги и рагини, которых породил негодяй по имени Наранда Муни, и вот мы страдаем сами и отравляем этим весь мир». Наранда Муни вернулся к своему учителю Тампуре продолжать учебу и через несколько тысяч лет оказался способным быть посредником между мирами.

С.С.: На Страшном суде, говорит Коран, художникам будет предложено оживить свои творения. Мертворожденные, а также те, чья энергия уступит энергии живого вещества, будут низринуты вместе с их авторами.

Есть и другая история. Об Аполлоне и Марсии. И есть слова Фолкнера о достоинстве произведения. Оно измеряется не победой, а поражением – по отношению к замыслу, превосходящему силы художника. И в этом смысле побеждает не Аполлон, а Марсий – кожей, содранной с него, поющей.

С.А.: Энергия любой мысли, слова, поступка напрямую влияет на жизнь, вызывая или усиливая различные процессы: расщепление, центробежный, вызывающий страдание, или объединяющий, центростремительный, вызывающий удовлетворение. Отсюда, по закону кармы, или третьему закону Ньютона «акция – реакция», любой творец получает обратно энергию его творчества и потому наиболее счастливые или несчастливые существа – те, кто производят или играют с энергией мысли, слова, поступка и вводят их в мир. Эта информация более или менее известна, но она не трансформирована в опыт, по причине синдрома ложки, которая, как известно, целый день занята ношением пищи, но не знает ее вкуса, плюс самопотакающая философия «мне это нравится, мне это не нравится» и определенная культурная проблема – неспособность учиться и желание учить.

Тот, кто осчастливлен или проклят быть художником, должен учиться и становиться Мастером, который, с одной стороны, мудр (потому что реализовал акашу, пространство, со всем, что было, есть и будет, и его центром без времени и пространства) и, с другой стороны, сохранил святое детство с его магической верой в то, что все есть и все может быть, и который свободен от циничного нигилизма напуганных жизнью «взрослых».

Беседа четырнадцатая

О диковинных происшествиях, о Кришнамурти и Дэвиде Боми, о кастах, Адамовом мосте, Афанасии Никитине и БИндийской земле, о Лхасе и дерадунском шпионе, о Бенаресе, Ганге, паломниках и погребальных кострах, о гербе Индии и кармических превращениях, о ведических гимнах и шудрах

С.С.: Индия стоит на одной ноге, а ладони сведены над головой, в Гималаях. В горле – огонь смерти, преображение, Варанаси. Нижняя чакра – земля тамилгов, красная, с зарослями людей, хтонические гениталии, – там, где мы. К югу движемся, вниз, к пятке. И еще чуть ниже, к большому пальцу, на котором стоит, а солнце его обметывает, вздымаясь из океана и погружаясь в него, так, что видишь всю дугу этого солнечного коромысла, не сходя с места. Туда и едем – к концу-началу.

С.А.: Да, тем более что в Индии ни конца, ни начала нет. Нет календарной точки отсчета времени в индуизме. У христиан есть, у мусульман, буддистов... Как только назван день рождения, там и конец истории. Немцы вот уже подсчитали, сколько поколений осталось им, – одиннадцать колен.

С.С.: Ну, до коленей Индии мы еще не спустились, поезд наш едет где-то от сердца ее к животу, Мадхья-Прадеш, лунные пейзажи в окне плывут. Громадные валуны на мизинцах стоят, хижины на них гнездятся. Воскресенье сегодня. Давай отдохнем от взрослых разговоров и побудем как дети.

Вот мы с Зоей в дорогу взяли две книжки: Упанишады в переводе Йейтса и Хожение за три моря Никитина. А вот закладка в Никитине – это мы перед отъездом набрали в Яндекс «Индия, новости», и тут посыпалось, как из рога изобилия. Мы только и успевали, как обезьяны, перепрыгивать с одной ветки новостей на другую. Сказочное дерево, чудесное дерево выросло. Мы даже не удержались и распечатали пару страничек. Вот, например:

Восстание сипаев в 1857 году началось потому, что бумажная обмотка патронов к новым ружьям Lee Enfield была промаслена говяжьим жиром и перед зарядкой патрона ее нужно было срывать зубами.

В провинции Орисса поезд потерял управление и раздавил стадо коров. Сотни жителей окрестных деревень легли на рельсы и обещали дождаться следующего поезда, чтобы умереть так же, как и священные животные.

В индийском городе Райпур в полиции служит 5-летний Саурabh Нагванши.

В Чинае змеи захватили здание суда.

В Бомбее вторую неделю поперек дороги стоит брошенный Boeing-737. Без крыльев, хвоста и двигателей. Кто его вез и куда, остается невыясненным.

У Джулбая Раджпула корова съела 1722 алмаза.

76-летний Прахад Джани вот уже 68 лет не ест, не пьет и не испражняется.

Полицейским в индийском штате Андхра-Прадеш начали ежемесячно доплачивать за наличие усов. Поощряются усы, щегольски закрученные над верхней губой. Опущенные вниз усы разрешаются, если не выглядят устрашающе.

Фермеры в штатах Андхра-Прадеш и Чаттисгарх в борьбе с паразитами опрыскивают свои хлопковые поля кока-колой. По словам фермеров, тля и прочие насекомыедохнут от нее так же быстро, как и от пестицидов, а стоит она в несколько раз дешевле.

В 78-й день рождения премьер-министр Атал Бихари Ваджпай получил поздравительную открытку длиной в 1 км и весом 170 кг. Работа каллиграфов над ней заняла более двух лет.

У 110-летнего Балдева выросли два новых зуба.

Обезьяны ворвались в правительственное здание, заняли кабинет министра нефти и уничтожили важнейшие документы.

Открыта клиника для змей.

Двухлетняя девочка Кавья Гупта переплыла бурный Ганг шириной в 1700 метров, на двести метров превзойдя заплыв трехлетней Таруны Нишад.

В 1969 году Шив Харан Ядав поклялся, что не женится, пока не сдаст экзамены, которые обычно сдают школьники в 15-летнем возрасте. На днях 73-летний Ядав в очередной раз завалил все предметы, кроме санскрита.

Полковник Кохли, командир артиллерийского полка, подкупил жителей местной деревни, облил их кетчупом, отснял инсценировку с убитыми им повстанцами, выслал фотографии в штаб армии, ждал медалей. Уволен «за фальсификацию боя».

Храмовая королевская кобра бросилась на кормившего ее священнослужителя и тут же в судорогах, плюясь кровью у его ног, умерла. Змею отвезли к ветеринару, который не обнаружил в ней каких-либо физических отклонений. Священник поправился и благодарит Шиву за исцеленье, так как яда такой кобры обычно достаточно, чтобы убить слона.

Пилот рейса Дели – Лондон ушел из самолета, стоявшего на взлетной полосе, – поспать. 13 часов высаженные пассажиры ждали, пока он выспится.

С.А.: Да, ничего удивительного – это будничная жизнь, которую ты здесь видишь на каждом шагу. Это не значит, что индусов ничто не способно удивить. Просто порог удивления выше этой травы.

С.С.: А травы – до неба. Могу себе представить подобный опыт новостной сводки, скажем, нашей или той же Германии.

С.А.: Германия в определенном смысле – анти-Индия.

С.С.: А что это за история, которую ты рассказывал о некой женщине, пошедшей за покупками и вернувшейся жизнь спустя?

С.А.: Молодая женщина, мать скольких-то детей, едет в соседний городок за покупками. На обратном пути садится по рассеянности не в тот автобус. Потом, пытаюсь вернуться, опять не в тот. Другая местность, другой диалект, одна буква в произношении меняет ее дорогу на противоположную. Чем дальше, тем труднее ей объясниться. Она уже с трудом понимает речь попугачиков. Дни, ночи идут автобусы, она уже четверо суток в пути. Наконец садится в тот, на котором видит имя своей деревни. Едет, едет, пересекает границу, одну, другую... Неведомый край, никто не знает ее языка, одна, деньги кончились. Нищенствует, нанимается на работу, прислугой. Студенты-этнологи идут по улице, слышат тихое пение в саду за оградой. Песня на диалекте тех дальних краев, откуда сами они.

С.С.: Да-да. Входят, видят ее, сидящую под деревом, семидесятилетнюю.

С.А.: Эти студенты и помогают ей вернуться домой. Сорок четыре года прошло с тех пор, как пошла за покупками.

С.С.: Дивная история, роман. А тут это будни, похоже. Как эти разобранные пути и коровы на них с пучком травы в углу рта, часами глядящие в семафор. И поезд за ними, срезающий угол, откуда-то сбоку, идя через поле, сквозь камыши. Роман с языком. Двести пятьдесят наречий у них, джунгли. У нас – язык до Киева. А у них – свернул за угол, за

овощами, дочка младшая, пятилетняя, машет из-за калитки, вернулся к обеду, а ей уже пятьдесят, машет из-за калитки. Куда ее занесло – в Бутан, в Бирму?

С.А.: В Гималаях есть такой автобус, едет всю жизнь, снега, долины, люди входят в него, выходят, а он все едет, нет у него конечной остановки.

С.С.: А что это за городок такой в Индии, как он называется? – где бог крыса, аватара его. Люди все в крысах ходят, едят с ними, спят, рождаются, изо рта кормят.

С.А.: Но заметь, никаких эпидемий.

С.С.: Бог бережет. В постель ложишься, а она вся живая. Сел за стол, а тарелка как солнышко серое, со всех сторон к ней припали, едят с тобой. Да, нашей психике с этим трудно сжиться. Всё другое, и тактильность у них другая, и пластика чувств, и мышление. Как те англичане в борьбе со змеями. Мол, за каждую пойманную кобру – награда, столько-то рупий. Сомневались в успехе: все же кобра у них священна, у индусов. И вдруг – неожиданный результат: идут и несут, всем народом, по всем дорогам, и с каждым днем все больше и больше. Быть не может, чтобы столько кобр они ловили. Так и есть. Не ловили, стали выращивать и сдавать. Факт. Вошел в учебник по психологии менеджмента.

С.А.: Эта разница хорошо видна в известных беседах Кришнамурти с Дэвидом Бомом, нобелевским лауреатом в области физики, Эйнштейн его выдвигал. И вот прогуливаются они в Броквуд-парке, разговаривают. Бом говорит: «У меня возникло ощущение мысли в ее отношении ко времени. Что прошлое и будущее присутствуют вместе, и существует движение какого-то иного рода, что движется вся модель в целом». Кришнамурти: «Продолжайте, сэр». Бом: «Но я не в состоянии нарисовать, как она движется. В некотором смысле она движется перпендикулярно направлению между прошлым и будущим. И тогда я начинаю думать, что движение проходит в ином времени». Кришнамурти: «В том-то и дело. Не существует ли разум вне времени и потому никак не соотносится с мыслью, которая есть движение во времени?» Бом: «Но мысль должна иметь какое-то отношение к разуму?» Кришнамурти: «Разве? Это вопрос. Я думаю, что связи меж ними нет».

С.С.: Чудесная история. Так и видишь их, прогуливающих под руку в разных не пересекающихся между собой измерениях. Восток и Запад. Чем тут ответишь? Пропала гора. Стопятидесятиметровая. Вчера была, а сегодня нет. Или вот еще послушай:

Новая форма полицейских будет пропитана цветочной эссенцией.

Двадцатилетняя Тулси Девипуджак вышла замуж за утопленника Санджая Датаня. Покойника нарядили как живого, усадили за свадебный стол, ритуал проходил на многолюдной праздничной сцене.

Полицейский трое суток гнался по джунглям за преступником, увидел пещеру, думал, он там, вошел и открыл наскальные шедевры мирового уровня.

В Голубых лесах на северо-востоке открыли новый вид млекопитающего. Где мы живем? Скоро и человека найдут.

Два брата пошли в школу. Учителя очень довольны их успехами. Старшему брату 110 лет, младшему 90.

Полицейские в Бихаре вместо денежного штрафа за превышение скорости присуждают водителю полукилометровый забег в позе лягушки. При этом нужно держаться за уши и выкрикивать имя политического лидера той партии, за которую он голосует.

С.А.: В прошлом году в Ришикеше тоже видели полицейского. Он оштрафовал одного водителя на тридцать пять приседаний – тут же, в гуще движения, посреди дороги. А приятелю известного тебе Джаянта пришлось простоять двадцать минут на одной ноге, левой рукой держа себя за ухо. За то, что ехал без шлема.

С.С.: Да, Джаянт очень колоритная фигура. Отец его из касты брахманов, профессорствовал в различных университетах Индии, преподавая санскрит. Пару лет назад отошел от службы, вернулся в дом, начало сдавать сердце. Стройный, легкий, сухопарый... Знаешь, такое чувство, на него глядя, как будто он сохраняет какую-то деликатную дистанцию... к чему? А пожалуй, что ко всему. Ходит босиком, в мучных парусиновых штанах и таком же кителе, расстегнутом на голой груди. И такая же деликатная дистанция между пяткой и землей. Не знаю, как ты, но я, закрыв глаза, его всегда как-то соотносил с листом чистой бумаги и умеренно заточенным карандашом, с мельницей, мельником, мукомольным запахом – светлым, прохладным, сухим.

С.А.: В этом смысле Джаянт – полная ему противоположность. Сочная живопись. С годами, конечно, кисть женственно утончается. До женитьбы он был похож на Раджи Капура. А еще чуть раньше – на местного Робин Гуда. А еще раньше – жесткая дисциплина школы йоги при известном тебе ашраме.

С.С.: Из сонма вредных историй о его детстве я толком не запомнил ни одной, просмеяв вместе с ним их до слез. Много про обезьян. Одна из них о том, как он разъярил громилу округа – уж не помню чем, но тот гнался за ним по крышам домов и плыл через Ганг и настиг его запертым изнутри в туалетной времянке, обходя ее и тряся. А Джаянт, которому о ту пору было лет десять, тем временем разбирал в туалете пол. И, дождавшись, когда громила, скрипя зубами, жуя пену, уселся напротив двери, распахнул ее, балансируя на боковой жердочке. Вождь с ревом прыгнул, а Джаянт, уворачиваясь, потерял равновесие, и оба ухнули в этот вязкий омут. И, задыхаясь, дубасили по нему, выбираясь, карабкаясь друг на друга. Обессилев, слипшись, они выбрались наружу – щекой к щеке. И в ужасе отпрянули друг от друга. Разошлись, не оглядываясь – каждый в свою семью. Вождь после этого случая эмигрировал. Джаянт поступил в академию йоги. Возмужав, он открыл свое дело, начав с торговли всяческой мелочью, и этим уже одной ногой соскользнул на две ступени вниз от наследственной линии брахманов.

С.А.: Нет, брахманическая линия на нем еще не прерывается. Для этого нужно, чтобы и сын Джаянта стал на путь отца, а не деда.

С.С.: Да, но родится у него дочь, а не сын. А тем временем дело у него шло в горку, и через какое-то время он уже раскачивался в шезлонге, укрытый пледом, в саду у небедной австрийской вдовы, поглядывая на альпийский закат и прицениваясь к расширению бизнеса. Открыл в Ришикеше магазин с кондиционером и темными витринами, где рядом с цейссовскими биноклями лежали местные травяные сигареты без никотина и табака: *Нирдош, дхупман – реальное курево*. Одну из этих пачек купил и я. Помимо прочего на ней было написано: *что за блаженство на Вас нисходит – дхупман! – для здоровья, счастья и творческого просветленья сознания*. И никаких наркотиков, – девять лечебных травок, завернутых в лист десятой. В последние пару лет бизнес его все более смещался в сторону туризма – услуги и аксессуары, а после свадьбы, с приданым невесты, он принялся за расширение дома до дворцового пансиона.

С.А.: На его свадьбу, как ты знаешь, съехалось три тысячи гостей. Поселок гулял две недели, были построены шатры вдоль Ганга.

С.С.: Да, я видел эти сорок часов домашнего видео. А потом он начал строить царство для своего наследника, белокаменное. Для наследницы, оказалось.

С.А.: Слава – в скоте, свет – в звездах, бессмертие – в детородном члене, всё – в пространстве. То, что здесь в человеке, и то, что там в солнце, – одно, говорят упанишады.

С.С.: Как она называется, эта одиссея паломников, эти мужские иды – во весь январь? Помнишь, ты говорил? Трудное слово, согласных много. Когда все мужчины по всей Индии покидают свои дома, семьи, образуя мужские братства, где, кроме воздержанья от женщин, никаких запретов, только радость странствий, мальчишеская радость похода, костров, встреч, и месяц спустя – возвращенье с подарками и рассказами.

С.А.: Я бы вам посоветовал взять дал и самосу. Здесь не очень остро готовят. Не то что на юге. А, у них остался еще омлет. Это, наверно, лучше для вас, хотя тоже с луком и специями. И прямо сейчас можно заказать ужин.

С.С.: К станции подъезжаем, может, бананов купим?

С.А.: Да, на юге у них будет совсем другой вкус. А вообще, их около восьмидесяти разновидностей. Вот, кажется, красные продают, попробуйте.

С.С.: А что это за Адамов мост?

С.А.: Где?

С.С.: Вот, на карте. Цепь островов между Цейлоном и индийским материком.

С.А.: А, Рамешварам. Одно из четырех самых святых мест на земле.

С.С.: Да, ворота в мокшу, в рай индийский, прижизненный.

С.А.: До землетрясения в пятнадцатом веке эта нить островов соединяла оба берега непрерывной линией. По преданиям мусульман, Адам вышел по этому мосту из рая, находившегося на Цейлоне, ступив на материк. Индийский эпос Рамаяна говорит о рукотворном происхождении этого моста, построенного людьми и обезьянами для бога Рамы, который прошел по нему с материка на Цейлон, где находился сад демона Раваны. Этот демон заточил возлюбленную Рамы Ситу.

С.С.: Да-да, мы видели этот снимок НАСА. Под водой – каменная цепь, похоже, искусственного происхождения. Радиоуглеродный анализ вроде бы подтверждает это. Где-то около семи тысяч лет. А Рамаяне – четыре-пять. То есть получается, один оттуда идет, из рая на землю, другой туда – в рай, который... сад демона. Той же дорогой, по тому же мосту. Одновременно? Или вначале рай, а потом – свято место... А мы как движемся? Будто одновременно – в обе стороны.

Значит, обезьяний народ строил этот мост, да?

С.А.: Что ж удивительного? Еще Никитин в пятнадцатом веке их видел, писал об их шерстяном народе в джунглях, воинах, чьих детенышей люди выкрадывали по ночам, чтобы назад не нашли дорогу, и затем обучали портняжному и цирковому делу... А во времена Рамаяны почему б им не быть, вырождаются не только они. Да ведь и просто могли не выжить.

С.С.: Кто знает – кто выжил в нас? Кто нас выжил. Баба Адам. Да, у Никитина где-то, в «Хождении за три моря» – баба Адам лежит на мосту.

С.А.: Нет, у него он на горе Серендиб лежит.

С.С.: А почему баба? Странник, что ли? Или в том смысле, что он же и Ева?

С.А.: Как говорил Йогананда, этот сад райский был внутри них, и были они одним; Адам – разум, Ева – чувства. Одно на двоих кровеносное дерево. И яблоко пола посередине.

С.С.: Чувства возобладали, страсть, покатилося яблочко...

И тут есть Ындейская земля, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много, а мужики и жонки все наги, а все черныя; яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку. А князь их – фота на голове, а другая на гузне; а слуги княжие все наги, да босы, да болкаты, а волосов не бреют; а паропки да девочки ходят наги до семи лет, сором не покрыт. И яз грешный привезл жеребца в Ындейскую землю, кони у них не родят...

Никитин пишет, пятнадцатый век, еще почитаем?

С.А.: Да-да-да, очень многие носят не свою одежду, говорят не свои слова, не сочетают цвета со своим внутренним светом. Это может странно звучать, но даже покрой одежды или ритм смены ее могут так же влиять на жизнь человека, как и путь, профессия, круг общения, место жительства.

С.С.: Да о вере же о их распятах все, и оны сказывают: веруем в Адама, а Буты, кажут, то есть Адам и род его весь. А вер в Индеи всех 80 и 4 веры. К бутхану же съезжается вся страна Индийская на чюдо Бутово; да у бутхана бреются старые и молодые жонки и девочки, а бреют на себе все волосы, и бороды, и головы, и хвосты. А перед Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан ис камени ис черного, а весь позолочен, а целуют его в копыто, а сыплют на него цветы. Идем вдоль стены, к южным воротам, заворачиваем за угол.

С.А.: Они говорят: в Атмана веруем, а Никитину Адам слышится.

С.С.: А ты послушай, что дальше слышится, настоящая мантра:

А со мною нет ничего, никоея книги, а книги есмя взяли с собою с Руси; ино коли мя пограбили, инии их взяли, а яз забыл веры крестьянские все, ни Велика дни, ни Рождества Христова не знаю, по приметам гадаю, а промежу есми вер таньгрыдан истремень олсакласын; олло худо, олло акь, олло ты, олло кармиелло, таньгресень, худосеньсень. Богь един тот творець небу и земли. А иду я на Русь, кетьмыштыр имень, урус тут тым.

И что он шифровал, для кого, зачем?

С.А.: Да, это смесь тюркского, фарси...

С.С.: Может, опасался, что за шпиона примут? Казалось бы, наоборот – это и должно было вызвать подозрения. Трудно представить себе индуса в роли шпиона. Хотя почему нет? Помнишь, как его звали, того индуса – Сингх? Пандит? Нет, пандитом его называли британцы. Тридцать три года, школьный учитель из Дерадуна, совсем рядом с нами. И вот он идет, восемьдесят сантиметров – шаг, ровно восемьдесят, как под линейку, день идет, неделю, месяц, все выше в горы, уже снега, льды, перевалы, а он идет, молча, четки в руке

перебирает, но не сто восемь камешков в них, как у всех, а ровно сто. Идет, считает свои шаги – четками, чтобы не сбиться, и чтоб мог говорить, считая, если вдруг встреча какая или караван попутный. Месяц, второй, третий, полгода идет. По камням, рекам, по льду, снегу, ровно восемьдесят – каждый шаг. А в другой руке – мельницу молитвенную крутит. Но в ней не мантры, а лента бумажная, на которой потом записывает шаги, местность, цифры. Кому придет в голову открывать его мельницу или пересчитывать четки? Он называет себя то купцом, то монахом. Караваны сменяются на пути. Люди мрут, лошади в пропасть валятся, яки вмерзают в лед, а он идет, мельницу крутит, четки перебирает. Шайки разбойничьи рыщут, вспарывают животы. Идет, шаги считает. Куда? В Лхасу. Уже полвека как неприступную. Ни карт, ни дорог. Ни одного инородца там, в городе. А те, кому удалось пробраться, пойманы, обезглавлены. Мельница, четки, и он идет. Как шпион. Это британцы, его заславшие, так считали, когда готовили. Ведь на карте того времени как было? Сверху – Российская империя, как чернильное облако, подплывает к Тибету, снизу – британская Индия. И это игольное ушко меж ними, белое – Лхаса. Нужно опередить русских, вдеть нитку в Бога. Но нет пути, нет карты. Вот и обучают его наскоро картографии, а языки он знает. Пандитом его зовут, то есть странником, мудрецом, учителем. И вот он входит в Лхасу. Восемь месяцев шел. Снимает комнату неподалеку от дворца. Прогуливается, делает записи. Видит, как рубят голову какому-то инородцу. Которым мог быть и наш Пржевальский. Несколько раз тот пытался проникнуть в Тибет, безуспешно. Нет, это было чуть раньше. И вдруг приходят за ним. Лама его приглашает на личную встречу. Всё, думает, разоблачен, не уйти. Даже если б он знал все ритуалы, все тонкости как монах, за которого выдавал себя, Ламу не обмануть, он же видящий, в сердце смотрит. Но Лама оказывается семилетним ребенком. Разговор между ними нам неизвестен, но вот он входит к нему и затем выходит, и продолжает жить в той же маленькой комнатке, без окна. Снова стук в дверь. То был Лама, теперь Далай-лама зовет его. Бежать поздно, ведут. Входит, выходит. Живет дальше. Вскоре он отправляется в обратный путь. Но другой дорогой. И опять – мельница, четки, шаг, полгода. И еще петлю набросил в один месяц – на тот, прежний путь, где один переход у него выпал из счета, когда он по реке спасался от головорезов. Клятву себе дал, что вернется и сосчитает – эти столько-то гор, ложбин, троп, валунов, деревьев... В кровь ободран, один скелет идет, крутит мельницу, в небо уносит сводку: пихтовый лес, азимут 36, четки перебирает: семь миллионов четыреста двадцать три тысячи шестьсот тринадцать шагов и так далее. Пришел в Дерадун, полтора года спустя, слепой, седой, неузнаваемый. Живет дальше, один, в пустом доме, как прежде. Карты, составленные им, по сей день в деле, не уступая спутниковым. Награжден. Королевским географическим обществом. Грамотой и медалью. Тайно. Больше о жизни его ничего не известно. Британцы называют его самым успешным шпионом. Лама, этот, четырнадцатый, в своей прежней жизни, когда был похож на молодого мадьяра с усами, текущими к подбородку и глетчерным взглядом, тем, кайласным, не говорит о нем ничего. Сам Сингх, воротясь в Дерадун, живет молча, в слепоте, до смерти.

С.А.: Да, поставь на пол, они уберут.

С.С.: Голос изменился, слышишь, – у поезда. Теперь так протяжно поет, с долгим вздохом. А утром, наверно, другой машинист был, резкие такие гудки. Как окрики. Да, окрики. А этот окликает – поля, горизонт и все то, что не в поле зрения, неочевидное, прошлое, будущее. Ведут этот поезд, как женщину. Живут, поют, танцуют. И эти открытые тамбуры с плывущими ступенями над красной землей. Как в детстве. Сидишь, перелистываешь дали, как книжку с картинками.

С.А.: Сейчас не очень людно в поезде. А в дни паломничеств едут на крышах, поезда похожи на деревья. По этой же дороге едут, с юга на север. Один из пиков в мае, после

урожая, перед сезоном дождей. К Гангу – в Варанаси, Аллахабад, Харидвар и выше, к истоку – Ганготри, Бадринатх. Есть и особая практика – пройти вдоль всей реки. Это занимает около шести лет. Счастлив тот, говорят индусы, кто омылся в Ганге, постригся в Праяге, а умер в Варанаси. Оканчивающий свою жизнь погружением в Гангу обретает вечное блаженство. И такая смерть освящена традицией, не являясь буквальным самоубийством, как и уже отошедшее в прошлое сати – самосожжение вдов на погребальных кострах мужей.

В одном из преданий житель Калькутты приходит в глухую деревню, расположенную на другом конце света от Ганги, и в доме, где он остановился, ему наливают кринку молока, смешанного с пеплом умершего сына хозяина – чтобы хоть пепел впитался в кровь, сливаясь с каплями Ганги.

Индия для индуса, как сказал Вивекананда, это священная Ганга и Гита. Удерживающий ее в памяти не пятнается грехом, даже уничтожив эти три мира, даже вкушая пищу, полученную от кого попало, – говорит Ригведа.

С.С.: Я помню свою первую встречу с Варанаси. Какая-то сновидчески-зыбкая картина. Город, закат, река. Дома вдоль реки, забрели в воду, смотрят в свои отраженья, стеариновые, с наплывами. Лодки плывут, люди поют, весла гребут пепел. Он стекает с весел, как ртуть. Видно, не очень смешиваясь с водой. Костер на берегу, жгут людей, очередь, сносят с лестницы, кладут у воды, ждут, когда догорит тот, за кем заняли. А в небе, на крышах домов, мужчины стоят, многодетные, запускают змеев бумажных, и поют. Нет, не как те, в лодках, а, запрокинув головы, вдруг вспевают, будто голосом левитируют, и бегут по крышам, держась за нити, озарены солнцем. Так и осталось в памяти: треть мужчин по крышам бежит, запуская бумажных змеев, другая – горит в огне, а третья – в лодках плывет, поет.

А потом какая-то маленькая гостиница, тихий внутренний дворик, руины храма, девочка лет тринадцати, в таком же бумазейном платице, как эти палые листья, которые она поддевает босой ногой, не замечая их, блуждая взглядом, ходит с зубной щеткой во рту, то вспомнит о ней, потрет зубы, и снова забудет в углу рта. Неприкасаемая, живет в этих руинах. Ходит весь день, до луны. А по крышам над ней бегут со змеями, весь город бежит, держась за нити. А за рекой – стоящие вниз головой, врытой в песок, йогины. Сорок дней стоят, в коме, со свернутым в гортани языком, омолаживаются. И над всем этим – солнце, низкое, красное, в перламутровом, почти бесцветном воздухе, будто вырезанное из другого неба.

А потом, уже южнее, в какой-то заброшенной деревушке – слона водят по дворам. Храмового, в золоте. И вся деревня нашептывает ему в хобот, в ухо все несчастья свои, заботы. А он берет их и передает выше, медиум, тонкая кожа, слушает каждого, кивает и переходит в следующий двор. Такой у них раз в году ритуал.

С.А.: А знаешь, что начертано на гербе Индии?

С.С.: Ом?

С.А.: Тепло. Из упанишад. «Побеждает лишь истина». А в менее прямолинейном переводе: *видящий* владеет сутью вещей.

С.С.: А как называлась та деревушка в Раджастане, не деревушка даже, а три лачуги среди пустыни, голые, продувные, сквозь которые полз песок? Горстка людей в полторы семьи, вишнуви – те, у кого и на ветку дерева рука не подымет, те, кто еще дальше пошли, чем джайны с марлевыми повязками на лице, чтобы вдохом кого не обидеть. А эти, в пустыне, нищие, сыпят на землю последние зерна, кормя журавлей перелетных. Прадеды сыпали маленькой стае в десять-пятнадцать птиц. А теперь со всего света летят

журавли к этой лачуге, вся пустыня до горизонта в крыльях, и эта горсть зерен, в той же ладони, последней, с того же порога сыпется... А тот индус, который собой заслонил маленького оленя от пули, жизнь отдал за животное, которое кто ему? – впервые видел и не увидит больше. Кто сегодня способен на это?

С.А.: Смотря где, здесь это не исключительный случай. А почему? Потому что ты не олень и не журавль. А бог. Бог во всем. Вот эта корова – бог, вот это дерево. Вспомни страницы Махабхараты, там этот сюжет часто варьируется.

С.С.: Я знаю другую вариацию, московскую. Есть у нас там знакомая, Андреевна, в «Реал-хаусе» работает. Кошек у нее полон дом, приехала мама ее в Москву, старенькая, навестить, и пока Андреевны дома не было, собрала кошек в мешок и вынесла. А потом, годы спустя, когда мамы не стало, идет Андреевна как-то поздним вечером, видит: сидит, под мусорным баком, дрожит, в глаза смотрит... Мама. Взяла ее, принесла домой. Ведь она, Андреевна, кто? – прадед. Ее прадед. Это во сне открылось ей, как лежит она под забором своего завода за три дня перед революцией, пьяная лежит, а завод ее, то есть прадеда, отберут, всё отберут, и дом, и жизнь, трудно ей пьяной во сне лежать, она ж непьющая, а потом берет листок бумаги и пишет: Господи, ты же видишь, не о себе прошу, а помочь нужно людям, мол, так и так, и в конверт кладет, и опускает в почтовый ящик – Господу. А потом все эти миллионы сыпятся на нее, ниоткуда, квартиры в Москве, заводы, и тот, в Саратове, который отняли, и вот мы сидим с ней в ресторанчике, у проходной «Реал-хауса», и она говорит: ну сколько вам нужно – два, три миллиона, у меня много их, решено, и не думайте о заботах... И светится вся, в легком, белом, а глаза у нее синие с тем вдруг замедленным взглядом, как у младенцев. Друг ее, армянин, Аско, конем был в прошлой жизни, как она говорит, из смерти ее выносил, в крови весь, в ранах. Первую жизнь живет человечью. Что, тяжело тебе человеком, спрашивает его. А он дышит, голову опустив на грудь, голый, ни волоска шерсти. Он же как лось тот, она говорит, как лось тот, помните, забрел в город, стоит на детской площадке посреди Москвы, голову всунул в игрушечный домик и вынуть не может. Стали вытаскивать, а он так и умер, с домиком на голове, от разрыва сердца. И все б это бредом назвать, но куда девать очевидцев, заводы, нас?..

С.А.: Да, да. В этом великом колесе Брахмана блуждает гусь. Время от времени меня посещает Томар, учитель йоги в элитарном колледже в Дерадуне. Томар образец современного, обученного в университете инструктора йоги, обслуживающего социум, но честного, выглядящего как нормальный гротескный современный человек ниоткуда: бритый и стриженный, как лояльный гражданин Римской республики, одетый как некий гибрид служащего-ковбоя-спортсмена, т.е. в рубашке чиновника, в джинсах ковбоя, кроссовках и венчающей всю композицию шапочке бейсболиста. Продукт рыночной глобализации. И вот мы гуляем у Рам-Джула, в самый пик паломничества. Всё пространство заполнено двигающимися во всех направлениях паломниками, туристами, рикшами, коровами, собаками, обезьянами, мотоциклами, велосипедистами и еще чем-то, чему, по-видимому, еще нет определенного названия. Царит божественный, метафизический, флюидный индийский хаос, который сам себя организует. Прямо напротив нас, в маленьком пространстве между коровой и рикшей, появляется старый садху и спрашивает подаяния у Томара, который и выглядит как тот, у которого нужно спрашивать подаяние. Томар дает деньги, старик благородно принимает их и велит Томару подобрать с дороги камень и держать его в кулаке. Томар зажимает, старик шепчет мантру и говорит: «Теперь съешь это». – «Этот камень?» – «Это не камень, съешь». Томар ест и говорит, что это сладкое барфи. Старик исчезает в толпе.

С.С.: Перед нашим отъездом из Харидвара, пока ты стоял у кассы, один косматый полуголый старик с надменной осанкой подошел ко мне и, не глядя в лицо, а куда-то вверх и чуть вбок, как король, отчеканил: «Пять рупий. На мыло. Я требую». Лир! Я дал десять. Он взял, не взглянув. Рот поджал, отошел.

С.А.: Деньги и те, кто их делают, по-прежнему занимают низшую ступень общественного уважения. Высшую – по-прежнему – дух и те, кто его творят. Потому и нет недостатка в бесплатных клиниках и ашрамах, где любой – кто бы он ни был – получит и помощь, и кров, и еду.

С.С.: Или другая картинка. Ночь, юг Индии, храм. Вверх, во тьму течет, сливается с небом. Ворота заперты. Костер догорающий. У костра двое. Как их опишешь? Петр у врат рая и... Кто? Магдалина с осипшим лицом, маскулиная? Сидят на стульях, ноги в огне, головы в полотенцах, завязанных под подбородком. Ружья, как тени от них, лежат на земле, двухметровые. Подзывают нас, разговариваем. О чем? О способах передвижения. Скандхи, – говорит Петр, – обычно движутся ста восьмью способами, образуя устойчивые очертания. Но при переходе из одной формы в другую возникают завихрения и разрывы, образующие переходные формы. Между человеком, например, нюхающим цветок, и этим цветком. Или между звуками, которые я произношу, и вашим слухом. Или когда тело кладут в огонь и душа начинает блуждать, переходя, как с перрона на перрон, пока не придет ее поезд, не найдет свое место. Вот вы, каким поездом едете? АС? С резервированными местами? Хорошо. Иначе нужно искать себя в списках, они вывешиваются на перронах часа за два до отправления. Бумажные простыни с тысячами фамилий. Очень хлопотно. – Магдалина кивает, мнется в углях ступнями, топчется, подобрав когти, как кошка, говорить не может уже, урчит. – Храм, – переспрашивает, – какой коил? Там, за воротами, ничего нет, ночь. – А рты алые, как в крови, у обоих. Давно сидят. Втроем, с паном. Луна светит, плоская пирамида храма до облаков, испещренная барельефами, как гигантская микросхема. Входим, спускаемся в подземелье. Сумрак, факелы, и эти до пояса голые монахи-атлеты на маленькой сцене у алтаря. Сели напротив, смотрим: то ли дворик платоновский, то ли блоковский балаганчик, пожизненный, под землей. Разминаются телом, духом, диспуты попереж с лаптой. А то вдруг стихнут, гимны читают речитативом.

С.А.: Да, ритуал тот же, что и тысячу лет назад, когда ведические гимны разделялись на слоги и читались сначала по слогам в обычном порядке. Второй вариант предполагал рециитирование текста с учетом правил соединения слогов в слова, третий вариант – чтение по слогам, организованное так: первый слог плюс второй, второй плюс третий и так далее. Четвертый вариант: первый слог плюс второй, второй плюс первый, первый плюс второй, второй плюс третий и т. д. Пятый способ: первый слог плюс второй, второй плюс первый, первый плюс второй, затем третий, второй, первый. Причем иерархия соблюдалась очень жестко. Если шудра намеренно прислушивался к чтению вед, его уши следовало залить расплавленным свинцом. Если же декламировал ведийские гимны, ему следовало вырезать язык. Если он запоминал их, его тело следовало рассечь надвое.

С.С.: Хороший узелок на память для будущих эпох, с их поголовной грамотностью и хватанием книг с верхних полок, минуя нижние. Не безнаказанно. Язык мстит, мышление мстит, судьба, которая в конечном счете складывается в судьбу нации.

С.А.: Да, это справедливо для любой культуры. Не только для России. Для Индии тоже. Если бы при Ганди государственным языком был выбран санскрит, а не хинди – при голосовании перевес был незначителен...

С.С.: Ты хочешь сказать, что у Индии была бы иная судьба?

Беседа пятнадцатая

О соли и хлебе, о бакинском детстве, о возвращении домой – в Индию, о древе парампары и последнем прыжке

С.С.: Хлебушек вкусный, масло, правда, кончилось.

С.А.: Но соль осталась. В физической алхимии соль – Меркурий. В алхимии внутренней соль – это квинтэссенция тверди, земли.

С.С.: Да, соль земли. Но это какая-то странная соль, я такой раньше не видел.

С.А.: А! Это черная соль, ценнейшая. Она называется черная, хотя на самом деле розовая. Это гималайская каменная соль.

С.С.: Я думал, крупная, поваренная наша – образец соли, а тут этот порошок... Довольно неприятный запах...

С.А.: Это вулканическая соль, она немного пахнет яйцами.

С.С.: Да-да, тухлыми...

С.А.: Будем вкушать хлеб. Это можно делать двумя способами. Второй – ритуальный, через полное осознание цикла, метафизики создания хлеба. Но для этого его надо было печь самим или по крайней мере быть свидетелями процесса. Когда печется хлеб, это есть абсолютная метафора создания жизни. Метафизика зачатия, утробы – поэтому печь создавалась в форме влагалища, и это вызревание плода, роды... Смешение семени раздробленного зерна с женским элементом – водой, создание теста – это взаимопроникновение и этот мистический симбиоз мужского-женского, создающий третью жизнь – хлеб. И потом процесс доведения его в утробе печи. Поэтому хлеб всегда был основным мистическим продуктом. Мистерии выпечки хлеба – это древнейшие ритуалы.

С.С.: А этот хлеб, который мы едим, печет баба-невидимка в Лакшман-Джуле. Еще до рассвета он приносит свежие буханки хозяину той маленькой лавки на верхней дороге...

С.А.: Да-да. Положили хлеб в рот, и двое стали одним. Что есть знание чего-либо – цветка, например? Это когда ты становишься цветком, когда ты входишь с ним в состояние единства. Вот это – знание. А остальное – представление.

С.С.: Чайханщик рассказывал, что был свидетелем такой сцены. В том саду, где он продает чай у Ганга, появился – что нередко здесь – дикий слон. Один баба, спавший в это время под деревом, вдруг продрал глаза, поднял голову и увидел над собой эту громаду. Тогда баба встал и сказал: я – Шива! я...

С.А.: Аватар? Воплощение?

С.С.: Да, я не меньше тебя, я равен, и не боюсь тебя. Слон опустил свою голову, бережно взял его хоботом и так же бережно и нежно отбросил метров на пятнадцать. Баба встал, отряхнулся и исчез, больше его не видели.

С.А.: Похоже, не было единства чувства, мысли и поступка...

С.С.: Да, как у той тридцатиметровой змеи, чей след в прикаспийских песках был в полтора раза больше колесного следа грузовика. Или это было преувеличением детского восприятия? А какая первая картинка всплывает из детства?

С.А.: Первое воспоминание – трофейная кроватка, вывезенная родителями из Германии в конце сороковых годов, это была ручной росписи зеленая кровать с двумя масляными пейзажами: в изголовье – восход солнца, и в изножье – закат и уходящая за горизонт дорога. Затем – потолок, расписанный в стиле фальшивого барокко с причудливой формы окном в мир, которое было покрашено голубым. И восточные орнаментальные ковры на полу и на стенах, в лабиринтах которых я блуждал, засыпая и как бы исчезая в том окне надо мной. Эти ковры...

С.С.: Мандалы своего рода...

С.А.: Да. В исламском искусстве, как известно, были запреты на создание изображений – людей, животных. Эти узоры вводили меня в некое, говоря нынешним языком, медитативно-трансное состояние.

Я жил в странной квартире, уставленной мебелью в стиле модерн двадцатых годов, сделанной из чудовищного, неподъемного дуба, стены были украшены комбинацией иранского, турецкого, германского искусства. Одна из больших картин в стиле Делакруа изображала караван, один из любимых мотивов середины девятнадцатого века, караван верблюдов, уходящий в закат.

С.С.: И где-то в семилетнем возрасте ты увидел в зеркале не свое отражение...

С.А.: Раньше. Одной из моих любимых игр была игра с огромным трюмо в родительской спальне. Однажды я увидел вместо трехлетнего мальчика примерно пятидесятилетнего мужчину, лысоватого, с длинными волосами, с полуседой бородой, и я точно знал: это я. Что, кстати, позже и случилось.

С.С.: А что было за балконной дверью?

С.А.: За балконной дверью был Баку, бодрый марширующий персидско-турецкий Советский Союз. С другой стороны, моя бабка, знахарка, которая была для меня дверью в шаманский мир, пахнувший костром, пряностями и травами. Как только она появлялась в нашем доме, где обосновывалась на пару месяцев, я тотчас же перемещался на ее уровень – уровень пола, и проводил это время, вдыхая ветхий запах ее одежд, ее страшного сказочного мира, укутанного в несколько юбок.

С.С.: А дед?

С.А.: Он был репрессирован в двадцатые годы, задолго до моего рождения, я лишь видел его фотографию. Дед был суфием. Дети деда – мой отец и его четыре брата – были музыкально одарены. К сожалению, никто из них не реализовал этот дар, оказавшись замороченными строительством социализма.

Здесь ведь сезон дождей только что закончился, пару недель назад. Все это было затоплено. Иногда так затапливает, что вообще нет дороги. Лучше взять пакори, чем самосу, она будет слишком острая для тебя. Терпимость индийцев связана даже не с состраданием, а с принципом: живешь сам, дай жить другим.

С.С.: Мы остановились на...

С.А.: Да, жизнь отца была для меня сильным стимулом и уроком. Не предавать путь и быть открытым.

Языков в Азербайджане было три. В плане религиозной жизни, законодательства и т.д., использовался арабский язык. В материях, касающихся поэзии, красоты, мистицизма использовался вокабуляр фарси. Для обыденной жизни – турецкий язык. И эта свобода выбора вокабуляра и инструмента создавала определенную предпосылку для расширения сознания.

Я родился в двадцати пяти километрах от древнейшего святилища, естественного храма Шивы <...>. Этот храм был святилищем для многих огне- и солнцепоклонников в течение тысячелетий. С приходом Советской власти этот огонь погас. Огонь, который можно наблюдать сегодня, – искусственный, через подведенные газовые трубы, который поддерживается для привлечения туристов.

Для меня очень важным было это путешествие к истоку. Парадоксальным образом это путешествие превратилось в затяжную петлю: от Баку – через Москву, Прибалтику, Германию, Испанию – в Индию, домой.

С.С.: Вот, самое время сказать о парампаре. Мы так часто упоминали о ней, об этом доме всех вещей, но так и не дали ей внятного определения.

С.А.: «Парампара» на русский обычно переводится как преемственность, традиция, непрерывный поток. Но за буквальным смыслом «парампара» – это вселенский, живой, движущийся во всех направлениях орнамент-дерево, в котором любое явление имеет свой путь и время возвращения к истоку. Например, через 836 000 000 000 000 000 000 000 условных земных лет (период полураспада протона, известный ведической астрофизике и математике).

Квинтэссенция игровой стихии энергии – свобода. И парампара предлагает пути и инструменты для этой игры, главный из которых – искусство, искусство жизни, смерти и того, что за ними. Без опыта йоги – цельности, единства – жизнь напоминает музицирование с ненастроенными инструментами.

Жизнь нормального человека – это лишь композиция некоторых ментальных, эмоциональных, физических привычек, мыслимая как «я». Привычка основана на памяти – теле парампары, – имеющей три основных уровня: универсальная память, с момента первого вдоха Вселенной, Большого взрыва, до появления первых феноменов; индивидуальная память, с момента создания специфических форм жизни, включая минеральную, растительную, животную, человеческую и др. (отсюда, например, как бы странные связи с определенными животными, растениями и пр.), и, наконец, актуальная память с момента последнего рождения до текущего момента...

Клинически нормальные люди живут лишь этой, актуальной памятью. Остальное заблокировано или бродит в виде неосознанных, смутных комплексов. Центробежная, актуальная память занята в основном коллекционированием, инвентаризацией, манипуляцией фрагментов, впечатлений и реакцией на них. Центростремительная память возвращает капли фрагментов текущей жизни в реку накопленного прежде архетипического опыта, которая завершается растворением в породившем их океане. Любой творческий процесс следует центростремительному, или центробежному, или заикленному в сансаре движению с соответствующими последствиями. Парампара – шрути-смрити. Основа парампары – слышимое (а значит, ведомое, видимое) и память, вплоть до точки исхода и завершения, где нет событий, где нечего помнить. Иронично, что основа текущей цивилизации – книга – весьма печальный памятник потери живой памяти.

Конкретная человеческая парампара – результат взаимодействия семи космических мужских ветвей-лучей и пяти женских, образующих вместе 12 классических архетипов, объединенных Духом. Эта духовная инициация не абстрактный процесс, но ясный, для тех, кто видит и помнит, орнамент, web, network, имеющий свою топографию и географию, подобно каналам и точкам акупунктуры человеческого существа (мы имеем 547 чакр и 180 каналов, из которых 7 чакр и 54 канала – основных).

Подобная же ситуация с живым существом – планетой Земля, имеющей свои чакры и каналы, также, подобно человеческим, имеющим свое место и предназначение. Духовный центр мира – гора Кайлас – трон Шивы. Гималаи, Кашмир были и остаются магнитом для неисчислимых странников, движимых памятью, ностальгией, голодом, необходимостью – среди них Александр Македонский, Аполлоний Тианский, Иисус, Фома, Иоанн, Аль-Бируни, Блаватская, Рерихи, Вавилов – всех не счесть. 30 миллионов лет назад Кайлас был высочайшей точкой планеты, и по сей день эта космическая антенна продолжает транслировать энергию духовной парампары.

Последняя, верхняя ступень парампары находится в надындивидуальном пространстве – там завершаются человеческие усилия и работает только ее энергия в форме кармического гуру – духовного проводника. Можно все жизни прожить, не ведая о парампаре, но последний прыжок невозможен без сознательного и полного в нее возвращения.

Беседа шестнадцатая

О храме Марса, Хрониках Акаши, об отношении к судьбе и языковом барьере культур

С.С.: Человек не равен себе. То больше, то меньше себя. Есть тяга к родству – с собой. И не меньшая тяга – к отчуждению от себя. Драма рая – меж ними.

«Человек осуществляется не в одной из своих возможностей, – пишет Хайдеггер, – а в своем существе понимающего-в-мире, хранителя его истины». То есть не «быть» (Запад) и не «не быть» (Восток), а удерживать все возможности открытыми. И в этом смысле – быть не там, где ты есть, а напряжением всего поля.

Мы только вчера – невероятно, кажется, годы прошли, – достигли южной Индии, от третьего ее глаза мы спустились...

С.А.: К основанию позвоночника.

С.С.: В нескольких километрах от океана. Сидим мы в таком месте, описание которого уже требует сотен страниц. Это храм Марса, храм Шивы, один из девяти храмов, которые, как криптограмма, вписаны в эту местность – храмы Луны, Солнца и т.д. Сюда редко добираются европейцы, это земля тамиллов, дравидов, где за последние несколько тысяч лет мало что изменилось.

Храм Марса... Мы сидим в одном из его внутренних дворов, полная луна отражается в бассейне, занимающем все пространство этого двора, тесня к стенам расписные колонны, перелистывающие себя в воде. Посреди бассейна – храмовая беседка со скульптурами...

С.А.: С лингамом Шивы. Символизирует центр космического океана. Бассейн – космические воды. Храм с лингамом Шивы – ось, центр.

С.С.: За этим крылом галереи уже идут рисовые поля, джунгли... В нишах стен стоят разрушенные или слегка поврежденные фигуры Шивы, Ганеши, лошадей, слонов, птиц, деревьев, вытесанных из камня в самые разные эпохи и времена. Здесь же, в этой маленькой деревушке в две с половиной улицы, находится дом, хранящий миллионы человеческих судеб – прошлых и будущих. Так называемые «Хроники Акаши».

Киркегор говорит: есть человек верующий, есть неверующий, и есть третий – художник. И он не может быть ни первым, ни вторым, иначе перестает быть художником. И, со слов Киркегора, по промыслу божьему место художника – предстояние Богу. Творческое пред-стояние. И это пред, разумеется, ничего общего не имеет с меж тем и другим, к чему склоняет нас пространственное мышление. Это пред откликается на вопрос как и когда, и глухо к вопросу где. Но и Бог – это не Бог верующего человека. Но и не-Бог неверующего. Тогда кому ж предстояние? За неимением более внятного слова, скажем – живому космосу. В котором дни творенья не только еще не совершены, но происходят сейчас, и происходят через тебя, в том числе – через тебя. И тогда: кругом возможно Бог. Как живой космос времени. И каждый из нас соткан из этого космоса времени. То есть живой смерти. Ей предстояние – возможно, жизнью. В этом предстоянии ничего не скажешь наверняка.

Ты здесь не в первый раз, несколько лет тому назад ты прочел здесь свою судьбу. С тех пор ты время от времени навещаешь сюда, и указываешь путь тем, кому это нужно. Расскажи, как происходит этот поиск судьбы.

С.А.: Первое, что после короткого разговора и знакомства с брамином делается – это берется отпечаток внутренней вселенной, личный архетепический код, который

сосредоточен на подушечке большого пальца руки. У женщин это большой палец левой руки, у мужчин – правой. Эта архетипическая карта пальца указывает, говоря проще, в каком шкафу может находиться твой список. Далее, путем вопросов-ответов самого общего справочного характера, сужается круг поиска. Когда твой – с абсолютной достоверностью твой список – находится, когда всё внешнее совпадает настолько, что уже не остается никаких шансов для сомнений и ошибки, потому что ошибка может дорого стоить, совпадений почти близнецовых судеб и имен избежать теоретически невозможно, всегда ведь есть некий Иван Сидоров, у которого сестра Мария, рожденная 21 марта. Если все же находится именно твой список, наступает следующий этап – этап правильной записи, перевода и интерпретации.

Текст написан на архаическом тамиле, который является уже переводом классического санскрита. С архаического тамила это переводится либо на английский, либо на хинди. И тогда ты получаешь этот текст с разверткой в обе стороны от твоей настоящей жизни. То, что находится до твоего рождения, по одну сторону, с причинами, кармическими узлами и паттернами, которые порождают какие-то повторения и ключевые проблемы в твоей жизни, и по другую – твое будущее.

В этом доме находятся списки, связанные примерно с шестью миллионами судеб. Их относительно много, этих домов, по Индии – несколько десятков, настоящих. И несть числа мнимым. Но даже если ты оказался в настоящей библиотеке, еще не факт, что твой список будет найден.

С.С.: Как выглядят эти списки?

С.А.: Это пальмовая дощечка, похожая на линейку, на которой бисерным почерком с помощью сухой иглы написан текст на старотамильском языке... Очень напоминающий кардиограмму. Что касается будущего, написанного в твоём списке, то это не приговор, а возможный сценарий потоков энергии твоей судьбы. Как с этим работать, говорится в особом тринадцатом кандаме – Шакти-кандаме. Даны советы и рекомендации по снятию негативных паттернов и кармических фиксаций. Это отдельная практическая история, когда человек, ознакомившись с картой своей судьбы, решает, проходить ему через эти ремиди, эти действия, включающие в себя посещение определенных мест, определенные ритуалы, индивидуальные практики. Это путь активного вмешательства в процесс своей судьбы, ее реализацию.

С.С.: Но, наверно, прежде всех этих действий, вопрос: кто ты? Не просто формальное подтверждение бывшего с тобой и известного тебе – что в таком-то году ты окончил университет или женился в таком-то возрасте, не в этом дело. Это карта глубинных мотиваций и движения твоей судьбы, которая во многом не совпадает с этим анкетным поверхностным рисунком. Это то, что каждый мыслящий человек без устали задает себе в качестве самого разного рода вопросов, сводимых к одному: кто ты?

С.А.: И куда ты.

С.С.: Да, и куда ты идешь. Ты либо подхвачен энергией, векторно совпадающей с твоей внутренней сущностью, либо становишься ей поперек. А в чем твоя сущность, если она началась задолго до тебя, и в какой узор сплетены эти нити? Ведь в узоре твоей судьбы ты – лишь одна из нитей. Это, приблизительно, взаимоотношения паруса и ветра – он может звенеть от ветра, и корабль несется по волнам и поет, а под не тем углом корабль опрокидывается или парус рвется. Так или иначе, этот вопрос сопровождает человека всю его жизнь, и мера его интенсивности тем выше, чем более творчески и осознанно человек пытается отнестись к происходящему с ним.

В этом смысле, наверно, списки Акаши – одна из возможностей усилить резонирующее пространство вокруг себя, позволяющее этому вопросу находиться в более полном, что ли, звучании, интенсивности. В этом же ряду для меня, например, таким списком Акаши может послужить прочитанная книга, вдруг затронувшая какой-то глубинный нерв, и ты узнаешь в этой книге твои проблемы, твою жизнь, твое лицо проступает из этих страниц. Случайная встреча с человеком может также пробудить вибрацию этого вопроса, доведенного до крайней пронзительности и остроты.

С.А.: Это включение познания в жизненный процесс – видение карты своего путешествия.

С.С.: Да, но, прежде всего, – что движет этим намерением взять свою карту? Потому что, в самых разных культурах общим знаменателем для человека, осуществляющего себя в мире, всегда была и остается открытость по отношению к будущему. Это незнание своей судьбы и высвобождаемая из этого незнания энергия – интуиции, ошибок, опыта, это поле невладения человека картой своего завтрашнего дня и определяло во многом существование человека. Здесь, конечно, есть нарушение некоторого рода этой границы и шаг за эту черту: знать свою судьбу, знать свой завтрашний день, знать час своей смерти.

С.А.: В этом глубокая разница между индийской эзотерикой и западной. Язык, которым пользуется ведическая астрология, никогда не связывает, не отождествляет глубинную сущность человека, его реальное «я» с судьбой. Никогда не говорится: ты – Скорпион, ты – Лев, говорится, что твоя судьба была воплощена при таких-то обстоятельствах, вот условия игры, в которую ты оказался вовлечен. Но это не ты. Это условия игры. Все виды страха – порождения невежества. Пока не включен свет, ты принимаешь висящее на вешалке пальто за вора, веревку на полу – за змею. Этот процесс помогает осознать явления, элементы игры, смысловые обстоятельства твоего путешествия.

С.С.: Если говорить в категориях игры, то я за игру чистую, без подсказок, без джокера в рукаве...

С.А.: По причине подсознательной, по той простой причине, что так называемое подсознание так и не становится сознанием. В этом главная проблема. И весь опыт ведической астрологии, которая является частью йоги, это и есть процесс превращения темного поля подсознания, возвращения в поле сознания. Отсутствие шизофренического раздвоения между так называемым сознанием и не-сознанием. И это есть один из процессов этой практики. Не подавление, не отрицание, а привнесение света в темную дальнюю комнату бессознательного. И тогда автоматически исчезает дуализм. Искусство этим и занимается. Процессом осознания, освещения углов жизни. Человек перестает себя чувствовать жертвой обстоятельств, случайностей и пр.

С.С.: Это слишком категорично для меня. И искусство, и жизнь, в моем понимании, не на этом пути находятся. Я бы говорил в терминах приобщения, а не перевода подсознательного на сознательный уровень.

С.А.: Не важно, это создает конфликтную ситуацию...

С.С.: Это очень важно.

С.А.: Реальное искусство, глубокое искусство – это и есть процесс осознания и актуализации бессознательного. И это вопрос не теоретический, это вопрос опыта. Когда

есть опыт осознания еще недавно подавленных, скрытых, невразумительных, неясных теней так называемого подсознания, тогда становится понятным и очевидным, о чем идет речь. На этом основано любое творчество.

С.С.: Искусство, которое ставит во главу угла осознание, является для меня профанацией искусства.

С.А.: Что ты имеешь в виду под словом «осознание»? Ты говоришь о вещах, которых не знаешь. У тебя есть представление...

С.С.: Нет такого человека, который не переживал, не осознавал что-либо когда-либо. Речь может идти лишь о глубине осознанных вещей...

С.А.: Осознание это...

С.С.: Ясно видеть то, с чем имеешь дело.

С.А.: Речь идет о дзен, о том, что ты находишься в центре и переживаешь вещь – полностью. Если этого нет, то нет искусства.

С.С.: Я поясню, что я имею в виду. Есть вещи, задача к которым максимально тактично и чутко приблизиться. Они больше, чем твоя способность их осознать. Ты своим осознанием – подожди, не перебивай меня – только деформируешь эту вещь...

С.А.: Каким образом? Ты просто не понимаешь, о чем ты говоришь. То, что ты понимаешь под словом «осознание», совершенно иной феномен, чем то, что я в него вкладываю. В этом ирония диалога. Я под осознанием имею в виду видение, то, что это становится твоим опытом, ты видишь это, ты в этом.

С.С.: О переживании ты говоришь, о проживании этих вещей? Ну тогда это надо уточнять с самого начала, иначе это воспринимается в категориях...

С.А.: Материалистической идеологии?

С.С.: Нет, на общечеловеческом языке в любой культуре осознание – это перевод в мышление...

С.А.: Никакого перевода, никакого мышления нет при этом... Я говорю о йогическом опыте, а ты мне приводишь Гегеля, Аристотеля – что вообще не имеет к этой парадигме никакого отношения.

С.С.: Так это надо с самого начала и говорить...

С.А.: А я и говорю с самого начала, я никогда не говорю с гегелевских позиций, я говорю с позиций опыта, я говорю с позиций культуры...

С.С.: Гегель – это тоже позиция опыта и культуры...

С.А.: Гегелевская позиция – это создание логического пространства, которое совершенно не обязательно проживать. Затем эта теория вдалбливается ученикам, заменяя необходимость живого личного опыта. Не случайно Александр Македонский после Индии отказался от Аристотеля...

С.С.: Но в то же время гегелевский опыт называется сознательным, это сознательное мышление... Просто тебе нужно говорить, что, говоря об осознании, ты имеешь в виду йогическую традицию.

С.А.: С включением свидетельствования, когда жизненная ситуация становится частью твоего бытия или ты становишься частью этой ситуации. Глубокое видение – ничто не происходит механически, ничто не заменено какими-либо клише. Особенно опасны клише, выглядящие как логические. В этом опасность рациональной философии и идеологии. Йогическая культура основана на полном отрицании каких-либо клише и необходимости непосредственного опыта. И под сознанием имеется в виду переживание центра, сути, оси – любого феномена, любого события. И в плане общего поля сознания, общего поля психики речь идет о переживании открытия этого центра, объединяющего все уровни психики, и тогда прекращается это искусственное, конфликтное деление на так называемое сознательное и бессознательное.

Я сейчас говорю, из уважения к тебе, на том языке, который ты знаешь. Но тут возникает недоразумение, потому что этот язык, эта терминология не связана с этим опытом. Мы не можем найти общего языка по причине отсутствия точных терминов для обозначения нементальных состояний. В этом бедность европейского общепринятого вокабуляра, который не обладает достаточной терминологией, описывающей нюансы и различные стадии состояния сознания. Душа, например. В вокабуляре йогической культуры нет такого общ его термина – «душа», есть точные обозначения различных градаций, уровней и состояний энергии. В Индии, например, когда речь идет о бюрократизме, о современной научной парадигме, они не пользуются санскритом, они пользуются естественным инструментом, или языком, связанным с рождением этих форм и феноменов, – это английский. Но когда речь идет об описании глубоко внутренних процессов, английский почти беспомощен – это просто пляска пьяного медведя на бочке.

С.С.: А язык будущего – чей? Много ли нам известно людей, которые знали свою судьбу?

С.А.: Простой пример, по крайней мере, имеющий отношение к молодой европейской культуре, отождествляющей себя с античностью и христианством, которое во многом продолжает оказывать влияние на динамику развития Запада. Вся история Христа основана на Акаши-хронике, на его инициации и знании своей судьбы и этих дорожных камней, знаков. Без этого знания кто знает, что бы произошло? Он бы умер на кресте – от страданий и боли. Но он знал, что это не всё, он знал, что это этап. И в результате это не оказалось финишной чертой, не оказалось точкой над «i».

С.С.: Меня как раз, как ни странно, интересует больше не будущее, а прошлое и настоящее в судьбе.

С.А.: Знание не отбирает тайну. Оно тебе просто помогает подключить сознание к процессу твоей жизни. И с этой точки зрения, знание своей судьбы – не фатализм. Наоборот, это помогает принять ответственность за события твоей жизни. Невозможно принимать ответственность по отношению к неизвестному. Вот эта возможность и дается – увидеть поле своей жизни, расклад событий, и принять ответственность. Что немислимо без осознания ситуации.

С.С.: Проживание сокровенного – давай будем уточнять это слово «осознание». То есть знание не интеллектуальное, не рациональное...

С.А.: Знание означает быть в, иметь это, обладать этим...

С.С.: Знать, что в Нью-Йорке столько-то миллионов жителей, это не знание.

С.А.: Это информация. Информация – это в лучшем случае некая провокация к познанию. Если тебе важно, по какой-то причине, знать Нью-Йорк, то, скажем, карта Нью-Йорка или статистика Нью-Йорка может подтолкнуть тебя к непосредственному опыту. Вот когда ты становишься Нью-Йорком или Нью-Йорк становится тобой, это – знание. Когда исчезает двойственность, только тогда возникает опыт знания. Знания чего угодно, знания яблока. Ты просто становишься яблоком, вкусом яблока, яблочным видением мира и т.д. Вот это знание яблока. На этом была основана попытка культурной революции на Западе в пятидесятых-шестидесятых, когда некоторые мастера нового поколения, типа Карла Гроффа, учили своих студентов осознанию, сопричастию феноменам жизни.

С.С.: И они предлагали этот путь с помощью...

С.А.: Медитации, наркотиков и т.д. Дело в том, что психика людей настолько заблокирована, что необходима сильная провокация. Когда шепот уже не слышен. Когда «Битлз» начали свою концертную деятельность с 80-ю ваттами усилителей, это было воспринято как агрессивнейшая атака на уши и чувства людей. Что такое 80 ватт сейчас? Если в машине, в маленьких «Жигули» люди устанавливают 200 ватт. Еще одно-полтора столетия назад в Индии наслаждались музыкой по несколько тысяч людей в театре, не оснащенном никакими усилителями, микрофонами. А что случилось? Мозг тот же, уши те же – изменился тюнинг, настройка. Огрубление невероятное. Снижение чувствительности на всех уровнях. Работает оплеуха. Работает крик.

С.С.: Шок.

С.А.: Шок. Как говорится, если кто-то не просыпается от начавшегося пожара, то шептать ему в ухо бесполезно, нужно орать, а может быть, дать ему оплеуху. Индустриализация достигла такой критической точки, что у людей нет собственного опыта. Даже просто реального собственного мнения. Я уже не говорю сейчас о спорной ценности мнения, но даже его нет, настолько плотен мир клише, лейблов, готовых форм. Поэтому необходимо сейчас спровоцировать – естественно, не всех, но тех, кто способен, – к опыту личного, интимного, глубокого осознания, со-знания – самых элементарных вещей, не только высоких материй. Самые элементарных: дышать, смотреть, слышать, нюхать, чувствовать вкус. Необходимо учиться с азов – осознавать, пройти глубоко личный, интимный опыт бытия. Одна из главных драм и причин этого стресса и больших психических сломов – то, что люди неспособны принять себя. Они постоянно ориентируются на определенный стандарт и стараются быть кем-то. И тем самым не проживают свою жизнь, тем самым не находят внутреннего единства с миром. Сейчас совершенно не осталось пространства для личной судьбы. Мир формата.

Свою судьбу надо знать. Знание не отнимает тайны...

С.С.: Вот здесь я как раз за тайну не опасуюсь – по поводу прошлого и настоящего...

С.А.: Я говорю о тайне будущего, это главная тайна. Прошлое практически ни для кого не тайна, любой знает, какие прошлые грехи...

С.С.: Очень мало мы знаем. И меньше всего – о нашем прошлом и настоящем. Вот где тайна. В нашей жизни произошли мириады событий, и у нас остается совершенно

произвольный рисунок этих событий, сохраненный в нашей памяти. Что-то изгоняется, передвигается, перерисовывается с течением времени – во сне, в том же подсознании, в сознании, в самых разных формах. Рисунок знания нами нашей судьбы с нашей истинной, действительной судьбой совершенно, по моему убеждению, не совпадает. А если говорить о сокровенном рисунке, который лежит под внешними событиями, – только мастера способны погружаться на ту глубину, где действительно видно дно судьбы и рисунок этих разломов.

С.А.: Ну, дно, исток того, что мы называем своей судьбой, это Бог.

С.С.: Да, но с 9 января 1959 года включается именно моя ответственность.

С.А.: Но это не исток. Это 9 января является в свою очередь следствием. Так и выстраивай эту цепь. Иначе твоя жизнь будет полуправдой. Вот мы опять возвращаемся к этой же истории подсознания и сознания. Это все остается в области бессознательного, которое требует – и от этого никто не свободен – своего осознания. Тогда и завершается эта история блудного сына.

P.S.

*Свами Амриту,
Лакшман-Джула, Ришикеш,
Уттаранчал-Прадеш, Индия*

Наместе, Амрит.

Второй день как мы в Москве, которая после Индии выглядит как потухшая звезда. За окном снег, туман, иней, шубы-ушанки. А мы все еще там, в мире настоящей сновидческой реальности. Эти два месяца обернулись жизнью нечеловеческой длины, объема и акустики. Спасибо тебе за те тропы, которыми мы ходили с тобой, дышали, видели, жили. Это бесценный дар – и мир твой, и его столь разные ярусы, и столь сложное их единство.

Путешествие наше шло, как и предполагалось, в сторону юга: ряд городков и деревушек в Тамил-Наду до Каньякумари, затем в Кералу, с неделей, проведенной на берегу океана в мусульманской деревушке, где последнего европейца видели, наверное, во времена Афанасия Никитина. Объяснялись на пальцах, жили по сердцу, ходили под парусом с рыбаками. Затем опять Тамил-Наду, заповедник с могучими, мистическими джунглями, ночные бдения в них под луной, роящиеся светляки, хтонические бизоны, бесшумно ступающие в белых чулках. Возвращение в Кералу, затем Патна, Бодхи-Гайя, Раджгир, Бенарес, Куммела в Аллахабаде, Дели...

Из событий крупного плана (хотя, как ты понимаешь, сокровенное не позирует, оставаясь на периферии зрения) – это храм Кришны в Керале, на задворках Коллама. Этот храм, не нанесенный на карты, в безлюдной округе, из черно-красного дерева допотопных времен, весь, от пят до темени, горящий живыми огнями, с баснословным баньяном у входа и чугунными чанами дымящейся еды в притворах, с пятью монахами-музыкантами, к ночи обметывающими его периметр музыкой и ходьбой, со слоном, стоящим во тьме сада, – которому мы кидали сласти, полученные нами на пудже, – и он во тьме шарил хоботом по земле, выискивая их и покачиваясь, как земля, до которой еще лететь и лететь.

И второе событие – в Бодхи-Гайе, где мы оказались по какому-то безотчетному наитию, вовсе не собираясь в эти безотрадные края окрестностей Патны, да и толком не зная ни о Бодхи-Гайе, ни о баньяне, под которым Будда получил просветление, ни, тем более, о том, что в вечерний час нашего приезда в эту же деревушку приехал Далай-лама.

Представь невозможное, – сказал я Зое, – вдруг завтра окажется возможность встречи с ним, и еще более невозможное – частная встреча. О чем говорить, что спросить? Выходит, что не о чем – кроме молчания и благодарности за все, что с тобой происходит. Во всяком случае, глубина встречи не от речи зависит. И на следующий день она состоялась.

Были, конечно, и другие события, не менее яркие и глубокие, хотя и другого плана. Увидимся – расскажем. Думаем, уже скоро – в начале осени. А пока мы готовим сайт с проектом нашего ашрама. Кое-что ты можешь увидеть уже сейчас: www.art-ashram.com. И понемногу пишу роман об Индии, «Адамов мост».

Как твое путешествие? Надеемся, оно было не менее удивительным и полным. Какие планы?

Обнимаем тебя – с благодарностью и очень сердечно.

Твои Сергей и Зоя